

Анна Вейнар
Оливия Рейн

«Автор»

2026

Вейнар А.

Оливия Рейн / А. Вейнар — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Оливия Рейн всегда считала себя обычной девушкой. Успешной ученицей обычной школы, мечтательницей с белыми, как лунный свет, волосами и слишком яркими голубыми глазами. Но один день изменил всю её жизнь. Теперь её путь лежит в Академию Лавиретти — где учатся самые сильные маги мира. Здесь её ждут не только учеба, формулы и руны, здесь она познакомится со своими друзьями. Найдёт свою любовь, которая старше столетий. Узнает о своей магии, которая течёт в крови.

© Вейнар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Дождь	5
Глава 2 Академия	11
Глава 3 Чужая среди своих	19
Глава 4 Свободный день	29
Глава 5 Дикий Ритм	38
Глава 6 День рождения	46
Глава 7 Прайм	56
Глава 8 Пятый уровень	65
Глава 9 Разлука	76
Глава 10 Две реки	88
Глава 11 Древняя кровь	96
Глава 12 Запретные страницы	101
Глава 13	110

Анна Вейнар Оливия Рейн

Глава 1 Дождь

Дождь не самая приятная погода для начала новой главы жизни.

Тяжёлые капли барабанили по крыше экипажа монотонно, безжалостно, словно кто-то невидимый выбивал похоронный марш на лакированном дереве. За окном, затянутым то нкой плёнкой влаги, мелькали пейзажи — один сменял другой с обманчивой быстротой, Густые дубовые рощи уступали место бескрайним вересковым пустошам, те — каменистым холмам, укутанным седым туманом. Одни сутки пути до места назначения, а казалось, что я проехала целую жизнь.

Я прижалась виском к холодному стеклу и закрыла глаза.

Двое молчаливых сопровождающих сидели напротив, неподвижные, как изваяния. Чёрные мантии — ни единого украшения, только глухая, плотная ткань, поглощающая свет. Лица скрыты под серыми масками, инкрустированными защитными кристаллами — мелкими, тускло мерцающими камнями, вправленными вдоль скул и переносицы затейливым узором. Я знала, для чего они. Кристаллы блокировали любую магию. Или попытку её использовать.

Забавно. Ещё неделю назад я и понятия не имела, что во мне есть что-то, что нужно блокировать.

Четвёрка вороных коней несла экипаж ровно, без рывков, будто плыла над размытой дорогой. Лошади были породистые — это я видела мельком, когда меня усаживали внутрь: лоснящаяся шерсть цвета воронова крыла, сильные ноги, гордо посаженные головы. Дорогой крытый экипаж. Дорогие лошади. Дорогие сопровождающие. Всё это — для одной перепуганной семнадцатилетней девчонки, которая два дня назад случайно разнесла половину школьной столовой.

Я сглотнула и отвернулась от окна.

То, что случилось почти двое суток назад, изменило мою жизнь. Нет — разломило её надвое, как ветку, как тонкую корочку льда, под которой оказалась бездна. И эта бездна заставляла меня задуматься о моём настоящем происхождении. О том, о чём я старательно не думала семнадцать лет.

Моя приёмная семья была вынуждена обратиться в Министерство магии. Для моей же защиты — так они сказали. Мама плакала. Папа держал её за плечи, и руки у него дрожали, хотя голос оставался ровным.

Мои прекрасные приёмные родители. Виктория и Александр Рейн.

Они спасли меня от тяжёлой участи сироты. Это было давно — так давно, что я помню лишь обрывки, а остальное знаю с их слов, пересказанных столько раз, что они стали моими собственными воспоминаниями.

В приюте Святой Елены, мрачноватом каменном здании на окраине Трейса, раз в сезон устраивали день открытых дверей — благотворительный, как его называли. Богатые семьи приезжали, чтобы пожертвовать деньги, одежду, игрушки. Иногда — чтобы взглянуть на детей. Редко — чтобы забрать кого-то домой.

В тот день Виктория и Александр приехали просто помочь. Они были молоды, совсем недавно женаты. Мама потом рассказывала, что у них и в мыслях не было усыновление

— «мы ехали отвезти тёплые одеяла, Лив, просто одеяла». Но потом она увидела меня.

Маленькая, белокурая девочка двух лет, сидевшая на полу в игровой комнате, в стороне от остальных детей. Светлые волосы — почти белые — падали на лицо спутанными прядями. А когда я подняла голову и посмотрела на вошедшую женщину, Виктория увидела мои глаза.

Голубые. Яркие, неестественно яркие, как два драгоценных аквамарина.

— Она посмотрела на меня, — рассказывала мама, — и я поняла, что никуда без меня не уедет.

В тот же день они подали документы. Через три месяца бюрократических мытарств, проверок, комиссий и бесконечных подписей я получила их фамилию. Рейн.

Оливия Рейн. Для самых близких — Лив.

Я привыкла к этому имени. Вросла в него, как дерево вырастает в почву. Семнадцать лет я была Оливией Рейн — дочерью уважаемого земледельца и его жены, девочкой из хорошей семьи, которая живёт в старом поместье на холме и ходит в обычную школу в деревне у подножия. Не потому, что родители не могли позволить себе частных учителей или академию, — могли, и не раз предлагали, — а потому, что я сама хотела быть «обычной».

Обычная школа. Обычные друзья. Обычная жизнь.

Какая ирония.

Я никогда не была обычной. Просто не знала об этом.

Первые странности начались месяца за три до моего восемнадцатилетия. Мелочи, на которые я не обращала внимания. Свечи в моей комнате вспыхивали сами, когда я входила — я списывала это на сквозняк. Цветы в вазе на подоконнике, давно увядшие, однажды утром оказались свежими, словно только что срезанными — я решила, что мама заменила букет. Вода в умывальнике иногда шла тёплой, хотя я не поворачивала кран, — «старые трубы», думала я.

Потом мелочи стали крупнее.

За две недели до дня рождения я поссорилась с Ритой Дайс — язвительной рыжей девицей, которая с первого класса считала своим священным долгом напоминать мне, что я подкидыш. Обычно я пропускала её слова мимо ушей. Но в тот день в тот день что-то было иначе. Что-то внутри меня было натянуто, как струна.

— Приютская, — бросила Рита на перемене, достаточно громко, чтобы слышал весь коридор. — Сколько бы тебя ни наряжали в чужую фамилию, кровь-то дрянная.

Я сжала кулаки.

И стёкла в коридорных окнах пошли трещинами. Все. Разом. Одиннадцать окон, от входа до лестницы, покрылись паутиной трещин с тихим, почти музыкальным звоном. Никто не поранился. Но тишина, наступившая следом, была оглушительной.

Рита побледнела. Я — тоже.

«Ветер», — сказал директор, вызвавший стекольщика.

Он не поверил в это сам. Я видела по его глазам.

Но настоящий кошмар случился за неделю до моего восемнадцатилетия.

Тот день я помню по секундам.

Школьная столовая. Обеденный час. Гул голосов, звон посуды, запах горохового супа и свежего хлеба. Я сидела за нашим обычным столом, у окна, рядом с Томом и Ниной — единственными людьми, кроме родителей, которых я могла назвать по-настоящему близкими. Том рассказывал что-то смешное — кажется, про учителя географии и его новый парик. Нина смеялась, прикрывая рот ладонью. Я улыбалась.

А потом я услышала это.

Не ушами. Где-то глубже. Где-то внутри. Низкий гул, похожий на звук, с которым лопается перетянутая струна, только этот звук не прекращался — он нарастал, заполнял голову, грудную клетку, кончики пальцев. Мир вокруг поплыл, как отражение в потревоженной воде.

— Лив? — Том перестал смеяться. — Лив, ты в порядке? Ты побледнела.

Я хотела ответить. Хотела сказать — да, всё хорошо, просто голова закружилась. Но слова застряли где-то на полпути, потому что мои руки начали светиться.

Не ярко. Тускло, едва заметно — молочно-голубое сияние, пульсирующее под кожей, словно по венам текла не кровь, а жидкий свет. Я уставилась на собственные ладони, и в моей голове единственной связной мыслью было:

Это не нормально. Это совсем не нормально.

— Лив! — Нина схватила меня за плечо. Её прикосновение было как искра, упавшая в порох.

И мир взорвался.

Нет, не мир. Я.

Волна силы — невидимая, но осязаемая, плотная, как стена воды — хлынула из меня во все стороны. Столы, стулья, тарелки, стаканы — всё взлетело в воздух, словно подхваченное ураганом. Люди кричали. Кто-то упал. Окна вылетели наружу вместе с рамами. Каменный пол пошёл трещинами, как тонкий лёд. Потолочные балки застонали.

Это длилось секунды. Три? Пять? Вечность?

А потом всё рухнуло.

Тишина. Звон в ушах. Пыль, медленно оседающая в воздухе, подсвеченная лучами солнца из пустых оконных проёмов. Я стояла в центре столовой — единственная, кто стоял, — а вокруг меня, в радиусе нескольких метров, пол был чистый. Идеально чистый, будто очерченный невидимым циркулем. За пределами этого круга — хаос, перевернутая мебель, разбитая посуда, стонущие люди.

Я посмотрела на свои руки. Свечение угасало, впитываясь обратно под кожу, как вода в песок.

Том лежал в трёх метрах от меня, привалившись спиной к опрокинутому столу. На его лбу была ссадина. Он смотрел на меня — не со страхом, нет. С изумлением.

— Ли-ив — выдохнул он. — Что это было?

Я не знала.

Но я знала одно: обычная жизнь Оливии Рейн только что закончилась.

Через час приехал директор. Через два — папа, бледный, с поджатыми губами, и мама, с заплаканными глазами, но держащаяся с тем достоинством, которое меня в ней всегда восхищало.

Они забрали меня домой.

Мы ехали молча. Мамина рука лежала на моей — тёплая, надёжная, привычная. Папа смотрел на дорогу. Я смотрела в окно, но не видела ничего.

Дома они усадили меня в гостиной, в кресло у камина — в котором я провела тысячи вечеров, читая книги, слушая мамины истории, засыпая под треск поленьев. Мама заварила чай. Папа стоял у окна, заложив руки за спину.

— Оливия, — он назвал меня полным именем, а значит, дело серьёзное, — нам нужно поговорить.

— Я не понимаю, что произошло, — мой голос звучал чужим. Хриплым. Тонким. — Я не делала этого специально. Я вообще не знаю, что это было.

— Мы знаем, — мама села рядом. — Мы знаем, милая.

Повисла пауза. Родители переглянулись — так, как переглядываются люди, которые шестнадцать лет хранили тайну и наконец дождались момента, которого боялись.

— Когда мы забирали тебя из приюта, — начал папа медленно, — нам сказали нас предупредили, что твоё происхождение неясно.

— Неясно? — я нахмурилась. — Вы говорили, что обо мне ничего не известно. Что меня подбросили.

— Это правда. Тебя принесли к дверям Святой Елены ночью, без единой записки. Но

Он замолчал. Мама договорила за него:

— Но при тебе был предмет, Лив. Мы не рассказывали тебе о нём, потому что потому что надеялись, что это никогда не понадобится.

Она поднялась, вышла из комнаты и вернулась через несколько минут, держа в руках небольшую шкатулку из тёмного дерева — старую, потёртую, покрытую странными символами, которые я никогда раньше не видела. Мама поставила шкатулку на столик передо мной.

— Это было — Рядом с тобой.

Я протянула руку к крышке.

— Не сейчас, — папа мягко, но твёрдо остановил меня. — Сейчас — не время. Сначала нам нужно связаться с Министерством.

— С Министерством магии? — я подняла на него глаза. — Но мы же обычные люди. Мы не маги. Зачем нам—

И осеклась.

Потому что ответ был очевиден.

Мы — не маги.

Я— другое дело.

Министерство отреагировало быстро. Слишком быстро. Папа отправил сообщение через каминную связь соседа — старого Юстина, одного из немногих людей в округе, имевших лицензию на магическую коммуникацию. Не прошло и шести часов, как к нашему поместью подъехал экипаж.

Не этот. Другой. Скромнее, без вороных лошадей, но с гербом Министерства на дверце — в треугольнике, обвитый плющом. Из него вышли трое: двое в форме — серые кители, с ярко-красными знаками на груди, — и женщина. Высокая, худая, с острым лицом и внимательными тёмными глазами. Её волосы были убраны под красную шляпу, а на шее висел медальон, мерцавший тем же молочно-голубым светом, который я видела на своих руках.

— Ирэн Вэйс, — представилась она, не улыбувшись. — Старший инспектор Отдела магического контроля. Мне нужно поговорить с девочкой.

— С нашей дочерью, — поправил папа. Его голос был спокоен, но в нём звенела сталь.

Ирэн Вэйс едва заметно склонила голову.

— С вашей дочерью. Разумеется.

Она поговорила со мной. Задавала вопросы — чёткие, сухие, лишённые эмоций. Когда я впервые почувствовала что-то необычное? Были ли странности раньше? Видения? Голоса? Потери сознания? Я отвечала как могла. Она слушала, кивала, делала пометки в маленьком блокноте зачарованным пером, которое двигалось само.

Потом она попросила меня показать руки. Долго рассматривала мои ладони — не линии, нет, что-то другое. Провела над ними своим медальоном. Камень вспыхнул так ярко, что Ирэн отёрнула руку.

В её глазах — впервые за весь разговор — я увидела удивление.

И что-то ещё. Страх?

Она вышла к родителям. Я слышала из-за закрытой двери обрывки фраз:

— уровень значительно выше нормы необходима изоляция не наказание, поймите для её же безопасности Академия Лавиретти единственное учреждение, оснащённое вопрос происхождения будет исследован

Мамин голос, сдавленный: — Вы не можете забрать её!

Папин — ровный, но треснувший на последнем слове:

— Можно ли изменить ваше решение? Она наша дочь.

И голос Ирэн Вэйс, холодный и неумолимый:

— Господин Рейн, госпожа Рейн. Я понимаю вашу боль. Но то, что произошло в школе, — это не шалость. Это неконтролируемый выброс магической энергии такой силы, какой я

не видела за двадцать лет службы. Если это повторится без надлежащего контроля, ваша дочь может погибнуть. И забрать с собой всех, кто окажется рядом.

Тишина.

Долгая, мучительная тишина.

А потом — мамины рыдания.

Мне дали сутки на сборы. Целые сутки — какая щедрость.

Я бродила по дому, трогая знакомые вещи, словно пыталась впечатать их в память кончиками пальцев. Перила лестницы, отполированные годами прикосновений. Вмятина на дверном косяке кухни — мне было семь, я бежала и врезалась лбом. Книжная полка в гостиной, на которой стояли мои любимые тома — приключения, истории, сказки. Всё обычное. Всё нормальное.

Всё, чем я больше не была.

Я сложила в дорожную сумку немного одежды, тёплый шарф, который связала мама, потрёпанный том «Красочности темных ночей» — мою любимую книгу с детства — и медальон с маленьким портретом мамы и папы, который они подарили мне на пятнадцатилетие.

Том и Нина пришли проститься. Нина плакала. Том не плакал, но был таким бледным, что его веснушки казались нарисованными на белой бумаге.

— Мы будем писать, — сказал он. — Каждый день.

— Тебе вообще можно получать письма? — всхлипнула Нина. — Там, куда тебя везут?

Я не знала.

Я не знала ничего.

И вот я здесь. В экипаже. Под дождём. Между двумя молчаливыми фигурами в масках, которые не произнесли ни слова с момента отъезда.

Пейзаж за окном снова изменился. Холмы стали выше, темнее. Деревья — реже и мрачнее, с узловатыми ветвями, похожими на скрюченные пальцы. Небо затянуло свинцовыми тучами — такими низкими, что казалось, протяни руку из окна, и коснёшься их влажного брюха.

Я достала медальон из кармана. Открыла. Два лица — мамино и папино — смотрели на меня с крошечного портрета, написанного маслом. Мама улыбалась. Папа — почти улыбался, что для него было равнозначно безудержному хохоту.

Я закрыла медальон. Сжала в кулаке. Прижала к груди.

Оливия Рейн, — повторила я про себя. — Для самых близких — Лив. Тебе семнадцать лет. Через неделю будет восемнадцать. Ты — дочь Виктории и Александра Рейн. Это не изменится. Что бы ни ждало тебя впереди — это не изменится.

Экипаж качнулся на ухабе. Один из сопровождающих чуть повернул голову в мою сторону — первое движение за несколько часов. Кристаллы на его маске мерцнули в полумраке.

— Приближаемся, — произнёс он. Голос был глухим, бесцветным, искажённым маской. Первое слово, которое я услышала от него за весь путь.

Я выпрямилась в кресле. Посмотрела в окно.

Впереди, сквозь пелену дождя и тумана, на вершине чёрной скалы, нависшей над ущельем, проступали очертания здания. Огромного. Древнего. С высокими шпилями, пронзающими тучи, и стенами из тёмного камня, по которым стекали потоки воды, словно здание плакало.

Академия Лавиретти.

Мой новый дом.

Если его так можно называть.

Я разжала кулак. Посмотрела на медальон в ладони. Потом — снова на громаду Академии, растущую из тьмы и дождя.

И почувствовала, как что-то шевельнулось внутри. Тот самый гул. Тихий, едва различимый, но живой. Пульсирующий. Ждущий.

Кристаллы на масках сопровождающих вспыхнули ярче.

Я сжала зубы и загнала этот гул обратно — глубже, ниже, в самый тёмный угол, какой только смогла найти в себе.

Не сейчас. Не здесь.

Экипаж начал подъём по серпантину, ведущему к главным воротам.

Дождь усилился.

Глава 2 Академия

Ворота Академии Лавиретти были созданы не для того, чтобы впускать и выпускать. А для сохранения баланса Магии.

Две створки из чёрного железа, каждая высотой в три человеческих роста, покрытые вязью символов — не декоративных, нет. Даже я, ничего не смыслящая в магии, почувствовала, как от них исходит что-то. Давление. Плотное, почти физическое, как вода на глубине. Символы слабо пульсировали багровым, словно угли, которые никак не могут погаснуть.

Экипаж остановился.

Один из сопровождающих — тот, что произнёс единственное слово за весь путь, — поднял руку и коснулся стены экипажа двумя пальцами. Короткая вспышка — и я услышала, как снаружи что-то лязгнуло. Глухо, тяжело, с протяжным стоном металла, от которого у меня заныли зубы.

Ворота открывались. Медленно, нехотя, как пасть существа, не привыкшего разжимать челюсти.

Экипаж тронулся, и я вцепилась пальцами в край сиденья.

За воротами оказался двор. Вымощенный тёмным камнем — мокрым, блестящим, — он был огромен. Настолько огромен, что дождь, казалось, падал в него, как в колодец, и исчезал, поглощённый чернотой. По периметру двора возвышались стены Академии — не ровные, не гладкие, а бугристые, шершавые, словно здание не строили, а вырастили из самой скалы. Кое-где в стенах горели окна — тёплые, янтарные пятна, единственное, что напоминало о присутствии жизни.

Экипаж остановился у широкой каменной лестницы, ведущей к главному входу. Масивная дверь — дерево и железо — была приоткрыта. Из щели лился свет — не тёплый, не уютный, а холодный, голубоватый, как лунный.

Дверь экипажа распахнулась.

Дождь обрушился на меня мгновенно — холодный, злой, колючий. Я не успела ни поднять воротник, ни натянуть капюшон. Просто шагнула наружу, на мокрую брусчатку, и замерла, задрав голову.

Вблизи Академия была ещё страшнее. Шпили, которые издали казались острыми, как иглы, вблизи оказались изрезанными — будто кто-то прошёлся по ним гигантским когтем, оставив глубокие борозды. По стенам ползли не потоки воды, а что-то другое — тонкие светящиеся линии, голубые и серебряные, пульсирующие в такт ритму, который я не столько слышала, сколько ощущала рёбрами.

Здание дышало

Я не знала, как иначе это описать. Лавиретти дышала — медленно, тяжело, древним дыханием камня и магией, и от этого дыхания у меня мурашки пошли не по коже, а по костям.

— Идёмте, — произнёс второй сопровождающий, и я вздрогнула. Его голос был другим — чуть выше, чуть мягче, но тоже искажён маской до неузнаваемости.

Он шагнул вперёд. Первый встал сзади. Я оказалась между ними — и некстати подумала, что со стороны это, вероятно, выглядит как конвой. Заключённую ведут в камеру.

Мы поднялись по лестнице. Ступени были широкие, стёртые посередине — сколько тысяч ног прошло по ним, чтобы оставить такие вмятины? Сотни? Тысячи? Я пыталась сосредоточиться на этой мысли, потому что другие — те, что копошились на задворках сознания, — были слишком страшными.

Что если меня не выпустят?

Что если я никогда не увижу маму и папу?

Что если то, что внутри меня, — что-то плохое?

Мы вошли.

Вестибюль Академии Лавиретти был похож на внутренности собора — если бы собор строили люди, боящиеся неба. Потолок уходил вверх и терялся в темноте, своды поддерживали массивные колонны из того же тёмного камня, что и стены. На колоннах — барельефы: лица, руки, переплетённые тела. Не украшение. Предупреждение. Лица были искажены — не болью, не страхом, чем-то другим. Чем-то, чему я не могла подобрать слова.

Пол — чёрный мрамор, отполированный до зеркального блеска. В нём отражались огни — десятки светильников, парящих под потолком без видимой опоры. Они не горели — а тлели, испуская тот самый холодный голубоватый свет, который я видела снаружи.

Я оставляла за собой мокрые следы на безупречном мраморе. Почему-то это казалось мне чуть ли не преступлением.

Вестибюль был пуст. Ни души. Ни звука, кроме эха наших шагов и далёкого, едва слышного гула — то ли ветра в шпилях, то ли чего-то иного.

— Сюда, — первый сопровождающий указал на коридор, уходящий вправо от лестницы. Широкий, с высокими стрельчатыми окнами, за которыми бушевал дождь.

Мы шли, и я смотрела по сторонам, пытаюсь запомнить дорогу. Поворот. Ещё поворот. Лестница вниз — на полпролёта. Снова коридор. Двери — закрытые, одинаковые, из тёмного дерева, с номерами, выжженными магическим огнём. Ни табличек, ни указателей. Словно Академия не хотела, чтобы новички находили дорогу сами.

Или хотела, чтобы они заблудились и научились чувствовать путь.

Мы остановились перед дверью, ничем не отличавшейся от остальных. Номер 7. Первый сопровождающий дважды коротко постучал и отступил в сторону.

Дверь открылась сама.

Кабинет за ней был неожиданно живым.

После мертвенного холода коридоров — живым. Тёплый свет, но не магический — настоящий, огненный. Камин в стене, настоящий, с потрескивающими поленьями. Стены, обшитые деревянными панелями — не тёмными, а медово-золотистыми, будто вырезанными из солнечного дуба. Книжные шкафы — до потолка, набитые томами так плотно, что казалось, вытащи один — и лавина погребёт под собой всё живое. На полу — ковёр, старый, потёртый, с выцветшим узором, но мягкий. Я почувствовала это даже сквозь мокрые ботинки.

И — запах. Старая бумага, чернила, сухая лаванда и что-то ещё, горьковатое, незнакомое. Как пепел, но не неприятный.

За столом — массивным, завалённым бумагами, свитками, перьями и какими-то странными инструментами, назначение которых я не могла даже вообразить, — сидел человек.

Он был стар, в нём чувствовалась сила. Серые волосы, коротко стриженные, серебрились в свете камина. Лицо — резко очерченное, с глубокими морщинами, как русла высохших рек, с крупным носом и тяжёлыми бровями, под которыми прятались глаза. Глаза я разглядела не сразу. Он смотрел в бумаги.

Одет он был проще, чем я ожидала. Тёмно-зелёный сюртук, застёгнутый до горла, с единственным знаком отличия — небольшой серебряной брошью на лацкане в виде раскрытой книги. Руки — крупные, с узловатыми пальцами, испещрёнными старыми шрамами и чернильными пятнами — лежали на столе поверх развёрнутого свитка.

Сопровождающие остановились у порога. Я — на полшага впереди них. Мокрая, расчёпанная, с дорожной сумкой, сползающей с плеча. Интересно, подумала я, как я выгляжу. Наверное, как бродячая кошка, которую притащили с улицы.

Человек за столом поднял голову.

И я увидела его глаза. Серые. Не холодные — спокойные. Как горное озеро в безветренный день. Он смотрел на меня — не оценивающе, не настороженно. Просто смотрел, и от этого

взгляда мне стало одновременно легче и тяжелее. Легче — потому что в нём не было ни страха, ни отвращения. Тяжелее — потому что в нём было понимание.

— Оливия Рейн, — произнёс он. Голос низкий, негромкий, с лёгкой хрипотцой, как у человека, привыкшего говорить мало, но весомо.

— Да, — ответила я и удивилась тому, как ровно прозвучал мой собственный голос.

— Садитесь.

Он кивнул на кресло перед столом. Обитое потёртой кожей, с высокой спинкой. Я села. Сумка соскользнула с плеча и упала на ковёр. Я не стала её поднимать.

Человек перевёл взгляд на сопровождающих.

— Благодарю. Можете идти.

Они поклонились — синхронно, коротко — и вышли. Дверь закрылась за ними с мягким щелчком. Я осталась наедине с человеком за столом, и только сейчас почувствовала, что мои руки дрожат. Я спрятала их под полы куртки.

— Меня зовут Элиас Кроу, — сказал он, откидываясь в кресле. — Я ректор этой Академии. Я руковожу ею уже тридцать один год, и за это время через мой кабинет прошли сотни учеников. — Но должен признать, ваше дело — одно из самых необычных, какие мне доводилось видеть.

Он взял со стола лист бумаги. Я узнала его — это был бланк Министерства, с тем самым гербом. Глаза ректора пробежали по строкам, которые он, очевидно, читал уже не раз.

— Неконтролируемый магический выброс четвёртого уровня, — он читал вслух, ровно, без выражения, как диагноз. — Материальный ущерб: частичное разрушение помещения. Радиус поражения: четырнадцать метров. Пострадавших: двенадцать. Тяжело пострадавших: ноль. — Он опустил бумагу. — Вам повезло.

-Повезло?

Двенадцать человек пострадали, потому что я не смогла удержать в себе то, чего я даже не понимала, — и мне повезло.

— Могло быть хуже? — спросила я, и мой голос всё-таки дрогнул.

Элиас Кроу посмотрел на меня. Долго. Пристально. Так, словно видел не только моё лицо, но и что-то за ним.

— Значительно хуже, — ответил он наконец. — Выброс четвёртого уровня — это серьёзно, госпожа Рейн. Большинство магов за всю жизнь не достигают и третьего. А вы, судя по отчёту, сделали это непроизвольно, без подготовки, без малейшего контроля. — Он наклонился вперёд, сцепив пальцы. — Вы понимаете, что это означает?

— Что я опасна, — сказала я тихо.

Он покачал головой.

— Нет. Что вы очень сильна. Опасность — это следствие отсутствия контроля. Контролю можно научить. — Именно для этого вы здесь.

Я слотнула.

— А если я не смогу научиться?

— Сможете, — ответил он с таким спокойствием, будто речь шла о том, научусь ли я варить суп. — Но это потребует времени, терпения и — предупреждаю вас заранее.

Я промолчала. Он, кажется, и не ждал ответа.

Ректор поднялся из-за стола. Он оказался высоким — выше, чем мне показалось сначала. Худым, но не хрупким: была в нём та жилистая, сухая крепость, которая бывает у старых деревьев, переживших сотню штормов. Он подошёл к книжному шкафу, провёл пальцами по корешкам — жест машинальный, привычный — и остановился.

— Академия Лавиретти была основана четыреста двенадцать лет назад, — сказал он, не оборачиваясь. — Для подготовки магов. Не всех — тех, чей дар слишком велик, чтобы

учиться обычным путём. Тех, кого обычные школы магии не могут принять, потому что — он обернулся и посмотрел на меня, — потому что обычные стены их не выдержат.

Я вспомнила трещины на стёклах в школьном коридоре. Разнесённую столовую. Мраморный пол, расколотый, как скорлупа.

— Здесь вы научитесь понимать свой дар, — продолжал он, возвращаясь к столу. — Управлять им. Узнаете его пределы — и свои собственные. Программа обучения рассчитана на 6 лет, но — он снова посмотрел на бумагу Министерства, — учитывая вашу ситуацию, график может быть скорректирован.

— Мою ситуацию? — переспросила я.

— Вам семнадцать лет, очень скоро исполнится восемнадцать, госпожа Рейн. Большинство учеников поступают к нам в пятнадцать лет, когда дар только начинает проявляться. Вы — значительно старше. Ваш дар спал долго, и пробуждение было бурным. Это означает, что вас ждёт ускоренный курс по основам, параллельно с программой вашего года. Будет тяжело.

Тяжело. Всё в этом месте, кажется, обещало быть нелегким.

— Занятия начнутся завтра, — он сел обратно и вытащил из ящика стола тонкую папку. — Здесь расписание первой недели, карта Академии — неполная, предупреждаю сразу, здание имеет привычку меняться, — он произнёс это без тени улыбки, и я не поняла, шутит он или нет, — а также правила внутреннего распорядка. Прочтите до утра.

Он протянул мне папку. Я взяла её — пальцы уже не дрожали, но были ледяными.

— Вам будет назначена комната в северном крыле, — продолжал он. — Одноместная. Обычно первогодки живут по двое, но в вашем случае — он не договорил, и я поняла.

В моём случае соседка может не пережить ночь.

Повисла пауза. Ректор смотрел на меня. Я смотрела на папку в своих руках. За окном кабинета — я только сейчас заметила, что здесь есть окно, узкое, стрельчатое — бушевал дождь.

— У вас есть вопросы?

— Сотни, — честно ответила я.

— Задайте один. Остальные подождут.

Один. Из сотен. Я закрыла глаза на секунду. Открыла.

— Моё происхождение, — сказала я, — там, в отчёте есть что-нибудь о том, кто я? Кто мои настоящие — мои биологические родители?

Элиас Кроу молчал. Долго. Так долго, что я решила — он не ответит.

— В отчёте — нет, — сказал он наконец. — Но это не означает, что ответа не существует. Просто его ещё предстоит найти.

Он встал. Прошёл к двери и открыл её. За дверью стояла девушка.

Невысокая, коренастая, примерно моего возраста — может, чуть старше. Тёмные волосы стянуты в тугий хвост. Круглое лицо, россыпь веснушек на носу и щеках, карие глаза — живые, подвижные, с искрой, которая показалась мне почти дерзкой. Одета в форму — тёмно-серый жакет с серебряной окантовкой, юбка до колен, чёрные ботинки на толстой подошве. На лацкане — брошь, похожая на ту, что носил ректор, но меньше.

— Марго Тирс, — представил ректор. — Четвёртый курс. Она покажет вам вашу комнату и — он замолчал, подбирая слово, — поможет освоиться.

Марго Тирс окинула меня взглядом — быстрым, цепким, оценивающим. Мокрые волосы, мокрая куртка, потрёпанная дорожная сумка, побледневшее лицо. Я ожидала снисхождения. Или любопытства. Или того же страха, который мелькнул в глазах Ирэн Вэйс.

Но Марго Тирс широко улыбнулась. Неожиданно. Ярко. Так, словно промокшие перепуганные девчонки появлялись в кабинете ректора каждый вторник, и это было совершенно нормально.

— Привет, — сказала она. — Ты выглядишь ужасно. Пойдём, я знаю, где достать горячий чай в это время.

Я моргнула. Посмотрела на ректора. Он едва заметно кивнул.

Я подобрала сумку с пола, прижала папку к груди и вышла из кабинета.

Марго шла быстро — я едва поспевала за ней, петляя по коридорам, которые все казались мне одинаковыми.

— Не пытайся запомнить дорогу с первого раза, — бросила она через плечо, словно прочитав мои мысли. — Бесполезно. Лавиретти перестраивается. Не часто — раз в несколько дней, может, реже. Лестницы меняют направление, коридоры удлиняются, двери появляются и исчезают. Через пару недель начнёшь чувствовать правильный путь. А пока — держись рядом со мной или с кем-нибудь из старших.

— Здание перестраивается? — переспросила я.

— Ага. Ректор Кроу говорит, что это защитный механизм. Лавиретти — живая. Ну, не в смысле — с ней можно поболтать за чаем. Но она реагирует на магию. Чем больше магов внутри, тем больше она двигается.

Живое здание. Конечно. Почему нет.

Мы поднялись по винтовой лестнице — узкой, крутой, с железными перилами, холодными под ладонью. Северное крыло было тише — тише остального, что я видела. Коридор уже, потолок ниже, свет — тусклее. Двери здесь были не пронумерованы, а помечены символами, вырезанными в дереве.

— Твоя, — Марго остановилась у двери с символом, похожим на каплю воды. Или слезу. — Кроу сказал, одноместная, да?

Я кивнула.

— Везучая, — она хмыкнула, но без злости. — Мы на первом курсе по трое жили. Корин храпела так, что стены тряслись. Я серьёзно думала, что это часть вступительного испытания — выживи с Корин Мэлл, и тебе ничего не страшно.

Она толкнула дверь. Та была не заперта.

Комната оказалась маленькой, но не тесной. Кровать у стены — узкая, застеленная серым бельём. Стол у окна — простой, деревянный, со стулом. Шкаф. Умывальник в углу — каменная чаша, вода, очевидно, магическая. Окно — одно, узкое, выходящее куда-то в туман и дождь. Голые каменные стены. Ни ковра, ни занавесок. Ни единого украшения.

Не дом. Клетка.

Нет. Я тряхнула головой. Не клетка. Просто комната. Пустая. Пока пустая. Её можно заполнить. Вещами, привычками, запахами. Можно повесить шарф мамы на спинку стула. Положить книгу на стол. Поставить медальон на подоконник.

Можно.

— Знаю, что думаешь, — Марго прислонилась к дверному косяку и скрестила руки. — Казённая дыра, хочу домой. Все так думают в первый день. И во второй. И на третий. Где-то к концу первой недели ты будешь так вымотана, что тебе станет всё равно, как выглядит комната, лишь бы кровать была горизонтальной.

Я положила сумку на кровать. Провела ладонью по серому покрывалу. Грубая ткань, но чистая.

— Спасибо, — сказала я. — За всё это.

Марго пожалала плечами.

— Кроу попросил. Он редко просит — обычно приказывает. Значит, ты ему интересна. — Она замолчала, и в её карих глазах мелькнуло что-то — не любопытство, нет. Что-то глубже. Осторожнее. — Слушай, — начала она, и тон её изменился, стал тише, — я не буду спрашивать, что ты натворила. Это твоё дело. Но — она понизила голос, — будь осторожна. Лавиретти —

не то место, где стоит показывать всё, что умеешь, в первый же день. Здесь есть люди, которые — она замолчала, подбирая слова. — Которые очень внимательно смотрят на новичков.

Я хотела спросить — кто? Почему? Что это значит? Но Марго уже выпрямилась и снова улыбнулась — широко, легко, будто и не было этих последних слов.

— Чай! — объявила она. — Горячий. Сейчас. Пойдём, кухня в подвале, и если повезёт, Эгнис ещё не ушла — она печёт такие булки, что ради них стоит пережить первый курс.

Я посмотрела на свою комнату. На сумку. На окно, за которым дождь стучал по камню.

Потом посмотрела на Марго.

И пошла за ней.

Кухня Академии была, пожалуй, первым местом в Лавиретти, которое не пыталось меня напугать.

Она располагалась в подвале — но не в мрачном, а в том уютном подвальном пространстве, где низкие потолки создают ощущение укрытия, а не давления. Каменные стены здесь были тёплыми — буквально тёплыми, я потрогала, — и покрыты копотью и жирными пятнами, которые наверняка впитывались в камень десятилетиями. Огромная печь занимала всю дальнюю стену, и в ней горел огонь — живой, рыжий, настоящий, без всякой магии. Медные кастрюли, сковороды, черпаки висели на крюках вдоль стен, поблёскивая в свете ламп. Длинный деревянный стол — рабочий, в царапинах и порезах от ножей — стоял посередине, и на нём, на широком противне, остывали булочки.

Запах. Боже, этот запах. Свежий хлеб, корица, топлёное масло. Я не ела со вчерашнего вечера — нервы напрочь убили аппетит — но этот запах ударил по голодному желудку так, что у меня подкосились колени.

— Эгнис! — позвала Марго. — Ты здесь?

Из кладовой вышла женщина. Крупная, широкая, с красным лицом и руками, перепачканными мукой. Фартук на ней был размером с парус. Волосы — рыжие, с проседью — убраны под косынку. Она посмотрела на Марго, потом на меня, потом снова на Марго.

— Опять тащишь голодных в мою кухню, — сказала она. Голос у неё был низкий и густой, как мёд. И такой же тёплый.

— Новенькая, — Марго подтолкнула меня вперёд. — Только приехала. Промокла, голодная, грустная. Три из трёх.

Эгнис вытерла руки о фартук и посмотрела на меня — внимательно, но без того пронизывающего взгляда, к которому я уже начала привыкать. Просто посмотрела. Как нормальный человек на другого нормального человека.

— Садись, — кивнула она на лавку у стола. — Чай будет через минуту. Булки бери сама.

Я села. Марго плюхнулась рядом. Эгнис загремела чайником.

Булочки были горячими. Мягкими. С корицей и изюмом. Я откусила — и что-то внутри меня, что-то стиснутое и замёрзшее, чуть ослабло. Совсем немного. Как будто кто-то приоткрыл форточку в душной комнате.

— Итак, — Марго обхватила обеими руками кружку с чаем, которую Эгнис поставила перед ней, — что ты знаешь об Академии?

— Ничего, — призналась я. — Вообще ничего. До прошлой недели я не знала, что я маг. Марго присвистнула.

— Ну ничего себе. Совсем ничего? Никаких уроков, книг, наставников?

— Я ходила в обычную школу. В деревне. Мои родители — не маги.

Марго медленно поставила кружку на стол.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что выросла среди обычных людей, без какого-либо магического обучения, и тебя привезли сюда после после чего?

Я молчала. Она ждала. Эгнис, возившаяся у печи, тоже, кажется, прислушивалась — хотя делала вид, что нет.

— После того, как я разнесла школьную столовую, — сказала я тихо. — Непроизвольно. Я даже не поняла, как.

Марго не отвела взгляд. Не вздрогнула. Не побледнела. Только её пальцы чуть сильнее сжали кружку.

— Четвёртый уровень? — спросила она.

Я вспомнила слова ректора.

— Да.

Тишина. Эгнис перестала греметь кастрюлями.

Марго выдохнула. Медленно. Как человек, который услышал то, что ожидал услышать, но всё равно не был готов.

— Ладно, — сказала она наконец. — Ладно. Тогда тебе точно нужна ещё одна булочка.

Она пододвинула ко мне противень. Я взяла ещё одну булочку. Откусила. Прожевала. Проглотила.

— Завтра будет тяжёлый день, — сказала Марго, снова отпив чай. — Первый день всегда тяжёлый. Но ты — она посмотрела на меня, и я снова увидела эту осторожность в её глазах. — Ты справишься. Почему-то мне так кажется.

Я не знала, что ответить. Поэтому просто кивнула.

За стенами кухни, за камнем и магией, за шпилями и барельефами, дождь продолжал лить. Я слышала его даже здесь, в подвале, — далёкий, приглушённый, но неотступный.

А глубоко внутри меня — в том тёмном углу, куда я загнала его в экипаже, — тихо пульсировал гул. Терпеливый. Ждущий.

Ждущий утра.

Я вернулась в комнату одна — Марго показала дорогу, и я, к собственному удивлению, запомнила. Или здание решило не перестраиваться в мой первый вечер. Маленькая милость.

Я закрыла дверь. Привалилась к ней спиной. Постояла так, слушая тишину.

Потом методично, как мама учила — «сначала дело, потом чувства, Лив» — разобрала сумку. Одежду — в шкаф. Книгу — на стол. Мамин шарф — на спинку стула. Медальон с портретом — на подоконник, прислонив к холодному стеклу.

Два лица смотрели на меня. Мама улыбалась. Папа почти улыбался.

Я легла на кровать. Не раздеваясь. Натянула на себя колючее серое одеяло и свернулась калачиком.

Папка с расписанием и правилами лежала на столе, нечитанная. Я знала, что должна открыть её. Прочитать. Подготовиться.

Но вместо этого я лежала и смотрела в потолок — каменный, грубый, с тёмным пятном в углу, похожим на карту неизвестного континента. Дождь стучал по стеклу. Здание дышало вокруг меня — медленно, тяжело, древне.

Я думала о маме. О папе. О Томе и Нине. О доме на холме, о скрипучих перилах, о вмятине на дверном косяке. О том, как пахнет мамин чай с мятой. О том, как папа по утрам стоит у окна и смотрит на свои поля, и на его лице — покой, который я принимала как должное, не понимая, какая это редкость.

Я думала о шкатулке. О тёмной шкатулке с символами, которую мама достала из тайника и которую мне не позволили открыть.

Я думала о том, кто оставил меня, двухлетнюю, на пороге. Без записки. Но с этой шкатулкой.

Кто ты? Почему ты меня бросил? Или бросила? Что ты положил в шкатулку? Что ты хотел, чтобы я нашла?

Дождь усилился.

Я закрыла глаза.

И где-то между явью и сном — на той зыбкой границе, где мысли теряют форму и превращаются в образы, — я услышала. Не гул. Не пульсацию. Другое.

Голос.

Тихий. Далёкий. Как если бы кто-то шептал через толщу воды.

Одно слово. Всего одно.

...Лив...

Я дёрнулась, открыла глаза, села на край кровати. Сердце колотилось. Комната была пуста. Тиха. Только дождь барабанил по каменным стенам здания.

Я сидела так, прижимая к груди колени, и слушала.

Но голос не повторился.

Через некоторое время — может, минуту, может, час — я легла обратно. Натянула одеяло. Закрывает глаза.

Завтра, — подумала я. — Завтра начнётся всё остальное. А сейчас — спи.

Сон пришёл не сразу. Тяжёлый, без сновидений, как чёрная вода, сомкнувшаяся над головой.

Дождь стучал по камню.

Академия Лавиретти дышала в темноте.

И где-то в её глубине — далеко, глубоко, за стенами и лестницами, за запертыми дверями и потухшими светильниками — что-то ждало.

Терпеливо.

ждало уже очень давно.

Глава 3 Чужая среди своих

Утро пришло без предупреждения.

Не было ни мягкого рассвета, ни пения птиц, ни маминого голоса из кухни —

«Лив, завтрак стынет!». Было другое: резкий, пронзительный звон, от которого я подскочила на кровати так, будто подо мной разрядилась молния.

Звон шёл отовсюду. Из стен, из потолка, из самого воздуха. Низкий, вибрирующий, он прошёлся по рёбрам, по зубам, по кончикам пальцев — и стих так же внезапно, как начался. Эхо дрожало ещё секунду, потом — тишина.

Я сидела на кровати, прижимая к груди скомканное одеяло, и пыталась вспомнить, где нахожусь. Серые стены. Каменный потолок. Узкое окно, за которым — серое небо. Дождь прекратился, но туман никуда не делся: он стелился за стеклом, как молоко, скрывая всё, что было дальше десяти метров.

Академия. Лавиретти. Первый день.

Я выдохнула.

На столе, ровно посередине, лежал сложенный комплект одежды, которого вчера не было. Тёмно-серый жакет с серебряной окантовкой — такой же, как у Марго. Юбка. Белая рубашка. Чёрные ботинки. И записка, написанная аккуратным мелким почерком:

«Форма обязательна. Завтрак в большом зале — нижний этаж, восточное крыло. Не опаздывай. — М.»

Марго. Очевидно, она заходила ночью или рано утром, пока я спала. Это должно было показаться мне тревожным — кто-то входил в мою комнату, пока я была без сознания, — но вместо этого я почувствовала что-то, похожее на благодарность. Маленькая записка. Маленькая забота. Первая ниточка, связывающая меня с этим чужим местом.

Я встала. Умылась ледяной водой из каменного умывальника — магическая подача работала, но, видимо, понятие «горячая вода» здесь было роскошью. Оделась. Форма сидела на удивление хорошо — чуть свободно в плечах, но не мешковато. Я посмотрела на себя в тусклое зеркало на внутренней стороне дверцы шкафа.

Бледное лицо. Голубые глаза — слишком яркие, как всегда. Светлые волосы — почти белые, как говорила мама. Они были мне чуть ниже лопаток, и я заплела их в косу, чтобы не мешались. В серой форме, с тёмными кругами под глазами от беспокойного сна, я выглядела как привидение, которое пытается притвориться живым.

Сойдёт.

Я сунула папку с расписанием в сумку — нечитанную, о чём уже жалела — повесила медальон на шею, спрятав под рубашку, и вышла из комнаты.

Коридор северного крыла был пуст — но не тих. Откуда-то снизу доносился гул голосов — приглушённый, неразборчивый, как шум реки. Люди. Много людей. Мой желудок сжался — и не только от голода.

Я пошла вниз по винтовой лестнице, держась за холодные перила. Вчерашний путь — кухня, кабинет ректора — я помнила, но записка Марго говорила о большом зале в восточном крыле, а я понятия не имела, где это. Карта Академии лежала в папке, которую я не удосужилась открыть. Умница, Лив. Блестящее начало.

Лестница вывела меня в широкий коридор — не тот, по которому мы шли вчера. Этот был светлее: высокие окна пропускали серый утренний свет, на стенах висели портреты — десятки портретов в тяжёлых рамах. Лица на них были строгие, неподвижные. Я поймала себя на мысли, что жду, когда они повернут головы и проводят меня взглядами, как в сказках. Но нет — портреты были обычные. Масло на холсте. Ничего сверхъестественного.

По крайней мере, я так думала.

Коридор разветвлялся. Налево — лестница вверх. Направо — лестница вниз. Прямо — ещё один коридор, темнее и уже.

Я остановилась.

Восточное крыло. Где, ради всего святого, восточное крыло?

Я полезла в сумку, вытащила папку, лихорадочно раскрыла. Карта была — одна страница, нарисованная от руки, с пометками мелким почерком. Я повертела её в руках. Потом перевернула. Потом снова повертела.

Карта не имела ни малейшего смысла.

Линии коридоров переплетались, накладывались друг на друга, обрывались и начинались заново. Лестницы вели одновременно вверх и вниз. Некоторые комнаты были отмечены дважды — в разных местах. А в правом нижнем углу, мелким курсивом, было приписано:

«Примечание: карта актуальна на момент составления. Академия оставляет за собой право на архитектурные коррективы.»

Здание перестраивается. Конечно. Марго предупреждала.

Я стояла на перекрёстке трёх коридоров, с бесполезной картой в руках, и чувствовала себя идиоткой. Гул голосов доносился откуда-то справа — или слева? Эхо играло с направлением, отражаясь от каменных стен, и я не могла определить источник.

— Заблудилась?

Я обернулась.

Позади меня, прислонившись плечом к стене, стоял парень. Он, очевидно, был здесь уже какое-то время — или подошёл так тихо, что я не услышала.

Первое, что я заметила, — улыбка. Широкая, открытая, чуть кривоватая — левый уголок рта поднимался выше правого, отчего улыбка казалась одновременно дружелюбной и слегка озорной. Второе — глаза. Карие, тёплые, с золотистыми искрами, которые, казалось, были там не от света, а сами по себе. Волосы — каштановые, чуть длиннее, чем принято, падающие на лоб непослушной волной. Он был не очень высокий — но на полголовы выше меня, не больше, — крепко сложенный, в такой же серой форме, но носил её иначе, чем я: жакет расстёгнут на верхнюю пуговицу, рукава чуть подвёрнуты, воротник рубашки — нараспашку.

Всё в нём говорило: мне здесь комфортно. Я свой.

— Я — начала я и замолчала, потому что ответ был очевиден. Я стояла на перекрёстке, вертела карту в руках и выглядела ровно так, как выглядит человек, который заблудился. — Да.

Его улыбка стала шире.

— Большой зал? — спросил он.

— Большой зал, — подтвердила я.

Он оттолкнулся от стены и шагнул ко мне, протягивая руку.

— Мэтт Корвин. Третий курс. И, по совместительству, единственный человек в этой Академии, который ни разу не заблудился.

Я пожала его руку. Ладонь была тёплой, крепкой, с мозолями — не грубыми, а такими, какие бывают от поводов или рукоятей.

— Оливия Рейн, — сказала я. — Первый день. И, по совместительству, единственный человек в этой Академии, который не может прочесть собственную карту.

Мэтт рассмеялся. Легко, негромко, без тени насмешки.

— Эту карту никто не может прочесть, — он заглянул в мой лист и скривился. — О, у тебя ещё старый вариант. Видишь вот эту лестницу? — он ткнул пальцем в переплетение линий. — Её нет уже полтора года. Лавиретти её съела. Или переварила. Мы так и не поняли.

— Утешительно.

— Правда? — он подмигнул. — Ладно, пойдём. Большой зал — туда, — он указал направо, на лестницу вниз. — Два пролёта, потом налево, через галерею с горгульями — не смотри им в глаза, они этого не любят, — и прямо до двойных дверей.

— Горгульи?

— Шучу. Наполовину.

Он пошёл вперёд, и я двинулась следом. Мэтт Корвин шёл пружинистым, лёгким шагом человека, который знает каждый камень под ногами. По дороге он говорил — непринуждённо, без пауз, заполняя тишину коридоров живым голосом.

— Третий курс — это примерно середина пути. Первый и второй — основы. Теория магии, контроль, история, алхимия — скука смертная, но без этого никуда. Третий и четвёртый — специализация. Пятый и шестой — редко кто оканчивает, там нужна сильная магия. Кто-то идёт в боевую магию, кто-то — в целительство, кто-то — в артефактику. — Он обернулся на ходу. — А ты? Уже знаешь, что у тебя за дар?

— Нет, — честно ответила я.

— Ничего, разберутся. Здесь для этого целый штат профессоров, которым больше нечем заняться, кроме как ковыряться в чужих способностях.

Мы спустились по лестнице, прошли через широкую галерею — горгулий я не заметила, но на всякий случай смотрела под ноги — и оказались перед двойными дверями из тёмного дерева. За ними гудело. Десятки голосов, звон посуды, скрежет стульев по каменному полу. Большой зал.

Мэтт распахнул двери.

Большой зал Академии Лавиретти оказался именно тем, чем обещало название, — большим. Нет, огромным. Длинное прямоугольное пространство с высоченным сводчатым потолком, по которому змеились всё те же светящиеся линии — голубые и серебряные. Четыре длинных стола тянулись от входа к дальней стене, за которой возвышался стол поменьше — преподавательский. Узкие стрельчатые окна пропускали серый свет, но основное освещение шло от парящих под потолком светильников — таких же, как в вестибюле, только ярче.

За столами сидели люди. Десятки людей. Молодые — от пятнадцати до моего возраста и чуть старше. Все в одинаковой серой форме. Светлые, тёмные, рыжие головы. Смех, разговоры, споры. Кто-то ел, кто-то читал, кто-то, кажется, заставлял ложку левитировать над тарелкой — она покачивалась в воздухе, поблёскивая, пока сосед не щёлкнул по ней пальцем, и ложка шлёпнулась в кашу, обдав обоих брызгами.

Обычная школьная столовая. Если не считать левитирующих ложек, магических светильников и того факта, что каждый человек в этом зале обладал способностями, которые я пока не могла даже представить.

И все они — все — учились здесь годами. Знали друг друга. Знали это место. Знали правила этого места.

А я — нет.

Мэтт, не сбавляя шага, направился ко второму столу слева. Я шла за ним, стараясь не смотреть по сторонам. Но чувствовала — как взгляды поворачиваются в мою сторону, один за другим, как подсолнухи к солнцу. Шёпот. Не враждебный — пока, — но ощутимый.

Новенькая. Кто такая? Почему в середине года? Почему одна?

— Сюда, — Мэтт указал на свободное место на скамье. — Садись. Я принесу тебе что-нибудь, пока ты не умерла с голоду. Овсянку или яичницу? Предупреждаю: овсянка здесь — оружие массового поражения, но яичница вполне сносная.

— Яичницу, — сказала я, и он исчез в толпе у раздаточного окна.

Я села. Положила сумку на колени. Выпрямила спину. Сделала вид, что мне совершенно комфортно — хотя каждая клеточка моего тела кричала обратное.

— Ты — Рейн?

Голос справа. Я повернула голову.

Рядом со мной, на расстоянии одного свободного места, сидел парень. Худошавый, среднего роста, с узким лицом и очками в тонкой серебряной оправе, за которыми прятались серо-

зелёные глаза — внимательные, цепкие, как у человека, привыкшего замечать всё. Тёмно-русые волосы аккуратно зачёсаны набок. Форма — безупречная: жакет застёгнут на все пуговицы, воротник рубашки — идеально ровный. Перед ним на столе лежала раскрытая книга — толстая, в кожаном переплёте, — и он, судя по всему, читал её за завтраком, что не помешало ему заметить моё появление.

— Оливия Рейн. Да, — ответила я.

— Майкл Эстер, — он не протянул руку, но кивнул — коротко, точно. — Третий курс. Теоретическая магия и прикладная алхимия.

Он сказал это так, как другие люди говорят «приятно познакомиться». Только вместо вежливости — информация. Сухая, ёмкая, расставленная по полочкам.

— Твоё дело обсуждал весь преподавательский состав, — продолжил он, и я вздрогнула. — Не удивляйся. Неконтролируемый выброс четвёртого уровня — это редкость. За последние сорок лет зафиксировано только три подобных случая при первичном пробуждении дара. Все три — в возрасте до пятнадцати лет. Ты — первый случай позднего пробуждения такой силы.

Он говорил это спокойно, будто зачитывал параграф из учебника. Ни восхищения, ни страха, ни даже особого любопытства — просто констатация фактов. Словно я была не человеком, а интересным уравнением, которое он анализировал за завтраком.

— Откуда ты это знаешь? — спросила я. — Про моё дело?

Майкл поправил очки.

— Я читаю, — сказал он. — Много. И слушаю. Ещё больше. Информация — самый ценный ресурс в Академии. Большинство студентов этого не понимают и тратят время на — он бросил взгляд в сторону раздаточного окна, где Мэтт, судя по звукам, пытался выпросить у кого-то дополнительную порцию бекона, — на другое.

— А ты понимаешь?

Он посмотрел на меня. Без улыбки, без самодовольства — просто посмотрел.

— Я знаю расписание каждого профессора, историю каждого артефакта в хранилище, родословную каждого студента на этом курсе и библиографию каждой книги в библиотеке Академии. — Пауза. — Кроме запретной секции. Туда меня пока не пускают.

— Пока?

— Я работаю над этим.

Где-то между его словами проскользнула тень — не улыбки, нет. Чего-то похожего. Тени улыбки. И я поняла: Майкл Эстер не был высокомерным. Он был другим. Так же, как я была другой в своей деревенской школе — только его инаковость выразалась не в магическом выбросе, а в том, что его мозг работал быстрее, чем у всех вокруг, и он давно перестал извиняться за это.

— Если тебе нужна будет информация, — сказал он, возвращаясь к книге, — спрашивай. Я знаю всё. Или почти всё. Разница несущественна.

— Скромность — твоя главная черта? — вырвалось у меня.

Майкл перевернул страницу.

— Нет. Точность.

Мэтт вернулся с двумя тарелками — яичница, бекон, тосты — и плюхнулся на скамью рядом со мной, по другую сторону от Майкла.

— О, ты уже познакомилась с нашей ходячей энциклопедией, — он кивнул в сторону Майкла. — Он уже рассказал тебе, сколько книг в библиотеке?

— Четырнадцать тысяч двести семьдесят три, — не поднимая глаз от книги, ответил Майкл. — Плюс триста сорок свитков в хранилище и неустановленное количество рукописей в запертой секции.

— Видишь? — Мэтт подмигнул мне. — Незаменимый человек. Особенно перед экзаменами. Мы его бережём.

— Вы меня используете, — поправил Майкл. — Это другое.

— Не слушай его. Мы его любим. Он просто не знает, что с этим делать.

Мэтт придвинул мне тарелку, и я начала есть — механически, почти не чувствуя вкуса, но понимая, что еда необходима. Яичница была горячей и вполне съедобной. Тосты — хрустящими. Чай — крепким, чуть горьковатым, но согревающим.

Пока я ела, Мэтт говорил. Он, кажется, просто не умел молчать — или не видел в этом смысла. Рассказывал о распорядке дня: первая пара — в девять, перерыв — в полдень, практические занятия — после обеда, свободное время — после шести. О профессорах: Клементина Хейз — теория магии, строгая, но справедливая; Феррон — контроль и подавление, бывший военный маг, «тип с лицом, будто лимон жевал всю жизнь»; Данара — алхимия, «обожает взрывы, и это единственное, что делает её предмет терпимым». О студентах: первый курс — тихие, второй — наглые, третий — их курс — «самый лучший, объективно и бесспорно», четвёртый — «считают себя богами, но мы их терпим».

Я слушала. Впитывала. Пыталась запомнить хотя бы половину.

Майкл время от времени вставлял поправки — точные, сухие, произнесённые не отрываясь от книги.

— Феррон не бывший военный маг. Он бывший инспектор Министерства.

— Какая разница, Майкл?

— Существенная. Военные маги подчиняются Генеральному штабу. Инспекторы — Отделу магического контроля. Разные структуры, разные полномочия, разные методы.

— Лив, видишь? Вот за это его и любят.

Я почти улыбнулась. Почти.

Зал постепенно наполнялся. Свободные места исчезали, гул голосов становился громче, и я начала различать отдельные группы — кто с кем сидит, кто с кем разговаривает, кто кого избегает. Школа есть школа, даже если в ней учат магии: те же альянсы, те же иерархии, те же негласные правила.

Одну группу я заметила раньше, чем осознала, почему заметила.

Они вошли в зал не как все — не поодиночке, не парами, не в беспорядочной толпе. Они вошли вместе, и пространство вокруг них было другим. Не пустым — нет, люди не расступались перед ними. Но воздух как будто становился плотнее. И зал чуть менял конфигурацию, чтобы освободить им место.

Их было четверо. Три парня и девушка. Все — в безупречной форме, носившие её так, словно форма была создана для них, а не они подстроились под неё. Они шли ко второму столу — к нашему столу — и по мере их приближения я заметила, как меняется атмосфера. Не страх — нет. Что-то другое. Внимание. Уважение, может быть. Или осторожность.

Девушка — высокая, с прямой спиной и медно-рыжими волосами, убранными в сложную причёску, — села первой. Рядом с ней — парень с широкими плечами и добродушным лицом, похожий на медведя, которого научили носить пиджак. Третий — невысокий, быстроглазый, с нервными руками — устроился напротив.

А четвёртый

Четвёртый остановился.

Он стоял в трёх шагах от меня — и я почувствовала его прежде, чем увидела. Это было странно и необъяснимо: ощущение, как будто температура в зале изменилась на долю градуса. Как будто магнитное поле сместилось. Как будто что-то внутри меня — тот самый гул, тихий, спящий — шевельнулся и приоткрыл глаз.

Я подняла голову.

Он был высокий. Заметно выше Мэтта, выше большинства людей в зале. Не просто высокий — статный, с той естественной, неприобретённой осанкой, которая бывает у людей, родившихся с сознанием собственного места в мире. Тёмные волосы — почти чёрные, густые, чуть

вьющиеся у висков — были зачёсаны назад, открывая лицо, которое я могла бы назвать красивым, если бы это слово не казалось мне слишком лёгким для него. Оно было резким. Определённым. Высокие скулы, прямой нос, тяжёлая линия челюсти, тонкие, плотно сжатые губы. Ни мягкости, ни округлости — одни углы и линии, как чертёж.

Но глаза. Глаза были тем, что останавливало.

Тёмные. Настолько тёмные, что зрачок сливался с радужкой, и казалось, что ты смотришь не в глаза, а в два колодца, у которых нет дна. Не холодные — непроницаемые. Они ничего не отдавали. Ни тепла, ни холода, ни интереса, ни враждебности. Просто — ничего.

Он скользнул по мне взглядом. Одна секунда. Может, полторы. Так смотрят на предмет мебели, который кто-то переставил, — отмечают, но не придают значения. Его глаза прошли через меня, как свет через стекло, не задержавшись ни на мгновение.

И он сел. Через два места от меня. Не сказав ни слова.

Мэтт рядом со мной чуть напрягся — я заметила это по тому, как он выпрямился и как его улыбка стала на долю менее естественной. Майкл перевернул страницу книги с чуть большей резкостью, чем обычно.

— Кто это? — спросила я тихо, наклонившись к Мэтту.

Он проследил за моим взглядом. Вернулся ко мне.

— Аларик Вейнар, — ответил он. Тоже тихо. — пятый курс. Боевая магия и верховая езда. Капитан сборной Академии по конной выездке. Если в этом месте есть кто-то, кого можно назвать «местной элитой», то это он. Ну и его свита.

— Свита? — я покосилась на остальных троих.

— Линда Кейт, — Мэтт едва заметно кивнул в сторону рыжеволосой девушки. — Четвёртый курс. Боевая магия. Острая, как бритва, и примерно такая же дружелюбная. Рэй Гаррет — вон тот, здоровый, — медведь в пиджаке приветственно махнул кому-то через зал, — третий курс, добрый малый, но если Аларик скажет ему прыгнуть в пропасть, он спросит только «с какого края?». И Зак Пирс — мелкий, нервный — второй курс, но крутится среди старших. Ушлый, как крыса. Без обид крысам.

Я снова посмотрела на Аларика. Он ел — спокойно, размеренно, не участвуя в разговоре, который вели его спутники. Линда что-то рассказывала Рэю, жестикулируя. Зак смотрел в тарелку. Аларик смотрел в никуда — и это «никуда» каким-то образом было более присутствующим, чем любой взгляд.

— Он всегда такой? — спросила я.

— Какой?

— Такой отсутствующий.

Мэтт хмыкнул.

— Он не отсутствующий. Он избирательный. Аларик Вейнар разговаривает только тогда, когда считает это нужным, с людьми, которых считает достойными, о вещах, которые считает важными. Все остальные для него — фон.

— Звучит высокомерно.

— Может, и высокомерно. А может — просто Аларик. — Мэтт пожал плечами. — Он лучший наездник, которого Академия видела за последние двадцать лет. Его конь, Грейв — чистокровный мракоходец, между прочим, такие стоят целое состояние, — слушается только его. Ни одного проигранного турнира за три года. Ни одного. И дар у него — он понизил голос, — сильный. Серьёзно сильный.

— Сильнее моего? — я не знала, зачем спросила это.

Мэтт посмотрел на меня. Долго. Серьёзнее, чем я ожидала.

— Не знаю, — сказал он. — Честно — не знаю. Аларик свой дар контролирует. Полностью. С первого курса. Он никогда не терял контроль, ни разу. Но при этом я видел, как он

на тренировке рассёк камень пополам — чистой магией, без оружия, без артефактов. Камень размером с этот стол.

Я промолчала.

Как будто услышав — хотя мы говорили тихо, почти шёпотом — Аларик повернул голову. Не ко мне. К чему-то за моим плечом. Его тёмные глаза прошли через пространство, задержались на секунду — и вернулись к тарелке.

Я выдохнула. Не заметив, что задерживала дыхание.

— Совет, — Майкл, оказывается, закрыл книгу. — Не пытайся привлечь его внимание. Это бесполезно. Половина девушек Академии пробовала.

— Я не пытаюсь—

— Я не сказал, что ты пытаешься. Я сказал — не пытайся. Превентивная рекомендация. — Он поправил очки. — Аларик Вейнар, согласно его собственным словам, ждёт свою судьбу. Что бы это ни значило.

— Ждёт свою судьбу? — я не удержалась от удивления.

— Дословная цитата, — подтвердил Майкл. — Произнесённая на втором курсе, когда Линда Кейт — которая тогда ещё не была частью его круга — спросила его, почему он отвергает каждую девушку, которая к нему подходит. Его ответ: «Потому что ни одна из них — не моя судьба. Я узнаю её, когда встречу». — Пауза. — С тех пор количество попыток не уменьшилось, но надежда значительно снизилась.

Мэтт фыркнул.

— Романтик в шкуре глыбы льда. Классика.

— Я бы определил это иначе, — сказал Майкл. — Но не буду.

Я отвела взгляд от Аларика. Что-то внутри меня — маленькое, невнятное, похожее не на мысль, а на тень мысли — шевельнулось и затихло. Я не стала за ним гнаться.

Завтрак закончился. Зал начал пустеть — студенты поднимались, подхватывали сумки, расходились. Впереди был первый учебный день, и для всех, кроме меня, это была рутина. Привычная, знакомая, обжитая.

Для меня — неизведанная территория.

Я вытащила из папки расписание — наконец-то — и впиалась в него глазами.

Первая пара. Теория магических основ. Профессор Хейз. Кабинет тридцать четыре, западное крыло.

Западное крыло. Прекрасно. Где западное крыло?

— Тебе на теорию? — Мэтт заглянул через моё плечо. — Это рядом. Я покажу — мне по пути.

— Спасибо, — сказала я. Честно, от души. — За всё. За завтрак, за дорогу, за

— За компанию? — он улыбнулся. Той самой кривоватой улыбкой, от которой золотые искры в его глазах становились ярче. — Не за что, Лив. Все когда-то были новенькими.

Лив. Он назвал меня Лив. Не госпожа Рейн,- как ректор. Не Рейн,-как Майкл. Просто Лив.

Я не поправила его. Не захотела.

Мы вышли из зала. Майкл отделился у лестницы — ему в другую сторону, в библиотеку, «у меня свободная первая пара, и я намерен провести её с пользой» Мэтт довёл меня до двери кабинета тридцать четыре, остановился.

— Хейз строгая, но не злая, — сказал он. — Не спорь с ней, записывай всё, что говорит, и не пытайся колдовать на уроке — она этого не любит. — Он помолчал. — И Лив?

— Да?

— Если кто-то будет — он подобрал слово, — давить— приходи ко мне. Или к Майклу, если хочешь получить точную инструкцию по решению проблемы. Ко мне — если хочешь просто поговорить. — Ещё одна улыбка. — Ты не одна здесь. Ладно?

Я кивнула.

Он ушёл. Лёгкий, пружинистый шаг. Руки в карманах. Свистит что-то себе под нос.

Я стояла перед дверью кабинета и чувствовала что? Не спокойствие — до спокойствия было далеко. Но что-то. Маленькую, хрупкую, почти невесомую вещь, которая поселилась где-то между рёбрами и тихонько светилась.

Может быть, это была надежда.

Я открыла дверь и вошла.

Кабинет теории магии был полон. Тридцать с лишним студентов — третий и пятый курсы, мой курс и старшие, хотя для них это был не первый год обучения, а для меня — первый час, — уже сидели за столами. Полукруглое помещение, столы расположены амфитеатром, как в лекционном зале. Внизу — кафедра, доска — не обычная, а каменная плита, по которой сами собой ползли формулы и символы, мерцая мягким зелёным светом.

За кафедрой стояла женщина. Профессор Хейз.

Она была невозможно определённой. Невысокая, плотная, с прямой спиной и квадратными плечами. Серебристо-седые волосы убраны в пучок, такой тугой, что, казалось, он натягивал кожу на висках. Лицо — широкое, с крупными чертами и глубоко посаженными глазами цвета мокрого асфальта. Никакого макияжа. Никаких украшений. Только тот же серебряный значок-книга на лацкане тёмно-зелёного жакета.

Она увидела меня раньше, чем я успела сделать шаг внутрь.

— Рейн, — произнесла она. Голос был такой, каким произносят приговоры: ровный, весомый, окончательный. — Садитесь. Третий ряд, место у прохода.

Тридцать пар глаз повернулись ко мне.

Я прошла к указанному месту, глядя прямо перед собой. Не споткнулась. Не покраснела. Ну, почти не покраснела. Маленькая победа.

Аларик Вейнар сидел в последнем ряду. Я заметила это периферийным зрением — тёмные волосы, прямая спина, непроницаемое лицо. Он не посмотрел на меня. Вообще. Словно меня не существовало.

И хорошо, — подумала я. Так проще.

— Продолжим, — профессор Хейз развернулась к доске. — Теория магических основ, третий уровень. Тема: структура магического ядра и принципы канализации энергии. Рейн, — она не обернулась, — вам будет непонятна большая часть материала. Записывайте всё. Вопросы — после занятия. Не во время.

Я достала тетрадь. Чернильницу. Перо.

И начала писать.

Через два часа моя голова была полна — переполнена, раздута, как воздушный шар, готовый лопнуть — информацией, в которой я не понимала и половины.

Магическое ядро. Каналы. Потоки. Резонанс. Частоты. Энергетические контуры. Профессор Хейз говорила быстро, точно, безжалостно — и каждое её слово было камнем, ложившимся в стену, которую я пока не видела целиком. Я записывала всё. Механически. Не пытаюсь осмыслить — на это не было времени. Просто — записывала.

Другие студенты кивали, задавали уточняющие вопросы, спорили о нюансах. Они понимали. Для них это была третья ступень лестницы. Для меня — первая, которую я даже не нащупала ногой.

Когда занятие закончилось и студенты потянулись к выходу, профессор Хейз окликнула меня:

— Рейн. Оставайтесь.

Я осталась. Зал опустел. Профессор Хейз подошла ко мне — и остановилась, глядя сверху вниз. Вблизи я заметила, что её глаза — не просто серые. В них были крошечные вкрапления, как искры кремня.

— Вы не поняли ничего из того, что я говорила, — сказала она.

— Почти ничего, — призналась я. Врать ей казалось невозможным. Физически невозможным.

— Хорошо.

Я моргнула.

— Хорошо?

— Хорошо, что вы это признаёте. Большинство людей, попавших в вашу ситуацию, либо притворяются, что понимают, — из гордости, либо впадают в панику — из слабости. Вы не сделали ни того, ни другого.

Она помолчала. Потом — неожиданно — положила руку мне на плечо. Тяжёлую. Крепкую. Но не враждебную.

— Вам назначены дополнительные занятия по основам, — сказала она. — Трижды в неделю. По вечерам. Со мной. Мы начнём с нуля. С самого начала. Вам придётся работать вдвое — нет, втрое — больше, чем остальным. И вы будете чувствовать себя дурой. Долго. Может быть, несколько месяцев. Это нормально. — Она убрала руку. — Вопросы?

— Один, — сказала я. — Вы считаете, что я смогу догнать?

Профессор Хейз посмотрела на меня. Долго. Тем самым взглядом, которым она, вероятно, смотрела на каждого студента, решая, стоит ли он её времени.

— Я считаю, — сказала она, — что вопрос не в том, сможете ли вы. А в том, позволите ли вы себе.

Она развернулась и ушла.

Я сидела одна в пустом зале, с тетрадью, исписанной непонятными терминами, с головой, гудящей от информации, с руками, которые чуть-чуть светились под кожей.

Я посмотрела на свои ладони. На тусклое молочно-голубое сияние, пульсирующее в такт сердцебиению.

Потом сжала кулаки.

— Я позволю, — сказала я вслух. Пустому залу. Каменным стенам. Себе.

Стены не ответили.

Но мне показалось — только показалось, — что здание чуть вздрогнуло.

Или вздохнуло.

Остаток дня прошёл в тумане — не том, что клубился за окнами Лавиретти, а в моём собственном. Занятие по контролю с профессором Ферроном (Мэтт не соврал — лицо, как после пожизненной диеты из лимонов), практика по алхимии с Данарой (взрыв был только один, и небольшой), обед, ещё одна лекция. Я двигалась по расписанию, как по рельсам, держась за тетрадь и папку, как за спасательный круг.

Мэтт появлялся между занятиями — то с подсказкой, то с шуткой, то просто рядом, молча, с улыбкой, которая говорила: я здесь, если что

Майкл однажды материализовался у библиотеки, сунул мне в руки книгу — «Основы магической теории для начинающих. Издание адаптированное» — и исчез, не сказав ни слова.

На обложке, карандашом, мелким почерком: «Начни с главы третьей. Первые две — мусор.»

Аларик Вейнар прошёл мимо меня в коридоре. Дважды. Оба раза — не замедляя шага, не поворачивая головы, не показывая ни единого признака того, что заметил моё существование. Девушка с младшего курса — хорошенькая, черноволосая — попыталась заговорить с ним у лестницы. Он ответил что-то коротко, не останавливаясь. Девушка осталась стоять, глядя ему вслед с выражением, которое я узнала: смесь восхищения и обиды.

Станный человек.

Вечером, в комнате, я сидела за столом при свете магического светильника — он зажётся сам, когда стемнело, слабым голубоватым огнём — и читала. Книгу Майкла. Главу третью, как он посоветовал.

«Магическое ядро — центр силы мага, расположенный, согласно классической теории, в области солнечного сплетения. Ядро формируется в момент рождения и определяет потенциал мага — его максимальную ёмкость, частоту, спектр. Ядро не может быть создано искусственно, усилено механически или передано от одного мага к другому. Оно уникально, как отпечаток пальца»

Я положила руку на грудь. Туда, где — если верить книге — находилось моё ядро.

Ничего. Никакого ощущения. Никакого гула.

Нет, подождите. Есть. Тихое. Очень тихое. Как дыхание спящего зверя в тёмной пещере.

Я убрала руку. Продолжила читать.

Пробуждение ядра — процесс, обычно происходящий в возрасте пятнадцати лет, в период гормональной перестройки организма. Пробуждение сопровождается спонтанными выбросами магической энергии, интенсивность которых зависит от ёмкости ядра. Чем мощнее ядро, тем сильнее выброс. Случаи позднего пробуждения — после шестнадцати лет — крайне редки и, как правило, свидетельствуют о наличии внешнего блокирующего фактора»

Я остановилась. Перечитала последнее предложение.

Внешний блокирующий фактор.

Что-то блокировало мой дар семнадцать лет? Что-то — или кто-то — не давало ему проснуться?

Я подумала о шкатулке. О тёмной деревянной шкатулке с символами, которая лежала рядом со мной, двухлетней.

Что в ней?

Дождь снова стучал по стеклу. Или это было не дождь. Может быть, это Лавиретти стучала — костяшками каменных пальцев по окну моей комнаты.

Я закрыла книгу. Легла в кровать. Натянула одеяло.

На подоконнике, прислонённый к стеклу, стоял медальон с двумя лицами.

Мама. Папа. Я здесь. Я справлюсь. Я обещаю.

Глаза закрылись. Тело — вымотанное, тяжёлое, чужое — провалилось в матрас.

И перед тем как сон забрал меня, я услышала снова. Тихо. Далеко. Как шёпот из-под воды.

Лив

На этот раз я не вскочила. Не открыла глаза.

Я просто прошептала в темноту:

— Кто ты?

Темнота не ответила.

Но гул внутри — тот самый, терпеливый, ждущий — пульсировал чуть громче.

Чуть ближе. Чуть теплее.

И с этим теплом я уснула.

Глава 4 Свободный день

Солнце. Настоящее, живое, наглое солнце — не то бледное пятно за тучами, которое я видела сквозь окно экипажа, а полноценное, рыжее, летнее солнце, от которого камень Лавиретти наконец-то перестал выглядеть как надгробие и стал похож на замок. Старый, мрачный, но замок — с тёплыми стенами, в которых можно жить.

Я проснулась от света. Не от звонка — звонок, видимо, тоже решил взять выходной — а от солнечного луча, который пробился сквозь узкое окно и лёг мне прямо на лицо. Тёплый. Настойчивый. Как кот, который требует внимания.

Я лежала, шурясь, и слушала. Тишина. Не мёртвая, не давящая — просто тишина утра, в котором ещё никто не проснулся. Птицы за окном — настоящие птицы, не вороны и не голуби, а какие-то мелкие, юркие, с трелями, похожими на серебряные бусинки, рассыпанные по воздуху.

Я села на кровать. Посмотрела на руки.

Никакого свечения. Никакого гула. Только обычные ладони — бледные, с тонкими пальцами, с обломанным ногтем на мизинце. Обычные руки.

Хорошо.

Я встала, умылась — вода из умывальника сегодня была почти тёплой, и я заподозрила, что Академия реагирует на погоду, — оделась, заплела волосы в косу и вышла из комнаты.

Коридор северного крыла заливало солнцем. Оно падало через высокие окна косыми золотыми полосами, и пылинки в воздухе — их здесь всегда было много, камень любит пыль — кружились в этих полосах, как крошечные звёзды. Стены, вчера серые и холодные, сегодня были тепло-медовыми. Даже символы на дверях — капли, слёзы, спирали — казались менее зловещими при дневном свете.

Я спустилась по винтовой лестнице и пошла на запах.

Хлеб. Корица. Что-то жареное — бекон, кажется. И кофе. Настоящий кофе, не тот горький отвар, который мне приносили вчера.

Кухня

Я толкнула дверь — ту самую, тяжёлую, с железной ручкой — и оказалась в тепле, шуме и запахах. Эгнис стояла у плиты, в том же фартуке размером с парус, и помешивала что-то в огромном котле. Марго сидела за длинным столом, подперев щеку кулаком, и лениво листала какой-то журнал. А Мэтт

Мэтт стоял у окна, держа в одной руке кружку, а в другой — булочку, от которой он уже откусил половину. Солнце падало ему на лицо, и я впервые заметила, что у него есть веснушки — много, по всему носу и щекам, рыжеватые, почти незаметные в тени, но сейчас, на свету, они делали его лицо открытым, мальчишеским, совсем не похожим на того уверенного парня, который вчера вёл меня по коридорам.

— Лив! — он увидел меня первым и махнул булочкой. — Садись, садись. Эгнис сегодня превзошла саму себя. Я не знаю, что она туда положила, но это незаконно вкусно.

— Это секрет, — Эгнис не обернулась. — Если скажу — придётся вас убить.

— Справедливо, — Марго перевернула страницу. — Привет, Лив. Как спалось?

— Неожиданно хорошо, — призналась я, садясь на лавку. — Солнце. Тишина. Никаких голосов из-под воды.

Марго подняла глаза от журнала. Быстро, оценивающе — та самая осторожность, которую я видела вчера.

— Голоса? — переспросила она.

— Ничего, — я поспешно взяла кружку, которую Мэтт поставил передо мной. — Просто привыкаю к зданию. Оно шумит по ночам.

Мэтт и Марго переглянулись. Коротко. Я заметила, но сделала вид, что нет.

— Лавиретти шумит всем, — сказал Мэтт легко. — Не только тебе. Я на втором курсе полгода думал, что в подвале живёт призрак. Оказалось — водопровод. Старый.

Эгнис поставила передо мной тарелку: яичница, бекон, тосты, и что-то ещё — маленькие золотистые лепёшки, пахнущие мёдом и чем-то травяным.

— Ешь, — сказала она, проходя мимо. — Худая, как жердь. Тут не кормят нормально, я знаю.

Я не стала спорить. Еда была великолепна.

Мы сидели втроём — Марго, Мэтт и я — и ели, и болтали, и солнце заливало кухню тёплым светом, и на несколько минут — может, на десять — я почти забыла, где нахожусь. Почти почувствовала себя обычной девчонкой, которая пришла к друзьям на завтрак.

Марго рассказывала про вчерашний вечер — она, оказывается, ходила на тренировку по боевой магии и «чуть не поджарила манекен, но профессор Феррон сказал, что это прогресс». Мэтт рассказывал про лошадей — он, как выяснилось, проводил на конюшне больше времени, чем на занятиях, и знал каждого коня в Академии по имени.

— Грейв, — сказал он, и голос его стал другим — тише, серьезнее. — Конь Аларика. Ты видела его?

— Нет.

— Мракоходец. Чистокровный. Чёрный, как ночь без звёзд, с серебряной гривой. Красивый до боли в груди. И злой, как ну, как Аларик, если честно. Они друг друга стоят.

— Ты его боишься? — спросила я, вспомнив тёмные глаза за завтраком.

Мэтт пожевал. Подумал.

— Нет, — сказал он наконец. — Не боюсь. Просто не лезу. Аларик — не тот человек, к которому подходишь просто так. Он сам решает, кого впустить. И пока — никого не впустил.

— Кроме судьбы, — вставила Марго с усмешкой.

— Кроме судьбы, — согласился Мэтт. — Которая, судя по всему, опаздывает.

Я усмехнулась. Впервые за два дня — по-настоящему.

После завтрака Мэтт ушёл на конюшню — «мне нужно проведать Рыжую, она вчера хромала, надо посмотреть», — а Марго потащила меня на лекцию по истории магии, которая оказалась на удивление терпимой: профессор — старик с бородой до пояса и голосом, похожим на скрип двери, — рассказывал про основание Академии четыреста лет назад, и я впервые поймала себя на том, что слушаю, а не просто записываю.

Потом был обед. Потом — свободное время.

Объявление появилось в полдень, когда мы сидели в большом зале. Голос — не человеческий, а сам зал, стены, потолок — произнёс его отовсюду, мягко, безэмоционально:

«В связи с благоприятными погодными условиями, занятия после обеда отменены. Студентам рекомендуется провести время на свежем воздухе. Территория Академии открыта. Возвращение в корпуса — не позднее отбоя.»

Зал взорвался. Крики, смех, стук стульев — двадцать с лишним человек вскочили одновременно, как стая птиц, которой открыли клетку. Кто-то уже бежал к выходу. Кто-то хватал куртки. Майкл, сидевший в углу с очередной книгой, даже не поднял головы — только перевернул страницу и пробормотал что-то, похожее на «статистически ожидаемо».

— Свободный день! — Марго вскочила, и её карие глаза загорелись. — Лив, пойдём гулять! Ты ещё не видела территорию Академии — там есть озеро, и сад, и

— И конюшня, — добавил Мэтт, появившийся рядом, как по волшебству. Он уже переоделся — вместо формы на нём была простая рубашка с закатанными рукавами и кожаные штаны, и он выглядел совсем иначе — не учеником, а кем-то, кто принадлежит этому месту. — Пойдём к конюшне. Там сейчас лучше всего — лошадей выгоняют на пастбище, можно помочь.

Я посмотрела на Марго. Она пожала плечами.

— Конюшня так конюшня. Я пойду к озеру — почитаю. Встретимся на ужине?

Мы договорились. Марго ушла — лёгкая, быстрая, с журналом под мышкой. А я осталась с Мэттом.

Конюшня Академии Лавиретти находилась в южном крыле — далеко от учебных корпусов, за садом, за старой каменной стеной, поросшей плющом. Мы шли по тропинке, которая вилась между деревьями — настоящими деревьями, не каменными, — и я впервые за два дня почувствовала запах земли. Не пыли, не камня, не старых книг — а земли. Мокрой, тёплой, живой.

Солнце просвечивало сквозь кроны, рисуя на тропинке пятна — золотые, подвижные, как чешуя. Воздух был тёплый, густой, пахнувший травой и чем-то сладким — может, цветами, может, просто летом.

И потом я услышала ржание.

Не одно — много. Десятки голосов, высоких, низких, хриплых, звонких, сливающихся в один гул, от которого у меня что-то дрогнуло внутри. Не страх. Не тревога. Что-то другое. Что-то, чему я не могла подобрать названия, но что тянуло меня вперёд, как невидимая нить.

Мы вышли из-за деревьев — и я остановилась.

Конюшня была огромной. Длинное деревянное здание — нет, не здание, а целый комплекс: основной корпус с двумя рядами дверей, крытый манеж, открытые загоны, сеновал, — всё из тёмного дерева, потемневшего от времени, с крышами из серого сланца. Пастбище за конюшней спускалось пологой зелёной волной к ручью, и на этом пастбище

Десятки лошадей. Рыжие, гнедые, вороные, пегие, серые — все масти, все размеры. Они паслись, ходили, фыркали, били копытами, играли — молодые жеребцы гонялись друг за другом, поднимая облака пыли, кобылы щипали траву, лениво покачивая хвостами. Старый мерин стоял у забора, опустив голову, и жевал с таким видом, будто в этом заключался весь смысл существования.

Я стояла и смотрела. И не могла пошевелиться.

Потому что я любила лошадей. Не «нравились». Не «было интересно». Любила — так, как любят что-то, что было с тобой всегда, что жило в крови, в костях, в том месте, где кончаются слова и начинаются чувства.

— Эй, — Мэтт тронул меня за локоть. — Ты в порядке? Ты бледная.

— Лошади, — сказала я. Голос был странный — хриплый, тонкий. — Здесь лошади.

Он посмотрел на меня. Потом — на пастбище. Потом — снова на меня. И улыбнулся — не кривовато, как обычно, а мягко, по-настоящему.

— А, — сказал он. — Ты из таких.

— Из каких?

— Из тех, кто не может пройти мимо лошади и не остановиться. Я тоже такой, если честно. Пойдём.

Мы спустились к конюшне. У входа стоял мужчина — немолодой, широкоплечий, с руками, похожими на лопаты, и лицом, обветренным до цвета старой кожи. Седые волосы, коротко стриженные. Фартук поверх рубашки. Сапоги в навозе — буквально.

— Бран, — поздоровался Мэтт. — Это Лив. Новенькая. Она — он замялся, подбирая слово, — лошадица.

Бран посмотрел на меня. Оценил. Медленно, как смотрят на лошадь перед покупкой — не грубо, а внимательно.

— Лошадница, значит, — повторил он. Голос — низкий, скрипучий, как несмазанная дверь. — Ну, раз лошадица — помоги. Кобыл на дальнем пастбище, надо пригнать. Сам не справлюсь — старый стал, колено ноет.

— Конечно, — сказала я. И сама удивилась, как быстро это вылетело.

Мэтт подмигнул мне и ушёл — ему нужно было к Рыжей. А я осталась с Браном. Он дал мне верёвку, свисток и старую шляпу.

— Свисти — они привыкли. Не ори, не маши руками. Лошадь — не собака, её не запугаешь криком. Разговаривай с ней. Тихо. Спокойно. Они чувствуют.

Я кивнула.

И пошла на пастбище.

Дальнее пастбище было за ручьём — нешироким, но быстрым, с каменистым дном, по которому вода бежала, перекатываясь через валуны белыми гребешками. Я перешла вброд — вода была ледяная, и я охнула, но не остановилась. На том берегу паслись кобылы — штук двенадцать, разномастных, от светло-гнедой до почти чёрной.

Они подняли головы, когда я появилась. Уши — вперёд. Ноздри — раздуты. Оценивают. Я остановилась. Опустила верёвку. Свисток — в карман.

И заговорила.

Тихо. Как учил Бран. Не знаю, что именно я говорила — слова не имели значения. Важен был голос. Низкий, ровный, спокойный. Так говорят с тем, кому доверяешь. Так говорила мама, когда я болела в детстве — не уговаривала, не утешала, просто была рядом, и голос её делал комнату безопасной.

Кобылы слушали. Одна — светло-гнедая, с белой звездой на лбу — сделала шаг ко мне. Потом ещё один. Потом — вся группа двинулась, неторопливо, покачивая головами, и я пошла к ручью, и они пошли за мной.

Бран, наблюдавший с крыльца конюшни, хмыкнул.

— Неплохо для первого раза, — сказал он. — Обычно новенькие орут и машут руками — кобылы разбегаются к чёрту. А ты — он покачал головой. — Ты с ними говоришь. По-настоящему.

Я не знала, что ответить. Потому что я и сама не понимала, откуда это — это умение, это чувство, эта уверенность, что лошадь тебя понимает, если ты ей позволишь.

Мы пригнали кобыл к конюшне. Бран загнал их в стойла, похвалил — коротко, по-мужски, — и повернулся ко мне.

— Ну? — спросил он. — Хочешь прокатиться?

Моё сердце сделало то, что делает, когда тебе говорят «да» на вопрос, который ты боялся задать.

— Можно?

— А чего нельзя? Вон там, — он кивнул на манеж, — гнедая по кличке Искра. Спокойная, как удав. Для новичка — самое то.

Искра оказалась именно такой — спокойной. Не ленивой, нет — живой, внимательной, с умными тёмными глазами и шерстью цвета тёмного мёда. Она стояла в стойле и жевала сено, и когда я вошла, посмотрела на меня без страха, без любопытства — просто приняла. Как принимают того, кто пришёл с миром.

Бран помог мне забраться в седло — посадил, поправил стремяна, проверил подпругу. Его руки были грубые, но точные.

— Ноги не сжимай, — сказал он. — Руки мягко. Спина прямая. Лошадь чувствует твоё тело — если ты напряжена, она напряжённая. Расслабься.

Я расслабилась.

Искра тронулась — плавно, мягко, без рывка. Мы вышли из конюшни на манеж — круглый, выложенный песком, огороженный деревянным забором — и я почувствовала

Вот оно. Вот то, чего мне не хватало два дня. Не стены, не книги, не люди — а это. Ритм. Движение. Тепло живого тела под собой, мускулы, перекатывающиеся волной, дыхание — глубокое, ровное, — и ветер в лицо, и солнце на плечах, и мир, который наконец-то перестал быть чужим.

Я ехала. Не думала. Не анализировала. Просто — ехала.

Искра слушалась малейшего движения — поворота корпуса, наклона, касания пятки. Мы прошли круг, второй, третий. Потом я направила её к выходу из манежа — к калитке, ведущей на тропу за конюшней.

Бран крикнул:

— Недалеко! И не быстро!

Я кивнула — хотя он не видел — и Искра перешла на лёгкий галоп. Не бешеный, не пугающий — тот самый, ровный, пружинистый, от которого земля уходит из-под копыт, а ветер свистит в ушах, и ты — часть всего этого, не отдельно, а вместе.

Тропа вела через поле — заросшее высокой травой, с редкими деревьями, склонившимися над ней, как старики. Солнце грело спину. Искра фыркала, щёлкая ушами. Я улыбалась — широко, глупо, счастливо — и впервые за два дня не думала ни о шкатулке, ни о выбросе энергии, ни о родителях, ни о голосах из темноты.

А потом я увидела растение.

Оно росло у ручья — в низине, где вода замедлялась и образовывала маленький заводик, поросший мхом. Одно. Единственное. Среди обычной травы, среди обычных цветов — оно стояло, как ошибка в тексте, как нота, которая не должна звучать в этой мелодии, но звучит — и от неё перехватывает дыхание.

Стебель — тонкий, серебристо-голубой, почти прозрачный, как стекло. Листья — длинные, узкие, закрученные спиралью, и на каждом листе — прожилки, светящиеся мягким голубым светом, пульсирующим в такт чему-то, чего я не слышала, но чувствовала. Цветок — один, на верхушке — был похож на звезду: пять лепестков, каждый — другого оттенка, от белого до тёмно-синего, и в центре — крошечное ядро, мерцающее, как уголёк.

Оно было невозможным. Не в смысле «красивым» — хотя было и красивым, до боли в глазах. А в смысле — неправильным. Такие растения не растут у ручьёв. Такие растения не существуют. Я знала это — не потому что читала, а потому что чувствовала: магия, исходящая от него, была другой. Не человеческой. Не звериной. Чем-то третьим — древним, как камень, живым, как вода.

Я спешила. Привязала Искру к ветке. Достала из сумки карандаш и блокнот — тот самый, в котором записывала расписание, — и села на траву.

И начала рисовать.

Рука двигалась сама — быстро, точно, ловя каждый изгиб стебля, каждую спираль листа, каждый оттенок лепестка. Я не думала о пропорциях, о перспективе, о технике — просто рисовала, как дышала, потому что не рисовать было невозможно. Это растение просилось на бумагу — как просится на язык слово, которое вот-вот скажешь.

Через двадцать минут рисунок был готов. Несовершенный — карандаш не мог передать свечение, пульсацию, ту невозможную глубину цвета, — но живой. Я смотрела на него и чувствовала, что поймала что-то важное.

Потом вернулась к конюшне.

Бран стоял у входа, чистя щёткой бок вороной кобылы. Я подошла, показывая рисунок.

— Бран, что это? У ручья, за полем. Такое светящееся растение.

Он посмотрел на рисунок. Потом на меня. Его лицо — обычно неподвижное, как у человека, привыкшего к лошадям и не привыкшего к удивлению, — изменилось. Чуть-чуть. Брови поползли вверх.

— Где ты это видела? — спросил он. Голос стал другим — осторожнее.

— У ручья. За дальним пастбищем. Одно. Синее. Светится.

Бран помолчал. Почесал затылок.

— Лунник, — сказал он наконец. — Редкая штука. Растёт только там, где магия земли особенно сильная — в местах силы, как их называют. Обычные люди его не видят. Только те, у кого — он запнулся, подбирая слово, — чутьё.

— У кого чутьё?

— У магов, — просто сказал он. — У настоящих.

Я посмотрела на рисунок в своих руках. На тонкий серебристый стебель. На голубые прожилки. На звезду из пяти лепестков.

У настоящих.

Я спрятала блокнот в сумку. Поблагодарила Брана — он махнул рукой, мол, ерунда, — села на Искру и поехала обратно.

Солнце всё ещё светило. Птицы всё ещё пели. Мир всё ещё был тёплым и добрым.

Я не знала, что через полчаса всё изменится.

Это случилось быстро.

Я ехала по тропе обратно к конюшне — Искра шла спокойным шагом, я рисовала в голове, как покажу рисунок Марго, — когда небо изменилось.

Не постепенно — нет. Не «сначала тучка, потом ещё одна, потом потемнело». А мгновенно. Как будто кто-то щёлкнул выключателем. Солнце — яркое, тёплое, щедрое — просто исчезло. Небо за секунду стало свинцовым, тяжёлым, низким — так низко, что, казалось, протяни руку, и пальцы утонут в нём.

А потом — ветер.

Не тот тёплый летний ветерок, что шевелил траву на пастбище. Этот был другим — холодным, резким, пахнувшим озоном и мокрой землёй. Он ударил в лицо, как пощёчина, и Искра вздрогнула — всем телом, от ушей до хвоста — и заржала.

Не испуганно. Тревожно.

— Тихо, — сказала я. — Тихо, Искра, всё хорошо

Первая молния разорвала небо в трёхстах метрах от меня — белая, зубчатая, оглушительная. Гром пришёл следом — не раскат, а удар, от которого земля дрогнула под копытами.

Искра сорвалась с места.

Рванула, как из катапульты. Голова вверх, уши прижаты, глаза — белые, дикие. Она неслась по тропе, и я вцепилась в гриву обеими руками, и мир превратился в полосы — зелёная трава, серое небо, чёрные деревья — всё смазилось, закружилось, и ветер выль в ушах, и дождь — первые капли, тяжёлые, как пули — ударил в лицо.

Я не кричала. Не паниковала. Потому что паника — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить, когда под тобой полтонны испуганной лошади.

Думай. Думай, Лив.

Искра неслась к конюшне — инстинкт, она знала дорогу, — но между нами и конюшней был ручей — тот самый, у которого рос лунник, — и сейчас, после первых капель, он превращался в поток. Если Искра понесёт через него на полном скаку — она сломает ногу. Или я сломаю шею.

Я потянула поводья. Не резко — резко она встанет на дыбы. Мягко. Постепенно. Как учил Бран — лошадь чувствует твоё тело. Я откинулась назад, перенесла вес, надавила пятками — и Искра замедлилась. Не остановилась — но с галопа перешла на рысь, потом на шаг.

Дождь обрушился. Не капли — стена. Вода, холодная, ледяная, мгновенно промочившая всё до нитки. Я шурилась, пытаюсь видеть сквозь поток, и увидела — впереди, метрах в пятидесяти — старое здание. Сарай, кажется — деревянный, покосившийся, с провалившейся крышей. Не конюшня — что-то заброшенное, забытое, стоящее у края поля.

Я направила Искру к сараю. Она не сопротивлялась — дождь и гром делали своё дело, и ей было всё равно, куда идти, лишь бы укрыться. Мы влетели в полуоткрытую дверь — Искра чуть не задела плечом косяк — и оказались внутри.

Темнота. Запах старого дерева, сена, пыли. И — лошадиный пот. Свежий.

Я не была одна

Секунду — может, две — я ничего не видела. Глаза не успевали перестроиться с яркого света на темноту сарая. Только силуэты: балки под потолком, стойла вдоль стен, сено в углу — и что-то тёмное, большое, в дальнем конце.

Потом глаза привыкли.

В дальнем стойле стоял конь. Огромный. Чёрный — не просто чёрный, а абсолютно чёрный, как дыра в пространстве, как кусок ночи, отрезанный и поставленный на четыре ноги. Серебряная грива — длинная, тяжёлая — свисала до земли. Он стоял спокойно, опустив голову, и жевал сено, и на фоне бушующей за стенами грозы его спокойствие было настолько невозможным, что я на секунду подумала — может, это статуя.

Но статуи не дышат.

А потом из тени — из-за коня, из угла, где я не могла разглядеть, — вышел человек.

Высокий. Тёмные волосы, мокрые, прилипшие ко лбу. Тёмные глаза — те самые, непроницаемые, бездонные. Лицо — резкое, мокрое, с каплями воды на скулах. Форма — промокшая насквозь, тёмно-серая, почти чёрная от воды, — облепила плечи, грудь, руки.

Аларик Вейнар.

Он стоял в трёх шагах от меня, держа в руке поводья своего мракоходца, и смотрел на меня так, как смотрел в большом зале — сквозь, мимо, как на предмет мебели.

Потом его взгляд скользнул вниз — на Искру, на меня, на мои руки, вцепившиеся в поводья, — и что-то в его лице изменилось. Не много. Уголок рта — едва заметно. Не улыбка — скорее, тень узнавания.

— Рейн, — сказал он.

Голос — низкий, спокойный, чуть хриплый от дождя. Первые слова, которые я от него слышала.

— Вейнар, — ответила я. И тут же подумала: гениально, Лив. Просто гениально.

Он не ответил на мою глупость. Просто стоял и смотрел, как я пытаюсь спешиться — мокрая, дрожащая, с заплетёнными волосами, которые размокли и превратились в верёвки, — и Искра, которая не хотела стоять на месте и переминалась с ноги на ногу.

— Дай руку, — сказал он.

Не «помочь». Не «подожди». Просто — дай руку. Как факт. Как инструкция.

Я протянула руку.

Он шагнул вперёд — один шаг, быстрый, точный — и взял мою ладонь.

Его рука была холодной. Мокрая. Сильной. Пальцы — длинные, жёсткие, с мозолями — обхватили мою ладонь уверенно, без колебаний, и дёрнули вниз — мягко, но настойчиво, — и я соскользнула с седла прямо в его руки.

Ноги коснулись земли. Я пошатнулась — мокрая земля была скользкой, — и его рука — та же, что держала мою, — скользнула мне на талию, удерживая. На секунду. Может, на две.

И мир взорвался. Не снаружи. Внутри.

В том месте, где жил гул — тёмный, спящий, терпеливый — что-то лопнуло. Как плотина. Как скорлупа. И хлынуло — не вода, не свет, не звук — а память. Чужая? Моя? Наша?

Я увидела — нет, не увидела, я прожила — поле. Зелёное, бескрайнее, залитое солнцем, каким-то другим солнцем — мягче, золотистее, как мёд. Ветер в высокой траве. И двое детей — мальчик и девочка, лет семи-восьми — бегут по этому полю, и девочка смеётся, и у неё белые волосы — почти белые, как у меня, — и мальчик догоняет её, и хватает за руку, и они падают в траву, и трава щекочет их, небо — огромное, синее, бездонное — над ними.

И голос — мальчишеский, звонкий, счастливый:

«Смотри, я нашёл!»

И он показывает ей что-то — маленькое, светящееся, голубое — и она берёт это в руки, и оно пульсирует в такт её сердцу, и она чувствует — знает — что это её. Что оно всегда было её.

Потом — другое. Темнота. Холод. Камень. И голос — уже не мальчишеский, а взрослый, низкий, отчаянный:

«Не отпускай. Слышишь? Не отпускай. Я найду тебя. Я всегда найду тебя. Обещаю.

И рука — его рука — в моей. И боль. Не физическая — глубже. Та, что остаётся, когда теряешь то, без чего не можешь дышать.

Потом — снова свет. Снова поле. Но теперь они старше — пятнадцать, может шестнадцать. Он — высокий, тёмноволосый, с серьёзными глазами. Она — всё та же, беловолосая, с голубыми глазами, в которых горит что-то, чего он боится и чем восхищается одновременно. Они стоят друг напротив друга, и между ними — воздух, густой, наэлектризованный, и он говорит:

«Ты чувствуешь? Это — мы. Это всегда были мы.»

И она чувствует. И ей страшно. И ей хорошо. И она не понимает, почему плачет.

Потом — обрыв. Темнота. Тишина. И снова — сарай. Дождь. Запах сена и мокрого дерева.

Я стояла — нет, висела — в руках Аларика. Его ладонь на моей талии. Моя — на его груди, вцепившись в мокрую ткань. Лицо — в сантиметрах от его лица. Его глаза — тёмные, расширенные, живые — впервые живые — смотрели в мои.

И в них я видела то же, что видела в видениях.

Узнавание.

Его рука на моей талии дрожала. Едва заметно. Но я чувствовала — кожей, тем местом внутри, где жил гул.

— Что — начал он. Голос был чужим — хриплым, надломленным. — Что это было?

Я не могла ответить. Потому что не знала. Потому что слова были слишком маленькими для того, что только что произошло. Потому что я всё ещё чувствовала его руку — тёплую — и его дыхание — рваное, неровное — и его сердце под моими пальцами — быстрое, слишком быстрое, как у человека, который только что увидел призрака и понял, что призрак — настоящий.

— Аларик, — прошептала я. И имя прозвучало правильно. Так, будто я произносила его тысячу раз.

Он сглотнул. Его пальцы на моей талии сжались — чуть сильнее — и отпустили. Он отступил на шаг. Потом ещё на один.

Дождь барабанил по крыше сарая. Гремело где-то далеко. Искра фыркнула и уткнулась носом мне в плечо — и я машинально погладила её по шее.

Аларик стоял в двух шагах. Мокрый. Бледный — впервые я видела его бледным, и это меняло всё, делало его моложе, уязвимее, человечнее. Его тёмные глаза не отрывались от моего лица.

— Ты видела? — спросил он. Тихо. Почти шёпотом.

— Да.

— Поле. Дети. Светящаяся штука.

— Да.

Пауза. Дождь. Тишина между ударами грома.

— Я видел то же самое, — сказал он. И в его голосе было что-то, чего я никогда раньше в нём не слышала. Не холод. Не безразличие.

— Каждый раз. С тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Каждую ночь — один и тот же сон. Поле. Девочка с белыми волосами. И голос, который говорит: не отпускай.

Он посмотрел на свои руки. На те самые руки, которые только что держали меня.

— Я думал, это просто сон, — сказал он. — Думал — бред. Галлюцинация. Что угодно. Но это — он поднял глаза, и в них было что-то огромное, тёмное, отчаянное.

Нас не покидало ощущение, что мы знали друг друга давно. Очень давно. Так давно, что забыли — но тела, но ядра, но что-то глубже памяти — помнили.

Я стояла в мокрой одежде, в старом сарае, рядом с чужой лошадьё, и смотрела на человека, которого знала три дня, и чувствовала — каждой клеткой, каждым нервом — что он не врёт. Что он видел то же, что и я. Что между нами — в этом сарае, в этом дожде, в этом прикосновении — что-то было . Давно. Задолго до Академии. Задолго до школы. Задолго до усыновления. Но как ? Если мы небыли знакомы

Он стоял рядом.

— Лив, — сказал он. Моё имя — на его губах звучало иначе. Не как «госпожа Рейн». Не как «новенькая». А так, будто он носил его в себе — долго, тихо, как молитву.

— Да, — ответила я.

Он открыл рот — чтобы сказать что-то ещё, что-то важное, я видела это по его глазам, — но в этот момент Искра громко фыркнула, топнула копытом, и звук разнёсся по сараю, как выстрел, Аларик моргнул — и маска вернулась. Не сразу, не полностью — но вернулась. Плечи выпрямились. Взгляд — снова стал тёмным непроницаемым.

Он отвернулся. Пошёл к Грейву. Похлопал коня по шее — привычным жестом, успокаивающим.

— Гроза скоро кончится, — сказал он. Ровным голосом. Как ни в чём не бывало. — Через десять минут можно будет выходить.

Я стояла и смотрела на его спину — мокрую, прямую, напряжённую — и понимала: он не хочет, чтобы я видела его лицо. Не сейчас. Потому что сейчас — он открыт, и это пугает его больше, чем любая гроза. Я не стала настаивать.

Вместо этого я подошла к Искре, обняла её за шею, уткнулась лицом в мокрую тёплую гриву и закрыла глаза. Дождь стучал по крыше. Грейв жевал сено.

Аларик стоял у стены, спиной ко мне, и его руки — всё ещё дрожали.

Гул внутри меня — тот самый, тёмный, спящий — больше не был одиноким.

Рядом с ним, в той же темноте, пульсировал другой. Такой же.

Гроза уходила. Солнце — робкое, неуверенное — пробивалось сквозь тучи, один луч — тонкий, золотой — упал на сарай через щель в крыше и лёг на пол между нами. Как мост.

Глава 5 Дикий Ритм

Меньше недели я жила в ритме, который сама себе выстроила — как стену, кирпич за кирпичом, — и за эту стену не пускала ничего лишнего. Утро — завтрак. День — занятия. Вечер — дополнительные уроки с профессором Хейз. Ночь — книги, конспекты, формулы, пока глаза не начинали слипаться. И снова утро.

Я не думала о том что случилось в том сарае.

-Нет. Это ложь. Я думала о нём постоянно. Каждую свободную секунду — когда рука замирала над тетрадью, когда взгляд уплывал в окно, когда ночью тишина комнаты становилась слишком плотной — я возвращалась туда. В запах мокрого дерева и сена. В дрожь чужих рук. И тёмные глаза, которые впервые стали живыми.

Но думать — одно. Действовать — другое. И я выбрала действие. Единственное, которое мне было доступно: учиться.

Рисунок лунника я показала на третий день — на занятии по алхимии у профессора Данары.

Данара была женщиной, от которой хотелось одновременно убежать и остаться навсегда. Невысокая, полная, с копной огненно-рыжих кудрей, торчащих во все стороны, как у одуванчика после урагана, она двигалась по лаборатории, как шаровая молния — непредсказуемо, стремительно, с постоянным риском что-нибудь уронить, поджечь или взорвать. Её руки были в ожогах и пятнах от реактивов, на фартуке — дыры, в глазах — безумный восторг учёного, который каждый день открывает что-то новое и каждый день рискует от этого погибнуть.

— Рейн! — она увидела рисунок, который торчал из моей тетради, и выхватила его с ловкостью карманницы. — Что это?

— Растение, — сказала я. — Я нашла его у ручья за дальним пастбищем. Конюх сказал — лунник.

Данара замерла. Она замирала редко — может, три раза в год, — и каждый такой случай, по словам Мэтта, следовало считать историческим событием.

— Лунник, — повторила она. Голос стал другим — тихим, сосредоточенным. Она поднесла рисунок к глазам. Повернула. Посмотрела на свет. — Ты видела его? Своими глазами?

— Да.

— Своими глазами? Без артефактов, без зелий, без усиливающих линз?

— Просто увидела. Оно росло у воды.

Данара медленно опустила рисунок. Посмотрела на меня. И в её глазах — обычно безумных, горящих, как два маленьких костра, — я увидела нечто новое. Уважение.

— Лунник — растение-индикатор, — сказала она, обращаясь уже ко всему классу. Двадцать пар глаз повернулись к нам. — Оно растёт только в точках естественного магического сосредоточения. Его невозможно культивировать, невозможно пересадить, невозможно высушить для гербария — при отделении от корня оно распадается в течение минуты. И — главное — его могут видеть только маги с исключительно высокой чувствительностью к природной магии. — Она подняла мой рисунок, показывая классу. — За последние десять лет ни один студент Академии не обнаруживал лунник на территории Лавиретти. Рейн нашла его на третий день.

Тишина. Потом — шёпот. Потом — взгляды. Много взглядов.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам, и устала в стол.

— И ещё, — Данара постучала пальцем по рисунку, — это прекрасно нарисовано. Точность деталей — стебель, спиральные листья, пятилепестковый венчик — безупречна. Если бы я не знала, что лунник невозможно сфотографировать, я бы решила, что это фотография.

— Она положила рисунок передо мной. — Продолжайте рисовать, Рейн. У вас дар не только к магии.

Я кивнула, не поднимая глаз.

После урока Мэтт поймал меня в коридоре, сияя так, будто похвалили его.

— Ты слышала? Безупречно! Данара за три года ни разу не сказала мне ничего хорошего — максимум «не взорвал лабораторию, уже прогресс». А тебе — безупречно!

— Это просто рисунок, — пробормотала я.

— Это не «просто рисунок». Это документальное свидетельство твоей магической чувствительности. Я бы рекомендовал тебе сходить к Данаре на факультатив по магической ботанике — она ведёт его по средам. Тебе будет полезно.

— Мне будет полезно всё, — вздохнула я. — Потому что я не понимаю ничего.

— Это не совсем точно, — Майкл поправил очки. — Судя по твоим последним контрольным, ты понимаешь примерно тридцать семь процентов материала. Это значительный прогресс. Для сравнения: средний первокурсник за больший период усваивает около двадцати пяти.

— Ты считал?

— Разумеется.

Мэтт хлопнул меня по плечу.

— Видишь? Тридцать семь процентов! Практически гений!

Я рассмеялась. По-настоящему. Громко. И звук собственного смеха в каменном коридоре Лавиретти показался мне таким странным — и таким правильным одновременно.

Дни шли. Я училась.

Нет — я впитывала. Как сухая земля впитывает воду после засухи — жадно, торопливо, ненасытно. Каждый урок — новый слой. Каждая книга — новый кирпич в стене, которая из защиты превращалась в фундамент.

Теория магии с Хейз — три раза в неделю. Она была беспощадна. Задавала вопросы, на которые я не знала ответов, и ждала — терпеливо, неумолимо, — пока я не находила их сама. Не подсказывала. Не ругала. Просто ждала. И когда я отвечала правильно, в её серых глазах мелькала та самая кремнёвая искра — маленькая, почти незаметная, но я научилась её ловить.

— Вы делаете успехи, Рейн, — сказала она однажды после вечернего занятия. Для неё это было равнозначно стоячей овации.

Контроль с Ферроном — дважды в неделю. Здесь было тяжелее всего. Феррон — сухой, жилистый, с лицом, высеченным из гранита, и голосом, которым можно было резать стекло, — учил меня управлять тем, что жило внутри. Гулом. Силой. Тем зверем в тёмной пещере, который я старалась не будить.

— Не подавляй, — говорил он, стоя напротив меня в тренировочном зале — пустом, с каменными стенами, покрытыми защитными рунами. — Подавление — тупик. Ты не можешь вечно держать крышку на кипящем котле. Рано или поздно он взорвётся. Снова. Научись направлять.

— Как?

— Представь русло. Реку. Вода течёт — ты не останавливаешь её, ты направляешь. Берега. Дно. Форма. Дай ей форму.

Я пыталась. Раз за разом. Пот тёк по лицу, руки дрожали, голубое свечение под кожей пульсировало — то вспыхивая, то угасая. Иногда получалось — я чувствовала, как сила движется внутри, управляемая, послушная, как вода в канале. Иногда — нет, и стены тренировочного зала вздрагивали, и руны вспыхивали, поглощая выброс.

Феррон ни разу не выразил ни страха, ни раздражения. Только кивал — коротко, сухо — и говорил:

— Ещё раз.

Алхимия с Данарой — по средам и пятницам. Здесь я чувствовала себя увереннее — не потому что понимала больше, а потому что Данара преподавала так, как готовят: щепотка теории, горсть практики, взрыв — и смотри, что получилось. Она разрешала мне рисовать — ингредиенты, формулы, результаты. Говорила, что визуальная память — мой инструмент, и я должна им пользоваться.

Я рисовала всё. Травы, кристаллы, руны, схемы каналов, карты энергетических потоков. Мой блокнот распух вдвое и стал похож на дневник безумного учёного. Майкл однажды заглянул в него, пролистал — молча, внимательно — и сказал:

— Неплохо. Для наглядного пособия — даже хорошо. Тебе стоит систематизировать записи по категориям.

— Спасибо, Майкл.

— Это не комплимент. Это рекомендация.

Я улыбнулась. Он этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Библиотека стала моим вторым домом. Я приходила туда каждый вечер после занятий с Хейз и сидела до отбоя, утопая в книгах. История магии. Теория артефактов. Магическая биология. Древние языки — потому что половина важных текстов была написана на архаичном диалекте, который я пока не понимала, но учила, слово за словом, как учат чужую музыку.

Марго заходила за мной, когда я засиживалась слишком поздно.

— Лив, — говорила она, стоя в дверях библиотеки, скрестив руки, — полночь. Ты превратишься в книгу, если не ляжешь спать.

— Ещё одну главу.

— Ты это говоришь третий раз.

— Эта глава — последняя.

— Ты и это говоришь третий раз.

Она утаскивала меня в комнату, иногда буквально за руку. Я засыпала с текстом перед глазами — формулы, символы, схемы, плывущие по внутренней стороне век, как светящаяся рыба в тёмной воде.

И иногда — не каждую ночь, но иногда — перед тем как сон забирал меня, я слышала голос.

Лив

Тихий. Далёкий. Знакомый.

Я больше не пугалась. Просто слушала.

И ждала.

Аларика я видела. Каждый день. На занятиях — он сидел в последнем ряду, неподвижный, непроницаемый, как скала. В коридорах — он проходил мимо, не поворачивая головы. В большом зале — он ел в окружении своей группы, не участвуя в разговорах, не глядя в мою сторону.

Ни слова. Ни взгляда. Ни жеста.

Как будто сарая не было. Как будто видения не было.

Как будто его руки не дрожали на моей талии.

Я не подходила к нему. Не пыталась заговорить. Не смотрела — ну, почти не смотрела. И если иногда — случайно, мельком — мой взгляд останавливался на его спине, на его руках, на том, как он держит голову — прямо, высоко, с той невыносимой уверенностью, которая была не позой, а сутью, — то я тут же отводила глаза.

Не потому что не хотела смотреть.

А потому что боялась того, что услышу:

«Жду свою судьбу».

Мэтт был рядом. Каждый день. С улыбкой, с шуткой, с рукой, протянутой в нужный момент. Он провожал меня на занятия. Приносил чай в библиотеку. Рассказывал про лошадей

— Рыжая поправилась, у Искры новое седло, Грейв снова укусил конюха. Однажды, когда я сидела в коридоре после особенно тяжёлого урока с Ферроном — руки тряслись, голова гудела, — он молча сел рядом, достал из кармана булочку Эгнис, разломил пополам и отдал мне большую часть.

— Ешь, — сказал он. — Потом поговорим. Или не поговорим. Как хочешь.

Я съела булочку. Мы так и не заговорили. Просто сидели рядом, и этого было достаточно.

Это случилось через несколько дней после встречи в сарае.

Обычный день. Обычный обед. Я сидела за нашим столом — вторым слева — между Мэттом и Марго. Майкл — напротив, с книгой. Я ела суп — грибной, густой, дымящийся — и слушала, как Марго рассказывает про тренировку по боевой магии.

— и Феррон говорит: «Тирс, вы должны целиться, а не надеяться», а я ему: «Профессор, я целюсь просто манекен уворачивается!» — и он почти улыбнулся, представляешь? Я видела, как у него дёрнулся уголок рта. Это исторический момент. Я требую, чтобы его записали в летопись Академии.

Мэтт смеялся. Майкл перевернул страницу. Я улыбалась, держа ложку на весу.

Обычный день.

Потом двери большого зала распахнулись.

Не открылись — распахнулись, обе створки одновременно, с тем решительным жестом, который не оставлял сомнений: тот, кто входит, знает, что на него смотрят, и хочет, чтобы смотрели.

Аларик Вейнар.

Он шёл по проходу между столами — один, без свиты, без Линды и Рэя, без Зака — и это само по себе было странно. Аларик никогда не ходил один. Не потому что боялся — потому что свита следовала за ним, как тень, и он не утруждал себя тем, чтобы от неё избавляться.

Но сейчас он был один. И он шёл не к своему месту.

Он шёл к нашему столу.

Зал затих — не сразу, а волной, как ветер, проходящий по полю. Сначала ближайшие столы. Потом — дальние. Голоса гасли один за другим, пока не осталась только тишина и звук его шагов по каменному полу — ровных, чётких, уверенных.

Мэтт перестал смеяться. Марго замолчала на полуслове. Майкл — впервые за две недели — поднял глаза от книги.

Аларик остановился. Не перед нашим столом — а во главе зала, развернувшись так, чтобы его видели все. Он стоял — высокий, прямой, в безупречной форме, с лицом, на котором не было ни тени сомнения, — и молчал.

Секунда. Две. Три.

Весь зал смотрел на него. Сто с лишним человек. Тишина была такой, что я слышала, как потрескивает фитиль в парящем над нами светильнике.

— Как капитан сборной Академии по конной выездке, — произнёс Аларик, и его голос — низкий, ровный, привыкший к тому, что его слушают, — заполнил зал без усилия, как вода заполняет сосуд, — я имею право объявить о включении нового члена в команду.

Пауза. Кто-то за соседним столом выронил вилку.

— После наблюдения, — продолжал он, — я принял решение о кандидатуре.

Наблюдения? Он наблюдал? Когда? Как? Я ни разу не видела его на конюшне, ни разу не замечала его взгляда на пастбище — а я была там почти каждый день, помогая Брану, катаясь на Искре.

— Новый член команды, — Аларик сделал паузу, и я поклялась, что он сделал это намеренно, потому что весь зал подался вперёд.

— Оливия Рейн.

Тишина. Абсолютная.

Потом — шёпот. Потом — гул. Потом — шквал.

Головы повернулись ко мне. Все. Разом. Сто с лишним пар глаз — удивлённых, любопытных, завистливых, недоверчивых — впились в моё лицо, как прожектора.

Моя ложка медленно опустилась в тарелку.

— Что? — прошептала Марго. Её рот был приоткрыт. Глаза — круглые, как блюда.

— Он — Мэтт повернулся ко мне. Его лицо было странным. Не злым, нет. Но другим.
— Лив, ты знала?

— Нет, — сказала я. Честно. Потому что — нет. Не знала. Понятия не имела.

— Статистически невероятно, — пробормотал Майкл, и его очки чуть сползли по носу.

— Рейн учится меньше недели. Она не участвовала ни в одном просмотре. Критерии отбора в сборную требуют минимум полугода подготовки и три квалификационных заезда. Это — он замолчал, подбирая слово, — нестандартно.

Нестандартно. Мягко сказано, Майкл.

Аларик стоял. Ждал. Его тёмные глаза — непроницаемые, бездонные — смотрели на меня через зал. Не сквозь.

Впервые за все время.

Я встала.

Не знаю, откуда взялось спокойствие. Может, из той стены, которую я строила все эти дни — кирпич за кирпичом, урок за уроком. Может, из маминого голоса в моей голове — «сначала дело, потом чувства». Может, из чего-то ещё — из того места внутри, где жил гул, и где он сейчас молчал, притихший, настороженный, как зверь перед прыжком.

Я шла по проходу между столами. Мимо лиц — десятков лиц, повернутых ко мне, как подсолнухи. Мимо шёпота, который катился за мной, как волна. Мимо взглядов — острых, тяжёлых, жадных.

Я остановилась перед Алариком. В двух шагах. Лицом к лицу.

Вблизи он был таким, как в том сарае. Нет — не совсем. В сарае он был мокрым, растерянным, человеческим. Сейчас — снова собранным, снова закрытым, снова Алариком Вейнаром, капитаном, лучшим наездником Академии, человеком, которого все знали и никто не знал по-настоящему.

Но глаза. Глаза были другими. В них — глубоко, на самом дне — что-то горело. Не огонь. Не свет. Что-то живое, тихое, терпеливое, похожее на тот гул внутри меня.

— Аларик, — сказала я. Ровно. Спокойно. — Можно тебя на пару слов?

Зал замер. Я чувствовала это кожей — сто с лишним человек задержали дыхание одновременно.

Аларик чуть наклонил голову. Жест — едва заметный, но разрешающий.

— Почему я? — спросила я. Тихо, но в тишине зала каждое слово звучало, как удар колокола. — Я не участвовала в просмотре. Я учусь меньше недели. Я даже не подавала заявку.

— Тебе не нужен просмотр, — ответил он. Просто. Без пафоса, без позы. Как констатация факта — вода мокрая, небо наверху, тебе не нужен просмотр. — Я видел, как ты едешь.

— Когда? — я нахмурилась.

Он не ответил на этот вопрос. Вместо этого — и я заметила это прежде, чем поняла, — уголок его рта дрогнул.

-Он улыбнулся?

Не широко. Не ярко. Едва-едва — тень улыбки, призрак улыбки, намёк на то, что где-то внутри этой ледяной оболочки есть живой человек, который умеет улыбаться и выбирает — сделать это сейчас, здесь, перед всей Академией.

Я слышала, как кто-то за ближайшим столом тихо охнул.

— Я буду тренером, — сказал он. И улыбка — маленькая, хрупкая, невозможная — всё ещё была на его лице.

Я смотрела на него. На эту улыбку. На эти глаза, в которых горело что-то, чему я не могла дать имя. И чувствовала — кожей, костями, тем гулом внутри — как зал вокруг нас гудит. Не вслух — внутренне. Сто с лишним человек, которые только что увидели то, чего не видел никто за пять лет: Аларик Вейнар улыбнулся. Аларик Вейнар предложил своё время. Аларик Вейнар открылся — пусть на миллиметр, пусть на долю секунды — но открылся.

И адресат — новенькая. Меньше недели в Академии. Никто. Ничего.

Было бы так легко сказать «да». Кивнуть. Улыбнуться в ответ. Принять — и протянутую руку, и место в команде, и всё, что за этим стояло.

Но я была не «никто». Я была Оливия Рейн. И я знала одну вещь, которую знала всю жизнь, даже когда не понимала, откуда это знание: ничего не бери, пока не уверена, что удержишь.

— Мне нужно время, — сказала я.

Улыбка не исчезла. Но изменилась. Стала — задумчивее? Глубже?

— Время на что? — спросил он.

— Подумать. — Я помолчала. — У меня завал по учёбе, Аларик. Я меньше недели здесь. Я до сих пор не понимаю половину того, что говорит Хейз. Мне Феррон вчера сказал, что мой контроль — «как забор с дырами». Я не могу взять на себя ещё тренировки, если не справлюсь с основным.

Я говорила ровно, аргументированно, и каждое слово было правдой. Чистой, неприукрашенной правдой. Я действительно тонула в учёбе. Я действительно не успевала. И я действительно не могла позволить себе роскошь отвлекаться — даже на лошадей, которых любила, даже на выездку, о которой мечтала, даже на Аларика Вейнара, который стоял передо мной и впервые пять лет улыбаясь живому человеку.

Зал слушал. Я чувствовала это — напряжение, как натянутая струна, — сто с лишним человек, которые ждали, что я скажу.

Аларик молчал. Его тёмные глаза — те самые, непроницаемые, бездонные — смотрели на меня, и в них я видела что? Разочарование? Нет. Удивление? Может быть. Что-то ещё — что-то, что я пока не могла прочесть.

И тогда он сделал то, чего не ожидал никто.

— Тогда я помогу, — сказал он.

Шёпот прокатился по залу, как рябь по воде. Я слышала его — отдельные слова, обрывки фраз, — но не вслушивалась. Потому что смотрела на Аларика и пыталась понять, правильно ли я расслышала.

Ю— Поможешь, — повторила я. Не вопрос. Уточнение.

— С магией, — кивнул он. — С контролем. С теорией — если нужно. Я учусь здесь пять лет. Я знаю программу. — Пауза. — И я знаю, каково это — когда сила больше, чем ты можешь удержать.

Последняя фраза — тихая, почти интимная в гулкой тишине зала — ударила меня под рёбра. Потому что в ней была правда. Не та, которую говорят для публики. Та, которую говорят одному человеку.

Зал загудел. По-настоящему — не шёпот, не рябь, а гул, как улей, который разворошили палкой. Я слышала обрывки — «он что, серьёзно?», «она ему отказала?», «нет, она не отказала, она сказала подумать!», «а он предложил помочь», «Вейнар?!», «Вейнар предложил помочь?!», «новенькой?!» — и каждый обрывок был как укол иглой, маленький, острый, раздражающий.

Я стояла перед Алариком, и зал гудел вокруг нас, и я чувствовала — физически, кожей — как десятки взглядов ложатся на мои плечи, как мокрые листья. Тяжёлые. Липкие.

Было бы так легко поддаться. Смутиться. Покраснеть. Сказать «да» или «нет» — что угодно, лишь бы это закончилось, лишь бы перестать стоять под прицелом.

Но я была Лив. И Лив не поддавалась.

— Спасибо, — сказала я. Ровно. Спокойно. С тем самым достоинством, которому научилась у мамы — у Виктории Рейн, которая умела держать спину даже тогда, когда мир вокруг рушился. — Я подумаю. И дам ответ.

Аларик смотрел на меня. Долго. Его улыбка — та самая, маленькая, хрупкая — медленно угасла, но не до конца. Что-то осталось — в уголках губ, в глубине глаз. Что-то, что говорило: я подожду.

Он кивнул. Коротко.

Я развернулась и пошла обратно к своему столу. Двадцать шагов. Самые длинные двадцать шагов в моей жизни. Гул зала — за спиной, со всех сторон, как прибой — бился о мою спину, и я шла через него, не оборачиваясь.

Я села на своё место. Между Мэттом и Марго. Взяла ложку. Опустила в тарелку. Суп остыл.

Тишина за нашим столом была другой — не залежной, а своей, маленькой, плотной. Марго смотрела на меня с выражением, которое я не могла прочесть — то ли восхищение, то ли ужас, то ли и то и другое. Мэтт крутил в пальцах вилку — быстро, нервно, — и его обычная улыбка куда-то делась. Майкл закрыл книгу. Закрыл книгу. Это было так беспрецедентно, что я чуть не рассмеялась.

— Лив, — прошептала Марго, наклонившись ко мне. — Ты только что Аларик Вейнар он — Я знаю, — сказала я. — Суп передай, пожалуйста. Этот совсем остыл.

Марго моргнула. Потом — медленно, как в трансе — передала мне хлеб вместо супа.

— Он улыбнулся, — прошептал Мэтт. Голос — странный, тихий. — Он тебе улыбнулся. При всех. Лив, ты понимаешь, что это значит?

— Это значит, — ответила я, макая хлеб в остывший суп, — что у него есть мышцы лица, которые отвечают за улыбку. Как и у всех. Ничего сверхъестественного.

— Сверхъестественного? — Мэтт уставился на меня. — Вейнар не улыбался пять лет! Линда Кейт — Линда, которая ходит за ним со второго курса — ни разу не видела его улыбки! А ты — он — ты просто

— Статистически, — вставил Майкл, и все повернулись к нему, — вероятность того, что Аларик Вейнар публично предложит место в команде, личное тренерство и помощь в учёбе человеку, которого знает меньше недели, составляет примерно ноль целых ноль три десятых процента. Я округлил в большую сторону.

— Спасибо, Майкл, — сказала Марго. — Это очень помогает.

— Я не пытаюсь помочь. Я констатирую.

Я доела хлеб. Отодвинула тарелку. Посмотрела на своих друзей — на Марго, чьи карие глаза были размером с блюдца, на Мэтта, чья вилка всё ещё крутилась между пальцами, на Майкла, чья закрытая книга лежала на столе, как белый флаг.

— Послушайте, — сказала я. Тихо, но твёрдо. — Я не знаю, что это было. Не знаю, почему он это сделал. Не знаю, что он имел в виду. Но я знаю одно: я здесь, чтобы учиться. Чтобы понять, что со мной происходит. Чтобы научиться контролировать то, что внутри. И я не собираюсь отвлекаться на — я замолчала, подбирая слово, — на спектакли.

— Спектакли, — повторила Марго. — Аларик Вейнар только что открыл тебе своё сердце перед всей Академией, а ты называешь это спектаклем!?

— Он предложил место в команде, — поправила я. — И помощь в учёбе. Это не сердце. Это логистика.

— Лив.

— Марго.

Мы смотрели друг на друга. Потом Марго фыркнула. Потом рассмеялась. Потом — Мэтт, сначала тихо, потом громче. Потом — я.

Майкл открыл книгу.

— Безумие, — пробормотал он, перелистывая страницу. — Полное и абсолютное безумие.

Остаток обеда прошёл в странном, наэлектризованном гуле. Зал не затихал — шёпот, взгляды, обсуждения — и я чувствовала каждый из них, как уколы на коже. Но не поворачивалась. Не реагировала. Ела суп — новый, горячий, который принесла Эгнис, появившаяся из кухни с видом генерала, инспектирующего войска: «Кто тут голодный? Все голодные. Ешьте.»

Аларик ушёл из зала вскоре после нашего разговора. Один. Не оглядываясь. Линда Кейт — рыжеволосая, острая, как бритва — смотрела ему вслед, и на её лице было что-то, что я узнала. Не злость. Растерянность. Она не понимала, что произошло. И это, кажется, пугало её больше, чем если бы она поняла.

Рэй Гаррет — медведь в пиджаке — почесал затылок и пожал плечами. Зак Пирс — мелкий, быструглазый — смотрел на меня, и в его глазах было что-то нехорошее. Расчётливое. Я заметила. И запомнила.

Мэтт проводил меня до комнаты после обеда. Шёл рядом, молча, без обычных шуток, и его молчание было другим — не лёгким, а думающим.

У двери он остановился.

— Лив, — сказал он. И голос — обычно тёплый, весёлый, золотой — был тихим. — Будь осторожна. Ладно?

— С чем?

— С ним. С Алариком. Он — Мэтт замолчал. Провёл рукой по волосам — жест, который я уже научилась читать: он нервничал. — Он не тот человек, который делает что-то просто так. Если он выбрал тебя — у него есть причина. И я не уверен — он снова замолчал. — Просто будь осторожна.

Я посмотрела на него. На его карие глаза с золотыми искрами. На веснушки, рассыпанные по переносице. На его лицо — открытое, честное, живое.

— Буду, — пообещала я.

Он кивнул. Развернулся. И ушёл — пружинистым шагом, руки в карманах, но без обычного свиста.

Я зашла в комнату. Закрыла дверь. Привалилась к ней спиной.

Медальон с портретом мамы и папы стоял на подоконнике. Солнечный луч — последний, вечерний, уже не золотой, а медный — лежал на нём, как тёплая ладонь.

— Что мне делать? — спросила я у двух лиц на крошечном портрете. У маминой улыбки. У папиного почти-улыбки.

Они не ответили. Но мне показалось — что мамина улыбка стала чуть шире.

Сначала дело, Лив. Потом чувства.

Я выдохнула. Отошла от двери. Села за стол. Открыла тетрадь. И начала писать. Формулы. Символы. Схемы каналов.

Гул внутри — тихий, терпеливый — пульсировал ровно, спокойно, как второе сердце.

За окном садилось солнце.

Академия дышала вокруг меня.

И где-то — далеко, за стенами, за коридорами, за закрытыми дверями — Аларик Вейнар стоял у окна, положив ладонь на стекло, и смотрел на небо.

Я не знала этого.

Но чувствовала.

Глава 6 День рождения

Ответ я дала в свой день рождения.

Но обо всём по порядку.

Три дня после объявления Аларика в большом зале я жила так, будто ничего не произошло. Вставала. Умывалась. Шла на завтрак. Сидела на занятиях. Записывала формулы. Ела суп. Читала в библиотеке. Ложилась. Засыпала.

И думала. Думала. Думала.

Не потому что решение было сложным — нет, где-то внутри, в том месте, где жил гул, я уже знала ответ. Знала с той секунды, когда Аларик произнёс моё имя на весь зал. Может, даже раньше — с сарая, с дождя, с прикосновения рук, от которого мир взорвался и собрался заново.

Но Лив Рейн не бросалась в омут, даже если омут выглядел заманчиво. Лив Рейн сначала проверяла глубину.

Три дня я наблюдала.

За Алариком — издали, осторожно, как наблюдают за диким зверем, который может быть опасен, а может стать союзником. Он вернулся к прежнему режиму: молчание, неподвижность, непроницаемое лицо. Словно того объявления в зале не было. Словно улыбки не было. Но кое-что изменилось — и я заметила это не сразу, а на второй день, когда мы случайно оказались в одном коридоре.

Он не прошёл сквозь меня.

Не остановился, не заговорил — нет. Но его взгляд, скользнув по мне, задержался. На долю секунды. Как задерживается палец на странице, отмечая важное место. Потом он отвернулся и ушёл, и коридор снова стал пустым.

Но я запомнила.

За Линдой Кейт — тоже наблюдала. Рыжеволосая, острая, опасная — она смотрела на меня теперь иначе. Не с любопытством. С оценкой. Как смотрит кошка на другую кошку, забредшую на её территорию. Не враждебно — пока. Но граница проведена, и я должна была это понимать.

За Заком Пирсом — мелким, быстроглазым, с нехорошим расчётливым блеском в глазах. Он крутился рядом чаще, чем раньше. Появлялся в коридорах, через которые я ходила. Сидел в библиотеке, когда я приходила заниматься. Совпадение? Может быть. Но я не верила в совпадения. Не после того, как разнесла столовую и оказалась в академии для магов.

А потом наступил тот день.

Третье октября. Мой восемнадцатый день рождения.

Я проснулась от тишины. Не от звонка — он прозвучал позже, — не от солнца — за окном было серо, предрассветно, — а от тишины. Той особенной, ватной, какая бывает только в дни, которые ещё не начались, но уже знают, что будут важными.

Мне восемнадцать.

Я лежала на узкой кровати, в казённой комнате, в Академии на вершине чёрной скалы, за сотни миль от дома, от мамы, от папы, от вмятины на дверном косяке и запаха мятного чая — и мне восемнадцать.

Медальон на подоконнике ловил первый серый свет. Два лица смотрели на меня — мамина улыбка, папино почти-улыбка.

— С днём рождения, Лив, — прошептала я сама себе. Голос был хриплым, утренним, чуть надломленным. Я не плакала. Но горло сжалось так, что пришлось сглотнуть дважды.

Я встала. Умылась. Натянула форму. Заплела волосы. Посмотрела в зеркало.

Восемнадцать. Глаза — те же. Голубые. Слишком яркие. Аквамарины, как говорила мама. Лицо — бледное, с тёмными кругами, которые за последнюю неделю стали моим постоянным аксессуаром. Волосы — белые, почти белые.

Та же девочка. И в этот же момент совсем другая.

Я взяла медальон с подоконника, повесила на шею, спрятала под рубашку. Холодный металл лёг на кожу, как поцелуй.

И пошла на завтрак.

Кухня встретила меня запахом, от которого подкосились колени.

Не обычным запахом — не хлебом, не беконом, не овсянкой. Чем-то другим. Сладким, тёплым, сливочным, с нотой ванили и чего-то горьковатого — шоколада? — и под этим запахом, как подкладка под тканью, — корица. Мамина корица. Та самая, которую она добавляла в пирог на мой день рождения. Каждый год.

Я остановилась в дверях.

Эгнис стояла у стола — огромного, длинного, — и на столе, в самом центре, стоял торт. Не маленький, не скромный — настоящий торт, в три яруса, покрытый белой глазурью, с голубыми сахарными цветами по бокам и восемнадцатью свечами — тонкими, высокими, горящими ровным магическим пламенем, которое не дрожало и не гасло.

Рядом с тортом — Марго. Мэтт. Майкл. Все трое — в кухне, в шесть утра, с лицами, на которых было написано одно: мы не спали всю ночь, и нам плевать.

— С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ! — крикнула Марго так громко, что Эгнис вздрогнула, а медная сковорода на стене качнулась.

Мэтт засвистел. Майкл — захлопал. Не восторженно, нет — сдержанно, ритмично, с точностью метронома, — но захлопал.

Я стояла в дверях и не могла пошевелиться.

— Ну? — Эгнис скрестила руки на груди. — Чего стоишь? Задувай свечи. Торт стынет.

— Вы — я сглотнула. — Как вы

— Майкл, — Марго кивнула на очкастого всезнайку. — Он нашёл дату в твоём личном деле. Не спрашивай как.

— Информация — самый ценный ресурс, — невозмутимо ответил Майкл. — Я просто применил его.

— Он залез в архив ректора, — перевёл Мэтт. — Ночью. Через окно. Мы не будем об этом говорить.

— Никогда, — подтвердил Майкл.

Я рассмеялась. Звук вырвался из горла — мокрый, всхлипывающий, совсем не похожий на смех, — и я поняла, что плачу. Не от горя. От чего-то другого. От того, что эти люди — которых я знала меньше двух недель, которые были мне никем ещё месяц назад — нашли дату, запомнили, встали в шесть утра, испекли торт.

— Эй, эй, эй, — Мэтт шагнул ко мне, и его руки — тёплые, надёжные, с мозолями от поводьев — легли мне на плечи. — Не реветь. Тебе восемнадцать. Восемнадцать — это хорошо. Это отлично. Это значит, что тебе официально можно делать глупости, и никто не скажет «она ещё ребёнок».

— Технически, — вставил Майкл, — совершеннолетие в магическом праве наступает в девятнадцать, а не в восемнадцать. Но я допускаю, что сейчас не лучший момент для юридических уточнений.

— Не лучший, Майкл, — сказала Марго. — Определённо не лучший.

Я вытерла глаза. Подошла к столу. Посмотрела на свечи — восемнадцать огоньков, ровных, спокойных, как маленькие маяки в темноте.

— Загадай желание, — тихо сказала Марго. И в её голосе — обычно звонком, дерзком — была мягкость, которую я слышала впервые.

Я закрыла глаза. Чего я хочу?

Домой? Да. К маме и папе? Да. Чтобы всё было как раньше — школа, деревня, вмятина на косяке, запах мяты? Да. Тысячу раз да.

Но — и это было новое, незнакомое, выросшее за последние дни, как лунник у ручья, — я хотела ещё кое-чего.

Узнать. Кто я. Откуда. Почему. И — не потерять то, что нашла. Я открыла глаза. Набрала воздуха. И задула свечи.

Все восемнадцать — разом. Одним выдохом.

Пламя погасло — и на секунду, на одну крошечную секунду, я почувствовала, как гул внутри откликнулся. Не выбросом, не вспышкой — тихим, тёплым импульсом, как кошка, которая ткнулась носом в ладонь.

Эгнис кивнула — одобрительно, по-матерински — и начала резать торт.

Торт был невероятным. Шоколад и ваниль, корица и что-то ещё — горьковатое, пряное, незнакомое, от чего язык покалывало, а в животе становилось тепло.

— Что это за специя? — спросила я с набитым ртом.

— Звёздная соль, — ответила Эгнис, подкладывая мне второй кусок. — Редкая штука. Растёт только в горах, за перевалом. Бран привозит раз в сезон. Говорит, помогает от тоски по дому.

Я проглотила. Горло сжалось. Но тепло в животе — настоящее, не магическое — было таким правильным.

— Спасибо, — сказала я. — Всем. За всё. Я

— Ты не будешь благодарить, — перебила Марго, тыча в меня вилкой с куском торта. — Ты будешь есть. И улыбаться. И не думать ни о чём плохом. Хотя бы сегодня. Один день, Лив. Ты заслужила.

Мэтт поднял кружку с чаем.

— За Лив, — сказал он. Просто. Без пафоса, без позы. — За самую упрямую, самую храбрую и самую невозможную девчонку, которую я когда-либо встречал. С днём рождения.

Марго подняла свою кружку. Майкл — свою, не отрываясь от книги, которую каким-то образом читал одновременно с поеданием торта.

Я подняла свою.

Четыре кружки звякнули над тортом. Тихо, глухо, некрасиво. Но для меня этот звук был — дом. Новый, непривычный, ещё незнакомый. Но дом.

В большом зале на завтраке меня ждал второй сюрприз.

На моём месте — на моём месте, за вторым столом слева — лежал конверт. Плотный, кремовый, с восковой печатью. Не министерской. Другой. Я узнала бы эту печать из тысячи — круглая, с оттиском дубового листа. Папин перстень.

Руки дрожали, когда я сломала печать.

Дорогая наша Лив.

С днём рождения, родная. Восемнадцать лет. Мы помним, как принесли тебя домой — маленькую, белоголовую, с глазами, от которых невозможно было отвести взгляд. Ты смотрела на мир так, будто уже всё о нём знала, просто ещё не нашла слов.

Нам не хватает тебя. Дом пустой без тебя. Мама печёт пирог — по привычке, для тебя, хотя тебя нет, — и плачет в муку, когда думает, что я не вижу. Я вижу. Но не говорю ей.

Мы гордимся тобой. Не потому что ты особенная — хотя ты особенная, — а потому что ты наша. Была, есть и будешь. Что бы ни случилось.

P.S. Шкатулку я отправить не могу — она запечатана магией, которая не позволяет перемещение по почте. Но я сделал кое-что другое. Перерисовал символы с крышки — все, как мог. Прилагаю. Может, кто-то в Академии сможет их прочесть.

Твой папа.

P.P.S. Мама велела передать: ешь больше. И надевай шарф.

К письму был приложен листок — папин почерк, крупный, неровный, не художественный, — на котором были тщательно перерисованы символы. Я узнала их — те самые, что покрывали шкатулку. Незнакомые. Странные. Похожие одновременно на руны, на буквы и на что-то третье, чему я пока не знала названия.

Я сложила письмо. Прижала к груди. Закрыла глаза.

— Лив? — Мэтт, сидевший рядом, тронул меня за локоть. — Всё в порядке?

Я открыла глаза. Моргнула. Убрала письмо в карман.

— Да, — сказала я. И улыбнулась. — Всё хорошо. Письмо от родителей.

Он кивнул. Не стал спрашивать. Просто положил рядом с моей тарелкой ещё один тост — с маслом и мёдом, как я люблю.

Как я люблю. Он запомнил. Конечно, запомнил.

Решение пришло после третьей пары.

Не внезапно — оно зрело все эти дни, как зреет плод на ветке, и нужен был только один толчок, один порыв ветра, чтобы он упал.

Толчком стала тренировка с Ферроном.

Она была особенно тяжёлой — Феррон, очевидно, не знал и не интересовался, что у меня день рождения, и гонял меня, как обычно, до темноты в глазах и дрожи в коленях. Русла. Каналы. Контурсы. Раз за разом я пыталась направить силу — и раз за разом она вырывалась, как вода из прорванной дамбы, и руны на стенах вспыхивали, поглощая выброс.

Но на последней попытке — последней, когда я уже не могла стоять и держалась на ногах только потому, что упасть было бы слишком унижительно, — что-то щёлкнуло.

Не снаружи. Внутри. В том месте, где жил гул.

Сила потекла. Не хлынула — а именно потекла. По каналам, которые я выстраивала неделю — криво, косо, с дырами, — но потекла. Я почувствовала это — как чувствуешь тёплую воду, обнимающую тело, — и на секунду, на одну невозможную секунду, мир стал прозрачным. Я видела — не глазами, чем-то другим — как сила движется через меня, голубая, светящаяся, живая, и она была моя. Не чужая. Не враждебная. Не зверь в пещере. А моя.

Феррон стоял напротив. Его лицо — обычно неподвижное, гранитное — дрогнуло. Едва заметно. Но я увидела.

— Ещё раз, — сказал он.

— Нет, — ответила я. И улыбнулась. — Не сегодня. Сегодня — достаточно.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом кивнул.

— С днём рождения, Рейн, — сказал он. И вышел.

Я стояла в пустом зале, мокрая от пота, с дрожащими руками и сияющими глазами, и знала.

Я могу. Я справлюсь. И я готова.

Аларика я нашла на конюшне. Там, где он был всегда — рядом с Грейвом, в тишине, в запахе сена и лошадиного пота, в мире, который понимал без слов.

Он чистил коня — длинными, ровными движениями щётки по чёрной лоснящейся шерсти. Грейв стоял спокойно, опустив голову, полуприкрыв глаза. Серебряная грива свисала до земли.

Я остановилась в дверях стойла. Аларик не обернулся, но его рука — та, что держала щётку — на секунду замерла.

Он знал, что я здесь. Конечно, знал.

— Аларик, — сказала я.

Он повернулся. Тёмные глаза — непроницаемые, бездонные — нашли мои.

— Рейн, — ответил он.

— Лив, — поправила я.

Пауза. Маленькая. Тяжёлая.

— Лив, — повторил он. И что-то в его голосе — в том, как он произнёс это, — заставило гул внутри меня вздрогнуть и замереть, как зверь, который услышал знакомый зов.

— Я согласна, — сказала я. — На место в команде. На тренировки. На помощь с магией. На всё.

Он молчал. Смотрел. Щётка в его руке замерла окончательно.

— С условиями? — спросил он. И в его голосе — где-то глубоко, на самом дне, — я услышала то, что он прятал. Не надежду — нет, надежда звучит иначе. Что-то большее. Что-то, что ждало пять лет и боялось, что ждало не напрасно.

— С условиями, — подтвердила я. — Теми же. Учёба — в приоритете. Не торопиться. И — я помолчала. — И ещё одно. Новое.

Он ждал.

— Сегодня мне восемнадцать, — сказала я. — И я хочу, чтобы первый день моей новой жизни — настоящей новой жизни — начался правильно. Не с контракта. Не с логистики. С — я искала слово и не находила. — С чего-то настоящего.

Аларик смотрел на меня. И я видела — физически видела, — как его маска трескается. Не разваливается — нет, он был слишком силён для этого, слишком привычен к своей броне. Но трещина — тонкая, как волос, — прошла от глаз к губам, и сквозь неё хлынул свет.

Он улыбнулся.

Не тенью. Не призраком. По-настоящему. Так, как улыбался в то утро в манеже — с ямочками на щеках, с теплом в тёмных глазах, с чем-то мальчишеским, живым, невозможно нежным для человека, которого вся Академия считала ледяной глыбой.

— С днём рождения, Лив, — сказал он.

И достал из кармана что-то маленькое. Протянул мне на раскрытой ладони.

Я посмотрела.

На его ладони лежал камень. Маленький, гладкий, размером с вишню. Голубой — того самого оттенка, что свечение под моей кожей. Прозрачный, как капля воды, замёрзшая на лету. И внутри — крошечная искра, пульсирующая в такт чему?

Я прислушалась.

В такт моему сердцу.

— Что это? — прошептала я.

— Слёзный камень, — ответил он. — Редкость. Образуется в местах, где природная магия особенно сильна. — Пауза. — Я нашёл его на пастбище. Рядом с ручьём. Рядом с тем местом, где ты рисовала лунник.

Я подняла на него глаза.

— Ты знал, где я была?

— Я говорил, что наблюдал, — ответил он. Просто. Без вины, без извинений. — Я видел, как ты едешь. Как разговариваешь с лошадьми. Как сидишь у ручья и рисуешь. — Пауза. — И я видел, как земля откликается на тебя. Трава вокруг того места, где ты сидела, выросла на два дюйма за ночь. Ручей стал теплее. А потом я нашёл этот камень — прямо там, где ты была. Его не было раньше. Он появился. После тебя.

Я смотрела на камень. На голубую искру внутри, пульсирующую в ритме моего сердца.

— Это не подарок, — сказал Аларик. И его голос стал тише, серьезнее. — Это твоё. Земля создала его для тебя. Я просто принёс.

Я протянула руку.

Мои пальцы коснулись его ладони — и мир вздрогнул.

Не как в сарае — не взрыв, не видение, не поток чужих-своих воспоминаний. Тише. Мягче. Как вздрагивает вода, когда в неё падает один-единственный лепесток. Волна — тёплая,

голубая, — прошла от его ладони в мою, поднялась по руке, по плечу, легла на сердце. И гул — его и мой — на секунду совпал.

Один ритм. Одно дыхание.

Потом я взяла камень, и прикосновение прервалось, и мир вернулся. Но тепло осталось — в ладони, в груди, в том месте, где раньше было только одиночество.

— Спасибо, — сказала я. И голос дрогнул. Чуть-чуть. Самую малость.

Аларик кивнул. Отвернулся к Грейву. Снова взял щётку. И — не глядя на меня, не поворачивая головы — произнёс:

— В Академии есть традиция. Старая. Когда студенту исполняется восемнадцать, в его честь устраивают вечер. Не бал — не настолько пышно. Просто музыка. Свечи. Танцы. Обычно организует курс именинника.

Он замолчал. Щётка двигалась по Грейвовому боку — ровно, размеренно, но чуть быстрее, чем нужно. Я заметила.

— Марго уже взялась за организацию, — продолжал он. — Мэтт помогает. Даже Майкл согласился — при условии, что музыка будет «в рамках акустически допустимого диапазона», — он процитировал это с такой точностью, что я почти услышала голос Майкла.

— Ты разговариваешь с моими друзьями? — я не скрыла удивления.

— Я разговариваю с людьми, которые важны для тебя, — ответил он. Просто. Как факт. Как — вода мокрая, небо наверху, я разговариваю с людьми, которые важны для тебя. — Это логично.

Я чуть не рассмеялась. Аларик Вейнар — человек-скала, капитан — разговаривает с Марго, Мэттом и Майклом. О моём дне рождения. О вечере с танцами.

— И, — он всё ещё не смотрел на меня, и щётка двигалась всё быстрее, и я видела, как напряглись его плечи, — если ты не против первый танец. Со мной.

Тишина.

Грейв повернул голову и посмотрел на меня одним глазом. Ну? Что тебе ещё нужно?

— Ты умеешь танцевать? — спросила я. И сама не поняла, почему это был мой первый вопрос.

Аларик обернулся. И — на его лице была растерянность. Настоящая, неприкрытая, человеческая растерянность.

— Я — он моргнул. — Да. Мать учила. В детстве. Но я давно не

— Да, — сказала я.

Он замолчал. Посмотрел на меня. Его тёмные глаза — два колодца без дна — были широко открыты.

— Да? — переспросил он. Как человек, который услышал то, чего ждал, но не поверил.

— Да. Первый танец. С тобой. — Я притихла — Но если наступишь мне на ногу — соглашение расторгнуто.

Пауза. Длинная. Грейв фыркнул.

И Аларик рассмеялся.

Не улыбнулся — рассмеялся. Негромко, коротко, с хрипотцой — так смеются люди, которые делают это редко и каждый раз удивляются собственному смеху. Звук был странный — непривычный, неотшлифованный, как камень, который только что достали из реки. И красивый До боли в груди.

— Договорились, — сказал он.

Вечер начался в восемь.

Большой зал преобразился — и я не узнала его. Столы исчезли. На их месте — открытое пространство, залитое светом сотен свечей, парящих под потолком, как маленькие звёзды. Не магических — настоящих, восковых, с живым огнём, который отбрасывал тёплые тени на

каменные стены. Светящиеся линии на потолке — обычно голубые и холодные — сегодня были золотыми, как мёд.

Марго. Конечно, Марго. Она сделала это за полдня — но как? Она стояла у входа, скрепив руки, с видом полководца, осматривающего поле перед битвой.

— Ну? — спросила она, когда я вошла. — Нормально?

Зал выглядел так, будто его украшали феи. Или безумцы. Или безумные феи.

Вдоль стен стояли длинные столы — с едой, напитками, пирогами (Эгнис, очевидно, не спала ночь). В углу — музыканты. Настоящие, живые — четверо старшекурсников с инструментами: скрипка, виолончель, что-то похожее на лютню и флейта. Они играли что-то мягкое, текучее, без слов, и музыка заполняла зал, как тёплая вода заполняет ванну.

Люди. Много людей. Не сто — меньше, может, сорок-пятьдесят, — но много. Не только наш курс — младшие, старшие, даже несколько профессоров. Данара — в платье, рыжие кудри собраны в подобие причёски, — стояла у стола с напитками и рассказывала что-то Хейз, которая слушала с каменным лицом, но держала в руке бокал.

Феррон — стоял у стены с видом человека, который пришёл на собственную казнь, но решил держаться с достоинством.

Мэтт подошёл ко мне первым. Он был... Не в форме — в простой белой рубашке, расстёгнутой на две верхние пуговицы, в тёмных брюках. Волосы — обычно непослушные — были зачёсаны назад, и от этого его лицо казалось старше, серьёзнее. Веснушки никуда не делись, и золотые искры в карих глазах горели ярче обычного.

— С днём рождения, Лив, — сказал он. И протянул мне что-то — маленькое, завернутое в бумагу.

Я развернула.

Карандаш. Не обычный — тёмный, с серебряным наконечником, тяжёлый. На боку — гравировка: «Для Лив, которая видит».

— Магический, — пояснил Мэтт. — Рисунки, сделанные им, сохраняют след магии того, что ты рисуешь. Если нарисуешь лунник этим карандашом — рисунок будет светиться. Как настоящий.

Я сжала карандаш в руке. Серебряный наконечник был тёплым — как живой.

— Мэтт — начала я.

— Не благодари, — он поднял ладонь. — Серьёзно. Если ты скажешь «спасибо», я покраснею, и все увидят, и Марго будет смеяться надо мной до конца года.

Я не сказала «спасибо». Вместо этого — встала на цыпочки и поцеловала его в щёку. Быстро. Легко. Как сестра.

Мэтт покраснел. До кончиков ушей. Веснушки стали ещё ярче.

— Ну вот, — пробормотал он. — Марго уже смотрит.

Марго действительно смотрела. И ухмылялась.

Майкл подарил книгу — разумеется. «Энциклопедия магических растений Северного континента. Полное иллюстрированное издание». На титульной странице — карандашом, мелким почерком: «Лунник — страница 847. С днём рождения, Рейн.»

Марго подарила шарф. Не простой — связанный вручную, тёмно-синий, с серебряными нитями, которые мерцали при движении. Мягкий. Тёплый. Пахнущий лавандой.

— Связала сама, — сказала она. — Не говори никому. У меня репутация.

Я надела шарф поверх платья — простого, тёмного, единственного, которое у меня было, — и он лёг на плечи, как объятие.

Музыка играла. Люди разговаривали, смеялись, танцевали — не все, не сразу, но постепенно зал ожил, закружился, как медленная река, и я стояла у стены, с бокалом тёплого яблочного сидра в руках.

Я почувствовала его прежде, чем увидела. Тот самый сдвиг — температура, воздух, гравитация. Как будто комната чуть изменилась, чтобы освободить место.

Аларик стоял у входа в зал.

Он был не в форме. Чёрная рубашка — простая, без украшений, застёгнутая до горла. Тёмные брюки. Волосы — те же, зачёсанные назад, открывающие лицо. Но что-то было иначе. Не одежда — что-то в том, как он стоял, как держал плечи, как смотрел.

Он смотрел на меня.

Не сквозь. Не мимо, а на меня. И в его тёмных глазах — в тех самых колодцах без дна — было что-то, чего я никогда раньше в них не видела.

Нежность

Тихая. Осторожная. Спрятанная так глубоко, что увидеть её мог только тот, кто знал, куда смотреть. Я — знала. Потому что видела его в сарае, в тумане, с дрожащими руками. Потому что видела его на манеже, в пять утра, с Грейвом, без маски. Потому что видела его — настоящего.

Зал заметил. Шёпот — как рябь, как волна — прокатился от стены к стене. Головы повернулись. Глаза расширились.

Аларик Вейнар. На вечере. Смотрящий на новенькую.

Конец света. Апокалипсис. Статистически невероятно.

Он шёл через зал — медленно, ровно, не обращая внимания на взгляды, на шёпот, на то, как перед ним расступились. — и остановился передо мной. В шаге.

— Лив, — сказал он. И протянул руку. Ладонью вверх. Открытую.

Музыка — как по волшебству сменилась. Мягкая, текучая мелодия без слов стала чем-то другим. Медленнее. Глубже. С низкими нотами виолончели, похожими на биение сердца, и высокими переливами флейты, похожими на свет.

— Танец? — спросил он. Негромко. Только для меня.

Зал замер.

Я посмотрела на его руку. На длинные пальцы. На мозоли от поводьев. На тонкий шрам поперёк костяшек.

Потом посмотрела ему в глаза. И положила свою ладонь в его.

Никаких видений.

Никаких всплывших. Никаких чужих-своих воспоминаний о полях, о детях, о голосах, говорящих не отпускаяй.

Только — тепло. Его ладонь на моей. Его рука — вторая, правая — легла мне на талию. Осторожно. Как ложится снег на ветку — невесомо, бережно, боясь сломать.

Я положила руку ему на плечо. Почувствовала под пальцами мышцы — напряжённые, твёрдые. Он нервничал. Аларик Вейнар — ледяная глыба, человек без эмоций, капитан — нервничал, танцуя со мной.

Мы двинулись.

Он вёл — уверенно, но мягко, как ведут лошадь, а не как ведут солдата. Шаг — шаг — поворот. Его тело двигалось с той же грацией, что и в седле, — текуче, плавно, без лишних движений. Мать учила хорошо.

Я следовала. Не думая. Не считая шаги. Просто — чувствуя. Его ритм. Его дыхание. Его сердце — я слышала его, или мне казалось, что слышу, — быстрое, неровное, как у человека, который прыгнул с обрыва и ещё летит.

Зал вокруг нас размылся. Свечи, лица, стены — всё стало фоном, нечётким, неважным, как пейзаж за окном движущегося экипажа. Были только мы. Только его рука на моей талии. Только мои пальцы на его плече. Только музыка — медленная, глубокая, тёмная, — которая несла нас, как река несёт две лодки, связанные одной верёвкой.

— Ты не наступил мне на ногу, — прошептала я.

Его губы дрогнули.

— Я тренировался, — ответил он. Так же тихо. — В пустом зале за конюшней. Грейв смотрел. Ему не понравилось.

Я рассмеялась — тихо, в его плечо, уткнувшись лбом в чёрную ткань рубашки. И почувствовала, как его рука на моей талии сжалась — чуть крепче.

Гул внутри — мой — пульсировал ровно, спокойно. И рядом с ним — рядом, как второй голос в хоре, — пульсировал другой. Его. Тот же ритм. Та же частота. Два сердца, бьющихся в такт музыке и друг другу.

Мы танцевали.

Медленно. Тихо. В зале, полном людей, которые смотрели на нас — с удивлением, с завистью, с любопытством, с чем-то ещё, — восхищением?!

Музыка замедлилась. Последняя нота виолончели — долгая, низкая, как вздох — повисла в воздухе и растаяла.

Мы остановились.

Аларик смотрел на меня — сверху вниз, он был выше на голову, — и в его темных глазах было всё. Всё, что он прятал, всё, что снилось ему пять долгих лет. Всё, чему он не мог дать имя, но что узнал — мгновенно, безошибочно, — когда его рука коснулась моей в мокром сарае под дождём.

— Спасибо, — прошептал он. — За танец.

— Спасибо, — прошептала я. — За камень. За свечи. За — я замолчала.

— За что?

— За то, что ждал.

Его глаза — те самые, два колодца без дна — вспыхнули. Не магией. Не силой. Чем-то другим. Чем-то, что было старше магии.

Он не ответил. Просто сжал мою руку — ту, что всё ещё лежала в его ладони — и отпустил.

И отступил.

Маска — тонкая, привычная, необходимая — легла обратно. Не целиком. С трещиной. С тем светом, который просвечивал сквозь неё и который видела только я.

Потом был торт — ещё один, Эгнис решила, что одного мало, — и смех, и музыка, и Марго, танцующая с Рэем Гарретом (медведь в пиджаке оказался неожиданно лёгким на ногу), и Мэтт, танцующий с Данарой которая вела в танце, и Майкл, сидящий в углу с книгой и бокалом сидра и выглядящий совершенно довольным жизнью.

Мэтт подошёл ко мне ближе к концу вечера.

— Второй танец? — спросил он. И улыбнулся — той самой кривоватой улыбкой, левый уголок выше правого, с золотыми искрами в карих глазах.

— С удовольствием, — ответила я.

Мы танцевали — легко. Мэтт вёл неуклюже, наступил мне на ногу дважды, каждый раз извиняясь так искренне, что я смеялась до слёз. Он шутил. Кривлялся. Крутил меня так, что я чуть не врезалась в Феррона, который стоял у стены с видом человека, планирующего побег.

И когда музыка кончилась, и мы стояли, запыхавшиеся, покрасневшие, он сказал — тихо, только для меня:

— Ты светишься, Лив. Не магией. Просто светишься.

Я посмотрела на него. На его лицо — открытое, живое, настоящее. И подумала: вот человек, который отдаст мне последнюю булочку Эгнис и не попросит ничего взамен. Вот человек, который пришёл первым и останется последним. Вот человек, который

Который смотрит на меня так, как не смотрят на друга.

Я знала. Конечно, знала. Не слепая.

Но сегодня— я не хотела об этом думать. Сегодня я хотела быть восемнадцатилетней девчонкой на своём дне рождения, с друзьями, с тортом, с музыкой, с шарфом, пахнущим лавандой, и голубым камнем в кармане, пульсирующим в такт сердцу.

— Спасибо, Мэтт, — сказала я. — За всё.

Он улыбнулся. Чуть грустно. Чуть криво.

— Всегда, — ответил он.

Ночью — поздно, после полуночи, когда зал опустел и свечи догорели, и Академия снова дышала тихо, сонно, древне, — я лежала в кровати и смотрела в потолок.

На подоконнике — медальон с двумя лицами. Мамина улыбка. Папино почти-улыбка.

В кармане — письмо от папы. С символами из шкатулки. С ответами, которые ещё предстоит найти.

В другом кармане — голубой камень. Слезный камень. Тёплый, пульсирующий.

На столе — магический карандаш от Мэтта. «Для Лив, которая видит».

На плечах — шарф от Марго. Лавандовый. Мягкий.

На полке — энциклопедия от Майкла. «Лунник — страница 847».

Мне восемнадцать.

Я — тайна, которую ещё предстоит разгадать.

И я — впервые, за все эти дни, за все ночи, — счастлива. Не целиком. Не до конца. Но — счастлива.

Гул внутри — тихий, ровный — пульсировал, как колыбельная.

Лив

Голос. Тот самый. Тихий. Далёкий. Знакомый.

Я не испугалась. Не напряглась. Просто — улыбнулась.

— Я здесь, — прошептала я в темноту.

Темнота не ответила.

Но камень в кармане вспыхнул — на секунду, — голубым светом.

И я уснула. С улыбкой. С теплом.

С надеждой.

Завтра начнутся тренировки. Завтра — в пять утра, в тумане, на манеже — Аларик будет ждать. Завтра — Хейз задаст невозможный вопрос, и я найду ответ. Завтра — Феррон скажет «ещё раз», и я сделаю ещё раз. Завтра — Мэтт принесёт чай, Марго расскажет историю, Майкл поправит факт.

Завтра — новый день.

Но сегодня — только моё.

Глава 7 Прайм

Пять утра. Туман. Конюшня.

Я стояла у ограды манежа, кутаясь в Маргошин шарф — тёмно-синий, с серебряными нитями, пахнувший лавандой и утренним холодом, — и смотрела, как рассвет медленно, неохотно разъедает темноту. Небо было цвета старого серебра — не серое, не голубое, а что-то между, что-то, чему нет названия в человеческом языке. Трава на пастбище блестела от росы. Где-то в стойлах фыркала лошадь — сонно, недовольно, как человек, которого разбудили слишком рано.

Я пришла вовремя. Даже раньше — на десять минут. Потому что Лив Рейн не опаздывает. Особенно когда обещала.

Голубой камень в кармане пульсировал тихо, мерно, в такт сердцу. Я привыкла к этому ритму за ночь — он стал частью меня, как второе дыхание, как тень, которая идёт рядом и не отстаёт.

Шаги. За спиной. Я узнала их прежде, чем обернулась — ровные, уверенные, чуть тяжелее, чем у большинства людей, потому что Аларик Вейнар ходил так, будто земля под ним была его собственностью.

— Ты рано, — сказал он.

Я обернулась.

Он стоял в трёх шагах. Тёмные волосы — влажные от тумана, не от пота, он ещё не начинал, — падали на лоб. Простая рубашка с закатанными рукавами, кожаные штаны, сапоги. Лицо — утреннее, без маски, без брони. То лицо, которое он показывал только лошадям и — теперь — мне.

— Ты тоже, — ответила я.

Тень улыбки. Та самая — не целая, не полная, но живая.

— Пойдём, — сказал он. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Мы прошли мимо основного корпуса конюшни — мимо стойл с обычными лошадьми, мимо сонного Брана, который сидел на крыльце с кружкой и кивнул нам, не произнеся ни слова, — и свернули к дальнему крылу. Я бывала здесь только раз, мельком, в первый день: закрытая секция, отдельные стойла, усиленные двери с рунической защитой.

— Здесь стоят мракоходцы, — сказал Аларик, не оборачиваясь. — Грейв. И ещё один.

— Ещё один?

Он не ответил. Просто остановился у последнего стойла — дальнего, у самой стены, — и отодвинул засов.

Дверь открылась.

И я увидела.

Конь стоял в центре стойла, повернувшись к нам боком, и первое, что я почувствовала, было не восхищение — узнавание. Как чувствуешь человека, которого знал в прошлой жизни: не помнишь имени, но тело уже знает.

Он был — великолепен. Другого слова не существовало.

Масть — тёмно-серая, почти стальная, с серебристым отливом, который проступал на свету, как иней на стекле. Не чёрный, как Грейв, — светлее, холоднее, как лунный свет, отлитый в форму лошади. Грива — длинная, густая, цвета чистого серебра, падающая на шею тяжёлой волной. Хвост — до земли, с тем же металлическим блеском. Ноги — длинные, сухие, с чёткими сухожилиями, созданные для скорости и силы. Шерсть лоснилась так, что в ней отражался свет из окна — рассеянный, утренний, превращающий коня в призрака.

Мракоходец. Чистокровный. Такой же, как Грейв — та же порода, та же кровь, та же невозможная стоимость.

Но если Грейв был ночью — чёрной, абсолютной, безлунной, — то этот конь был расцветом. Холодным, серебряным, тем самым мгновением, когда темнота уже отступила, а свет ещё не пришёл.

Он повернул голову.

Глаза. Светлые — почти прозрачные, как талая вода, с вертикальным зрачком, который сужался и расширялся, как у кошки. Умные. Оценивающие. Он смотрел на меня — не с любопытством, не со страхом, а с тем спокойным достоинством, которое бывает у существ, знающих себе цену.

— Прайм, — сказал Аларик. Негромко. С той интонацией, с которой представляют не животное, а равного. — Мракоходец. Трёхлетка. Младший брат Грейва — от той же матери, другой отец.

— Младший брат, — повторила я. Голос был странный — тихий, хриплый, как будто что-то сжало горло.

— Он был здесь с прошлого года. Ждал наездника. — Аларик помолчал. — Мракоходцы сами выбирают. Их нельзя заставить. Грейв выбрал меня на первом курсе — подошёл, ткнулся носом в плечо и больше никого к себе не подпускал. Прайм пока не выбрал никого.

Я стояла в дверях стойла и смотрела на коня, и конь смотрел на меня, и между нами — в воздухе, в пыли, в утреннем свете — что-то дрожало. Не магия — не та, которую я знала, не гул, не свечение. Что-то другое. Проще. Древнее.

Контакт.

Я сделала шаг внутрь. Аларик — за спиной — чуть напрягся, я почувствовала это, не оборачиваясь.

— Осторожно, — сказал он. — Мракоходцы непредсказуемы —

Прайм шагнул ко мне. Сам. Один шаг — плавный, мягкий, как падающий снег. Опустил голову. Его ноздри — широкие, бархатные — коснулись моей ладони.

Тёплое дыхание. Влажное. Пахнущее сеном и чем-то ещё — чем-то сладковатым, незнакомым, правильным.

Я не двигалась. Не дышала. Просто стояла, с раскрытой ладонью, и позволяла ему решить.

Прайм фыркнул. Качнул головой. И — мягко, осторожно, как будто боясь сломать — прижался лбом к моему плечу.

Тяжесть. Тепло. Доверие.

Я подняла вторую руку и положила на его шею. Серебряная грива скользнула между пальцами — шёлковая, тяжёлая, живая. Под ладонью — мышцы, мощные, как канаты, и сердцебиение — ровное, глубокое, похожее на далёкий барабан.

— Привет, — прошептала я. — Привет, Прайм.

Конь вздохнул. Глубоко, всем телом, от ноздрей до хвоста. И не отстранился.

За спиной — тишина. Я обернулась.

Аларик стоял в дверях стойла. И на его лице — на этом лице, которое пять лет не показывало ничего, — было выражение, которое я не могла прочесть. Не удивление — он ожидал этого, я видела. Не радость — слишком глубоко для радости. Что-то больше.

— Он выбрал, — сказал Аларик. Тихо. Как констатацию. Как приговор. Как молитву.

Я посмотрела на Прайма. На его светлые глаза, полуприкрытые, спокойные. На серебряную гриву под моими пальцами. На тёплый лоб, прижатый к моему плечу.

— Он выбрал, — повторила я.

И почувствовала, как гул внутри — мой, тёмный, спящий — шевельнулся и запел. Не громко. Не ярко. Тихо, как ручей под снегом. Как колыбельная, которую помнишь, но не можешь вспомнить, кто её пел.

Прайм поднял голову. Его уши — вперёд, наострѐнные — повернулись, как антенны. Он слышал. Слышал мой гул.

Я задохнулась.

— Мракоходцы чувствуют магию, — сказал Аларик, словно прочитав мои мысли. — Не как люди — глубже. Они реагируют на суть. На то, что ты есть. Не на то, что ты делаешь.

— И что я есть?

Он посмотрел на меня. Долго. Темными глазами, в которых утренний свет тонул, как камень в колодце.

— Это мы и выясним, — ответил он.

Первый урок на Прайме был не уроком. Не в том смысле, в каком были уроки с Ферроном — чѐткие, жѐсткие, структурированные. И не в том, в каком были тренировки на Искре — разминка, круги, команды.

Аларик вывел Грейва. Я — Прайма. Два мракоходца рядом — чѐрный и серебряный, ночь и рассвет — смотрелись как ожившая легенда. Грейв покосился на младшего брата, фыркнул снисходительно и отвернулся. Прайм не обратил внимания — он смотрел на меня. Только на меня.

— Сегодня, — сказал Аларик, садясь в седло одним плавным движением, от которого у меня перехватило дыхание (не от движения — от лёгкости, с которой он это делал, от того, как его тело становилось частью коня, от того, как Грейв под ним оживал), — мы просто поедем. Без упражнений. Без команд. Просто — ты и он. Сначала привыкнете друг к другу.

— Куда?

— В лес.

Лес за конюшней был — другим. Не тем, что я видела из окна Академии: мрачным, узловатым, с деревьями-скрюченными-пальцами. Этот лес был живым. По-настоящему живым — не метафорически, а буквально. Деревья — старые, огромные, с корнями, выпирающими из земли, как спины спящих драконов, — стояли так плотно, что кроны смыкались над головой, образуя зелёный свод. Свет просачивался сквозь листву пятнами — золотыми, подвижными, танцующими на земле и на шерсти лошадей.

Тропа вилась между стволами — узкая, но ровная, утоптанная копытами. Мы ехали шагом — медленно, бок о бок, — и лес принимал нас. Я чувствовала это: птицы не замолкали при нашем приближении, мелкие зверьки не разбежались, даже ветер — тёплый, травяной — не менял направления.

Прайм шѐл ровно. Спокойно. Его шаг — длинный, пружинистый — был другим, чем у Искры. Мощнее. Увереннее. Как будто каждое касание копыта к земле было утверждением: я здесь, я иду, земля — моя.

Я не управляла. Не направляла. Просто — ехала. И чувствовала, как что-то между мной и конѐм выстраивается — не сразу, не целиком, а по нитке, по волокну, как ткут полотно. Его ритм становился моим. Моѐ дыхание — его.

Аларик ехал рядом — молча, не мешая. Грейв и Прайм иногда касались боками — мимо-лѐтно, как братья, которые давно не виделись, но помнят друг друга.

— Он хорошо тебя несѐт, — сказал Аларик через какое-то время. Не комплимент — наблюдение. — Обычно мракоходцы первые дни сопротивляются новому наезднику. Проверяют. Испытывают.

— Может, я прошла проверку, — ответила я.

— Может, — он посмотрел на меня. — Или может, ему не нужно тебя проверять. Он знает.

Я не спросила — что знает. Потому что чувствовала то же самое.

Тропа вывела нас к поляне — маленькой, круглой, залитой утренним светом. Трава здесь была высокой — по брюхо лошадям — и в ней, среди обычных цветов, я увидела их. Голубые прожилки. Серебристые стебли. Спиральные листья.

Лунники. Не один — десятки. Целая поляна.

Я остановила Прайма. Он замер — послушно, мгновенно, как будто прочитал мою мысль прежде, чем я натянула поводья.

— Аларик, — прошептала я. — Ты видишь?

Он смотрел на поляну. Потом — на меня. Потом — снова на поляну.

— Да, — сказал он. И в его голосе было удивление — настоящее, непритворное. — Но не так, как ты. Для меня они тусклые. Как отражение в мутной воде. А ты видишь их яркими?

— Они горят, — выдохнула я. — Каждый. Как маленькая звезда.

Он молчал. Долго. Потом сказал — тихо, почти про себя:

— Данара права. У тебя чувствительность к природной магии, которой я не встречал. Никогда.

Мы стояли на поляне — два мракоходца, два наездника, — и лунники светились вокруг нас голубым, и утренний туман рассеивался, и где-то далеко, за деревьями, поднималось солнце.

— Нам пора, — сказал Аларик. — Занятия через час.

Мы развернули коней и поехали обратно. Бок о бок. Молча. И молчание это было — не пустым, не тяжёлым. Полным. Как чашка, налитая до краёв.

Мы вернулись к конюшне, когда солнце уже поднялось над крышами Академии. Расседлали лошадей — вместе, молча, каждый у своего стойла. Прайм ткнулся носом мне в карман — туда, где лежал голубой камень.

— Чувствует, — сказал Аларик, заметив. — Слезный камень резонирует с магией наездника. Прайм считает, что ты — его.

— Я его?

— Его наездник. Мракоходцы не различают «мой человек» и «мой наездник». Для них это одно и то же.

Я погладила Прайма по шее. Серебряная шерсть была тёплой, шелковистой. Он прикрыл глаза и выдохнул — медленно, глубоко, как засыпающий ребёнок.

— До завтра, — прошептала я ему. — Я приду. Обещаю.

Мы шли обратно к Академии вместе. По тропинке через сад, мимо каменной стены, поросшей плющом, мимо старых деревьев с узловатыми ветвями. Утренний свет ложился на камни, на траву, на наши лица — и Лавиретти, обычно мрачная и давящая, сегодня выглядела почти приветливой.

Аларик шёл рядом — на расстоянии вытянутой руки, не ближе, не дальше. Его шаг — ровный, уверенный — совпадал с моим, и я не знала, подстраивается ли он под меня или я под него.

У входа в Академию он остановился.

— Увидимся вечером, — сказал он.

Я кивнула. Он развернулся и ушёл — к своему крылу, к своей жизни, к своей маске, которую надевал, как доспех, каждый раз, когда переступал порог.

Я смотрела ему вслед. На прямую спину. На тёмные волосы, чуть влажные от тумана. На то, как он шёл — уверенно, спокойно, как человек, который наконец-то перестал ждать.

День был — хорошим.

Не просто хорошим — правильным. Как бывает, когда все кусочки мозаики начинают находить свои места, и картинка, которая казалась невозможной, вдруг проступает сквозь хаос.

Теория магии с Хейз — утренняя пара. Она рассказывала о структуре магических контуров третьего порядка, и я — впервые, впервые за всё время — понимала. Не всё — нет,

до «всего» было ещё далеко. Но слова, которые раньше были для меня бессмысленным набором звуков — «резонансная петля», «обратный канал», «точка сборки», — сегодня обретали форму. Как фигуры, которые проступают в облаках, когда ты наконец учишься смотреть правильно.

Хейз задала вопрос. Сложный, многоуровневый, из тех, на которые я обычно не могла ответить.

— Рейн. Что происходит с магическим контуром, если точка сборки смещается за пределы ядра?

Тишина. Тридцать пар глаз. Я — за своим столом, с пером в руке, с тетрадью, исписанной формулами.

— Контур теряет устойчивость, — сказала я. Медленно, проверяя каждое слово. — Энергия начинает рассеиваться. Если смещение незначительное — контур можно восстановить, перенастроив каналы. Если значительное — происходит — я замолчала. Вспомнила школьную столовую. Трещины на полу. Летящие стулья. Крики. — Происходит неконтролируемый выброс.

Хейз смотрела на меня. Серые глаза с кремнёвыми искрами. Лицо — неподвижное, каменное.

— Верно, — сказала она.

Одно слово. Но от него — от того, как она его произнесла, с той весомостью, которую нельзя подделать, — у меня потеплело в груди.

После занятия она задержала меня — как обычно, но сегодня — не для дополнительных вопросов.

— Рейн, — сказала она, стоя у кафедры, — ваш прогресс за последнюю неделю заметен. Продолжайте.

Она вышла. Я стояла в пустом зале и улыбалась.

Алхимия с Данарой — без происшествий. Почти. Мелкий взрыв, но контролируемый — Данара одобрительно кивнула и сказала, что «взрывы правильного размера — признак мастерства». Мэтт, сидевший рядом, спросил, какого размера взрыв считается неправильным, и Данара ответила: «Тот, после которого нужно отстраивать лабораторию. Снова.»

Но настоящий прорыв случился на Ферроне.

Тренировочный зал. Каменные стены. Руны. Мы — друг напротив друга. Я — мокрая от пота, с дрожащими руками, с гулом внутри, который уже не спал, а ждал, настороженный, как зверь перед прыжком.

— Русло, — сказал Феррон. — Выстрой. Узкое. Направь в точку.

Точка — каменный блок на полу, размером с кулак. Мишень.

Я закрыла глаза. Подняла руки. Позволила гулу подняться — осторожно, по чуть-чуть, как открывают кран.

Свечение появилось на ладонях. Молочно-голубое. Пульсирующее.

Русло. Река. Берега. Форма.

Нет — не так. Не как Феррон учит. Как Аларик показывал. Не строить — вести. Не держать — направлять. Как лошадь. Не сжимай поводья. Чувствуй.

Я почувствовала.

Сила потекла. Не хлынула — потекла. По каналам, которые я выстроила за дни тренировок — уже не кривым, не косым, а — живым. Гибким. Как русло реки, которая сама находит путь.

Голубой свет собрался в ладонях, уплотнился, стал ярче — и я выпустила его. Не выстрелила — отпустила. Как отпускаешь птицу.

Луч — тонкий, ровный, чистый — прошёл через зал и ударил в каменный блок.

Блок треснул. Пополам. Ровно, аккуратно, как разрезанный ножом.

Тишина.

Я открыла глаза.

Феррон стоял напротив. Его лицо — гранитное, лимонное, вечно недовольное — было другим. Не улыбка — нет, Феррон не улыбался. Но что-то в его глазах — в тех узких, жёстких, видевших тысячу магов и не впечатлённых ни одним — изменилось.

— Чисто, — сказал он.

Одно слово. Как «верно» от Хейз. Как «безупречно» от Данары. Слова-награды, которые эти люди раздавали реже, чем драконы — золото.

— Ещё раз, — сказал он.

И я улыбнулась.

— С удовольствием.

Я влетела в комнату после последнего занятия — уставшая, взмокшая, с горящими глазами и гудящими от магии руками — и обнаружила, что комната уже занята.

Марго сидела на моей кровати. Ноги скрещены. Вокруг неё — хаос. Ткани — рулоны, отрезки, лоскуты — разложены по кровати, по столу, по полу. Цвета: тёмно-синий, серебристый, бледно-голубой, чёрный, изумрудный. Нитки. Иголки. Ножницы. Мерная лента, обвитая вокруг шеи, как змея. И — швейная шкатулка, из которой торчали катушки, пуговицы и что-то блестящее.

— Наконец-то! — она подскочила. — Я жду час. Может, полтора. Время — понятие относительное, когда у тебя в руках бархат.

— Марго, — я огляделась. — Что происходит?

— Происходит то, что у тебя одно платье, Лив. Одно! И то — серое, унылое, казённое. Ты восемнадцатилетняя девушка в академии, полной людей, и ты ходишь в одном и том же, как монахиня. Это преступление. Против моды, против эстетики и против меня лично, потому что я не могу на это смотреть.

— Я — начала я, но Марго уже схватила мерную ленту и надвигалась на меня с решимостью полководца.

— Стой ровно. Руки в стороны. Не дыши. Шучу, дыши. Но стой ровно.

Она обмеряла меня — талию, плечи, рукава, длину юбки — бормоча себе под нос числа и пометки. Я стояла, раскинув руки, и чувствовала себя пугалом на поле.

— У тебя фигура, — заявила Марго, отступив на шаг и критически осмотрев результат. — Не знаю, почему ты её прячешь. Талия, плечи, ноги. Всё на месте. С этим можно работать.

— Я ничего не прячу. Я просто не думаю—

— Вот именно! Не думаешь! А надо! — Она схватила отрез тёмно-синего бархата и приложила к моему плечу. — Вот. Видишь? С твоими глазами — идеально. Синий подчёркивает голубой. Элементарная хроматика.

— Ты знаешь хроматику?

— Я знаю моду, Лив. Это важнее хроматики, физики и магии вместе взятых. — Она отбросила бархат и схватила серебристый шёлк. — А вот это — для выходов. Для танцев. Для — она подмигнула, — особых случаев.

— Марго, я не могу позволить тебе—

— Ты не позволяешь. Ты принимаешь. Разница. Я хочу это сделать. Потому что ты — моя подруга. И потому что мне физически больно смотреть на тебя в этом сером мешке.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Спасибо, — сказала я наконец. Тихо. Искренне.

Марго улыбнулась — широко, по-настоящему, без дерзости и без позы.

— Не за что. А теперь — стой ровно. Мне нужно снять мерки для рукавов.

Мы провели следующие двадцать минут в блаженном хаосе тканей, булавок и Маргошиных комментариев о моде, стиле и том, почему «серый — это цвет капитуляции, а не одежды».

Я смеялась — легко, свободно, тем смехом, который приходит, когда рядом человек, с которым не нужно притворяться.

Марго показывала эскизы — она рисовала не хуже меня, только другое: платья, юбки, жакеты, с деталями, с тенями, с движением ткани. Два платья — тёмно-синее, повседневное, с серебряной окантовкой, и серебристое, вечернее, длинное, с открытыми плечами.

— Вот это, — она ткнула в серебристое, — ты наденешь, когда захочешь, чтобы весь зал потерял дар речи. Включая некоторых капитанов сборной по выезде.

— Марго!

— Что? Я просто констатирую факты. Как Майкл. Только с лучшим вкусом.

Стук в дверь.

Мы обе замерли. Марго — с булавкой в зубах. Я — с отрезом бархата на плече.

Стук повторился. Три коротких удара. Ровных. Уверенных.

Я посмотрела на Марго. Она — на меня. Вынула булавку изо рта.

— Если это Майкл с очередной энциклопедией, — прошептала она, — я его убью.

Я подошла к двери. Открыла.

Аларик Вейнар стоял на пороге.

Он успел переодеться — из утренней рубашки в форму, безупречную, застёгнутую, как всегда. Волосы — сухие, зачёсанные назад. Лицо — маска. Та самая, привычная, непроницаемая. Но глаза — глаза — были живыми. Теми самыми, которые я видела утром на поляне с лунниками.

— Лив, — сказал он. И его взгляд скользнул за моё плечо — в комнату, заваленную тканями, булавками и Марго, которая стояла посреди всего этого великолепия с выражением человека, увидевшего призрака.

Пауза. Долгая. Неловкая.

— Тирс, — Аларик кивнул Марго. Вежливо. Сдержанно. Как кивают знакомым на улице.

Марго моргнула. Потом ещё раз. Потом — медленно, как в замедленной съёмке — подняла руку и помахала. Булавка, зажатая между пальцами, блеснула.

— Вейнар, — сказала она. И голос у неё был таким, каким говорят люди, когда реальность перестаёт вписываться в их представления о возможном.

Аларик перевёл взгляд на меня.

— Я пришёл, — он помолчал, как будто подбирая слова, и это было так непохоже на него — на человека, который всегда знал, что сказать, — что я чуть не улыбнулась, — помочь с магией. Ты говорила, что отстаёшь по контролю. Тренировочный зал за конюшней свободен до девяти.

Он сказал это ровно. Деловым тоном. Как будто приходит к моей комнате вечером с предложением помощи — самая обычная вещь в мире. Как будто за его спиной не стоял коридор северного крыла, по которому в любую минуту мог пройти кто-нибудь — и увидеть, как Аларик Вейнар стоит у двери новенькой.

Но я видела — видела, потому что научилась смотреть, — как чуть напряжены его плечи. Как правая рука — та, которой он держал поводья Грейва, которой вёл меня в танце, которой протянул мне голубой камень — чуть сжата в кулак вдоль бедра.

Он нервничал.

Аларик Вейнар. Ледяная глыба. Нервничал.

Я посмотрела на Марго. Она стояла за моей спиной, и на её лице боролись три выражения одновременно: шок, восторг и отчаянное желание схватить меня за руку и утащить в угол для немедленного совещания.

Но Марго была — при всей своей дерзости, при всей громкости и яркости — умной. И доброй. И она увидела то, что увидела я: что Аларик стоит на пороге, и для него это — не

визит вежливости. Это — шаг. Один из тех шагов, которые люди как он делают раз в жизни и которые стоят им больше, чем все турниры и тренировки вместе взятые.

Марго улыбнулась. Тепло. По-настоящему.

— Я как раз заканчивала, — сказала она. Легко, непринуждённо, как будто вечер, посвящённый моему гардеробу, не был запланирован на ближайшие три часа. — Мерки сняты, эскизы готовы. Остальное — завтра.

Она начала собирать ткани — быстро, ловко, запихивая всё в свою бездонную сумку.

Я повернулась к Аларику.

— Через час, — сказала я. — Мне нужно собраться. Переодеться. И — я посмотрела на Марго, которая запихивала рулон бархата в сумку, рассчитанную на три книги, — попрощаться с гостьей.

Аларик кивнул. Коротко. Его глаза — те самые, непроницаемые — задержались на мне на секунду дольше, чем нужно.

— Через час, — повторил он. — Тренировочный зал.

Он развернулся и ушёл. Шаги — ровные, уверенные — удалились по коридору и стихли. Я закрыла дверь.

Повернулась к Марго.

Она стояла посреди комнаты, прижимая к груди рулон серебристого шёлка, и смотрела на меня глазами размером с чайные блюдца.

Тишина. Три секунды. Пять.

— Лив, — прошептала она. — Аларик. Вейнар. Только что. Стоял. У твоей. Двери.

— Да.

— У твоей. Двери. В северном крыле. Где живут первокурсники. Аларик. Вейнар.

— Да, Марго.

— Он пришёл к тебе. Вечером. С предложением помочь. С приглашением в тренировочный зал. Один на один. Аларик—

— Вейнар. Да. Я в курсе. Я стояла рядом.

Марго медленно опустилась на кровать. Рулон шёлка упал на пол. Она не заметила.

— Лив, — сказала она, и голос у неё стал другим — тихим, серьёзным, без обычной дерзости. — Ты понимаешь, что происходит?

Я села рядом с ней. Подобрала рулон шёлка. Положила между нами.

— Нет, — честно ответила я. — Не до конца. Но я разбираюсь.

— Разбираешься, — Марго покачала головой. — Ты разбираешься. Самый закрытый, самый недоступный, самый невозможный человек в Академии ломает все свои правила ради тебя, а ты — разбираешься.

— А что мне делать? Паниковать? Бежать?

— Нет, — Марго посмотрела на меня. И в её карих глазах — обычно дерзких, весёлых, полных огня — была нежность. Настоящая. Без примеси. — Нет. Не паниковать. Не бежать. Просто — она положила руку мне на колено. — Просто будь собой. Ты — лучшее, что случилось с этой Академией за пять лет. И я не шучу.

Я сглотнула. Горло сжалось.

— Марго

— Нет-нет-нет, — она замахала руками. — Никаких «Марго» с этим голосом! Никаких слёз! Я не для того полтора часа снимала мерки, чтобы ты сейчас разревелась мне в плечо! — Она вскочила, подхватила сумку — из которой торчали нитки, булавки и уголок тёмно-синего бархата — и двинулась к двери. — Иди. Собирайся. Переодевайся. И — Лив?

— Да?

Марго остановилась в дверях. Обернулась. Улыбнулась — широко, ярко, по-маргошину.

— Задай ему жару.

И вышла.

Я стояла в пустой комнате. Одна. С рулоном серебристого шёлка в руках и камнем в кармане, который пульсировал — ровно, спокойно, как второе сердце.

За окном темнело. Лавиретти дышала вокруг — медленно, глубоко, древне. Светящиеся линии на стенах мерцали голубым, как всегда — но сегодня мне казалось, что они мерцают теплее.

Я положила шёлк на кровать. Подошла к столу. Взяла тетрадь — ту самую, исписанную формулами и рисунками. Открыла на последней странице.

Чистый лист. Я взяла карандаш — магический карандаш от Мэтта, с серебряным нако-
нечником — и нарисовала.

Не лунник. Не руну. Не формулу.

Двух лошадей. Бок о бок. Чёрную и серебряную. Ночь и рассвет.

Рисунок вспыхнул — мягко, едва заметно — голубым. Как лунник. Как камень в кармане. Как свечение под моей кожей.

Я закрыла тетрадь. Переделалась — из формы в простую рубашку и штаны, удобные для тренировки. Заплела волосы. Повесила медальон на шею.

Посмотрела на себя в зеркало. Бледное лицо. Голубые глаза — яркие, слишком яркие. Белые волосы.

Та же девочка. И совсем другая.

Я вышла из комнаты.

Через час — тренировочный зал.

Через час — Аларик.

Через час — ещё один шаг.

Я шла по коридору, и Академия дышала вокруг меня, и гул внутри — мой — пульсировал ровно, спокойно, готово.

И где-то впереди — за стенами, за лестницами, за дверью тренировочного зала — ждал другой гул. Тот же ритм. Та же частота.

Я ускорила шаг.

Глава 8 Пятый уровень

Тренировочный зал за конюшней встретил меня тишиной.

Не пустой тишиной — ждущей. Той, которая бывает в комнате, где кто-то уже есть, но ещё не обнаружил себя. Каменные стены, покрытые рунами защиты, слабо мерцали в свете единственного магического светильника, подвешенного под потолком. Пол — голый камень, отполированный тысячами ног. Окно — одно, узкое, стрельчатое — пропускало последний вечерний свет, серебристый, угасающий.

Аларик стоял в центре зала. Ждал. Без нетерпения, без позы — просто стоял, руки спокойные лежали вдоль тела, и смотрел на дверь. На меня.

— Ты рано, — сказал он.

— Ты тоже, — ответила я. И подумала: мы это уже проходили. Сегодня утром. На конюшне. Он говорит «ты рано», я говорю «ты тоже». Как ритуал. Как пароль.

Тень улыбки — той самой, маленькой, хрупкой — мелькнула на его лице и исчезла. Он отошёл к стене, взял два тренировочных кристалла — тусклых, матовых, размером с кулак — и положил на пол в центре зала.

— Сегодня — контроль, — сказал он. — Но не как у Феррона. Глубже. Ты научилась направлять силу — это хорошо. Но направлять — это выпускать. А мне нужно, чтобы ты научилась удерживать.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. — Он встал напротив меня. Два шага между нами. Два кристалла на полу. — Направлять — это вода, текущая по руслу. Удерживать — это плотина. Ты должна уметь и то, и другое. Открывать и закрывать. Выпускать и забирать обратно.

— Пауза. — Потому что если ты научишься только выпускать

— Произойдёт то, что произошло в столовой, — закончила я.

Он кивнул.

— Или хуже.

Хуже. Это слово висело между нами, как тень. Я вспомнила слова Ирэн Вэйс — холодные, неумолимые: «Ваша дочь может погибнуть. И забрать с собой всех, кто окажется рядом.»

— Как? — спросила я. — Как удерживать?

— Подними силу. Как на тренировке с Ферроном. Позволь ей заполнить каналы. А потом — не выпускай. Держи внутри. Чувствуй давление. Привыкай к нему.

Я закрыла глаза. Подняла руки — ладонями вверх. Привычный жест, ставший за эти дни таким же естественным, как дыхание.

Гул внутри шевельнулся. Поднялся — послушно, мягко, как зверь, привыкший к хозяйской руке. Свечение появилось на ладонях — молочно-голубое, пульсирующее. Каналы — те самые, которые я строила день за днём, урок за уроком — наполнились. Я чувствовала силу — тёплую, живую, текучую, — как чувствуешь кровь, бегущую по венам.

— Хорошо, — голос Аларика. Ровный. Спокойный. Якорь в штормовом море. — Теперь — не выпускай. Держи.

Я держала.

Давление нарастало. Медленно, но неуклонно — как вода за плотиной, поднимающаяся дюйм за дюймом. Сила заполняла каналы — все, до краёв — и начинала давить. На стенки. На границы. На меня.

— Держи, — повторил Аларик.

Я держала. Руки дрожали. Свечение усилилось — не тускло-голубое, а яркое, пронзительное, как молния, застывшая в воздухе. Пот тёк по вискам. Зубы сжаты так, что заныла челюсть.

— Ещё, — сказал он.

Давление. Больше. Больше. Как будто внутри меня надували воздушный шар — огромный, раскалённый, — и он рос, и рос, и упирался в рёбра, в позвоночник, в черепную коробку. Гул — уже не тихий, не спящий — выл. Как ветер в ущелье. Как зверь, которого загнали в клетку.

Мир начал плыть. Стены зала — размываться, как акварель под дождём. Руны — вспыхивать, одна за другой, от пола до потолка, багровые, тревожные.

Слишком много. Слишком много. Слишком—

— Аларик, — мой голос. Хриплый. Чужой. — Я не могу—

— Держи.

— Я не могу—

— Держи, Лив.

Но я уже не могла.

Плотина лопнула.

Это было не как в столовой. Не направленный выброс, не ударная волна, разносящая мебель. Это было другое.

Свет — ослепительный, белый, не голубой как было раньше — хлынул из меня во все стороны. Не вспышкой — потоком. Как вода, прорвавшая дамбу. Как лавина, сошедшая с горы. Он заполнил зал — мгновенно, целиком, от пола до потолка — и руны на стенах вспыхнули все разом, багровые, отчаянные, поглощая то, что могли, и не справляясь с остальным.

Каменный пол пошёл трещинами. Светильник под потолком качнулся, мигнул, погас. Кристаллы на полу — оба — взорвались, рассыпавшись в пыль. Стены застонали — не метафорически, буквально— глубоким, утробным звуком, от которого завибрировал воздух.

Я кричала. Или не кричала — не знала. Не слышала ничего, кроме гула — оглушительного, всепоглощающего, который шёл не снаружи, а изнутри, из того места, где жило ядро, и ядро горело, раскалённое, белое, невыносимое.

Остановись. Остановись. **ОСТАНОВИСЬ.**

Но я не могла. Не знала как. Плотина рухнула, и река — нет, океан — хлынул через меня, и я была не человеком — каналом, руслом, сосудом, который разрывало изнутри.

И тогда — сквозь свет, сквозь гул, сквозь белый ослепляющий хаос — руки.

Его руки.

Они легли мне на плечи. Потом — на лицо. Ладони — тёплые, твёрдые, живые — обхватили мои щёки, и сквозь прикосновение я почувствовала его. Его силу — тёмную, густую, как ночное небо, — встречающую мою, белую, ослепительную. Два потока — столкнувшихся, сцепившихся, как две реки, впадающие друг в друга.

Я открыла глаза — или они были открыты, я не знаю— и увидела его лицо. Близко. Так близко, что я видела каждую ресницу, каждую тень на скуле, каждую искру в тёмных глазах — живых, горящих, перепуганных.

И он поцеловал меня.

Не нежно. Не романтично. Не так, как целуют в книгах — медленно, красиво, под звуки скрипки и лунный свет.

Он поцеловал меня отчаянно. Как человек, который тонет и хватается за единственное, что может спасти. Его губы — тёплые, сухие, чуть потрескавшиеся — прижались к моим, и в ту секунду, в ту долю секунды, мир остановился.

Свет — белый, ослепительный, разрушительный — замер. Как волна, застывшая на гребне. Как молния, пойманная в янтарь. Гул — оглушительный, невыносимый — стих. Не погас — стих. Как стихает буря, когда ветер вдруг решает, что достаточно.

И вместо хаоса — тишина.

Не пустая. Полная. Тишина, в которой было всё — его дыхание на моих губах, его руки на моём лице, его сердце — я слышала его, или чувствовала, или была им — стучащее быстро, неровно, испуганно.

И гул — мой и его — сомкнулся.

Не столкнулся. Не сцепился. Сомкнулся — как две половины одного замка, как два берега одной реки, как вдох и выдох одного дыхания. Мой — голубой, светлый, ослепительный. Его — тёмный, густой, глубокий. Вместе — целый. Вместе — один.

И сила — моя, его, наша — потекла. Не наружу, не внутрь — между. Через его губы, через мои. Через ладони на моём лице. Через каждую точку, где его тело касалось моего. Как кровь по венам. Как вода по руслу. Естественно.

Белый свет угас. Медленно, как закат. Руны на стенах перестали пылать — мигнули, потускнели, вернулись к обычному слабому мерцанию. Трещины на полу — остались, но перестали расти. Воздух — раскалённый, звенящий — начал остывать.

Мы стояли в центре зала. Его руки — на моём лице. Мои — на его груди, вцепившиеся в ткань рубашки. Его лоб — прижатый к моему. Наше дыхание — одно, общее, рваное.

Поцелуй длился — секунду? Вечность? Я не знала. Время перестало иметь значение где-то между до и после.

Аларик отстранился. Не сразу — медленно, неохотно, как человек, который отпускает то, за что держался всю жизнь. Его руки соскользнули с моего лица — по шее, по плечам — и упали вдоль тела. Его глаза — тёмные, бездонные — были широко открыты.

Мы смотрели друг на друга. В тишине. В полумраке. В зале, который мы чуть не разрушили.

— Я — начал он. Голос — хриплый, надломленный, совсем не похожий на голос Аларика Вейнара. — Лив, я не

— Знаю, — прошептала я.

Потому что знала. Он не планировал. Не думал. Не выбирал. Он среагировал — телом, инстинктом, тем, что глубже разума и древнее слов. Как реагирует наездник, когда конь несёт, — не думая, действуя, бросая всё на одну карту.

Его поцелуй остановил выброс.

Не руны. Не защитные кристаллы. Не заклинание.

Он.

— Как? — спросила я. — Как ты это сделал?

— Не знаю, — ответил он. Честно. С той честностью, которая бывает только у людей, слишком потрясённых, чтобы лгать. — Я увидел, что ты теряешь контроль. Почувствовал — здесь, — он прижал кулак к груди, — что-то рвётся. Не у тебя. У меня. Как будто — он замолчал, подбирая слова, и я видела, как он мучается, потому что Аларик Вейнар всегда знал, что сказать, а сейчас — не знал. — Как будто твоя боль была моей. И единственное, о чём я мог думать, — как остановить.

— И ты решил, что поцелуй — лучший способ?

Я не знала, зачем спросила это. Может, потому что мне нужно было сказать что-нибудь — что угодно, — чтобы не утонуть в том, что я чувствовала. Потому что я стояла в полуразрушенном зале, с горящими губами и сердцем, которое стучало так громко, что заглушало мысли, и мне нужен был якорь. Хоть какой-нибудь.

Аларик открыл рот. Закрыл. На его скулах проступил румянец — едва заметный, тёмный на смуглой коже, но я видела.

— Я не решал, — сказал он. — Я—.

— Действовали на инстинктивном уровне, — произнёс голос у двери.

Мы обернулись. Оба. Одновременно.

Профессор Феррон стоял в дверном проёме.

Сколько он там стоял — секунду, минуту, всё время? Я не знала. Его лицо — гранитное, вечно недовольное — было другим. Не шокированным — нет, Феррон был из тех людей, которых невозможно шокировать. Но — внимательным. С той пристальной, острой внимательностью, которую я видела у него только на занятиях, когда он наблюдал за особенно интересным магическим явлением.

Мы были — для него — магическим явлением.

— Профессор, — сказал Аларик. Голос — мгновенно собранный, ровный, контролируемый. Маска — обратно. За долю секунды. Как щит, поднятый перед ударом. — Я могу объяснить—

— Не нужно, — Феррон вошёл в зал. Его взгляд — узкий, жёсткий — скользнул по трещинам на полу, по потухшим рунам, по пыли от разрушенных кристаллов. Потом — по мне. По Аларику. По пространству между нами. — Я почувствовал выброс с другого конца Академии. Пятый уровень, если не ошибаюсь.

— Пятый? — я вздрогнула. Четвёртый — тот, что разнёс столовую — был, по словам ректора, редкостью. Пятый—

— Пятый, — подтвердил Феррон. Без эмоций. Как читают показания прибора. — И прекращён без внешнего вмешательства. Без защитных артефактов. Без заклинаний. Прекращён — он посмотрел на Аларика, — контактным магическим резонансом.

— Контактным — начала я.

— Прикосновением, — перевёл Феррон сухо. — Или, если быть точным, соединением энергетических контуров через физический контакт. То, что вы сделали, Вейнар, — он повернулся к Аларику, — это не заклинание. Не техника. Это инстинкт. Магическая реакция, которая происходит только в одном случае.

Он замолчал. Посмотрел на нас обоих — долго, внимательно, с тем выражением, которое я видела у него однажды, на первом занятии, когда он впервые протестировал мою силу.

Не страх. Не удивление. Что-то глубже.

— Связь ядер, — сказал он наконец. — Ваши магические ядра связаны. Не сейчас — не с момента встречи, не с момента — он сделал паузу, и я поклялась, что уголок его рта дёрнулся, — Давно. Очень давно. Если я правильно интерпретирую резонансную частоту — а я правильно интерпретирую, это моя специализация, — связь вашего типа формируется не в пределах одной жизни.

Тишина. Тяжёлая. Плотная. Как вода на глубине.

— Что это значит? — спросила я. И голос мой звучал странно — тонко, тихо, как будто я боялась, что громкий звук разрушит что-то.

Феррон скрестил руки на груди.

— Это значит, Рейн, что ваши ядра — ваше и Вейнара — связаны не одно столетие. Может, больше. Связь передаётся через суть — не через кровь, не через память, а через то, что глубже. То, что некоторые называют душой, хотя я предпочитаю термин «магическая сигнатура корневого уровня».

— Столетия, — повторил Аларик. Его голос был ровным — слишком ровным, с тем стальным контролем, который означал, что внутри — буря. — Вы хотите сказать, что мы—

— Я хочу сказать, — Феррон перебил его, и это было так неожиданно, что Аларик замолчал, — что ваши ядра узнали друг друга. То, что вы чувствуете — тяга, резонанс, необъяснимая потребность быть рядом — это не эмоция. Не влечение. Не юношеская влюблённость. — Он произнёс последнее слово с таким отвращением, что в другой ситуации я бы рассмеялась. — Это магия. Фундаментальная. Древняя. Ваши ядра стремятся друг к другу, потому что вместе они — целое. А порознь — половины.

Я стояла в полуразрушенном зале, с потрескавшимся полом под ногами и потухшими рунами вокруг, и слушала, как профессор с лицом, высеченным из гранита, говорил мне, что мы с Алариком Вейнаром — половины целого. Не метафорически. Не поэтически. Магически Видения. Поле. Дети. Голос, говоривший не отпускаяй. Сны Аларика — шесть лет, каждую ночь. Мой гул — и его, совпадающие, как два голоса в хоре.

Не одно столетие.

— Вы выглядите испуганной, Рейн, — сказал Феррон. Голос — чуть мягче, чем обычно. Едва заметно. — Не нужно бояться. То, что между вами, — не проклятие и не болезнь. Это — он замолчал, и на его лице — гранитном, лимонном, вечно недовольном — мелькнуло что-то, похожее на неловкость. Как будто следующее слово давалось ему физически трудно. — Это дар. Редкий. Древний. И, если правильно с ним обращаться, — мощный. Связанные ядра усиливают друг друга. То, что Вейнар сделал — остановил выброс пятого уровня прикосновением — невозможно для обычного мага. Для любого мага. Но для связанного — естественно.

Он помолчал. Посмотрел на нас — на двоих, стоящих в двух шагах друг от друга, не касающихся, но связанных — видимой, осязаемой, живой нитью, которую я чувствовала так же ясно, как чувствовала свои руки.

— Вам нужно узнать больше, — сказал он. — В библиотеке Академии есть секция по магическим связям — третий этаж, за отделом артефактов. Большая часть материала — теоретическая, устаревшая, но базовое понимание даст. — Пауза. — И, Рейн?

— Да?

— Больше никаких тренировок в одиночку. Пятый уровень — это не шутка. Если бы Вейнара здесь не было — он не договорил. Не нужно было.

Он вышел. Шаги — ровные, сухие — удалились по коридору и стихли.

Мы остались одни.

Тишина длилась долго. Или мне так казалось — время после поцелуя и после слов Феррона стало странным, тягучим, как мёд, стекающий с ложки.

Аларик стоял в двух шагах от меня. Его руки — те самые, которые минуту назад держали моё лицо — были опущены вдоль тела, пальцы чуть сжаты. Его лицо — маска. Снова. Но трещина — та, что появилась в том сарае, расширялась день за днём — была уже не трещиной. Она была окном.

— Столетия, — сказала я. Потому что кто-то должен был заговорить первым, и я устала ждать.

— Столетия, — повторил он.

— Наши ядра связаны.

— Да.

— Не одну жизнь.

— Да.

— И поэтому ты видел сны обо мне шесть лет.

— Да.

— И поэтому я слышу голос, который зовёт меня по имени.

Он посмотрел на меня. Резко. Тёмные глаза — живые, горящие.

— Какой голос?

— Тихий. Далёкий. Каждую ночь. Просто Лив. Одно слово. — Я помолчала. — Я думала, что это Академия. Или моё воображение. Но теперь

— Теперь ты думаешь, что это я, — закончил он. Не вопрос. Утверждение. И в его голосе — под сталью, под контролем, под маской — была дрожь.

— А это ты?

Долгая пауза. Он отвёл взгляд. Посмотрел на трещины в полу. На потухшие руны. На пыль от кристаллов.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но когда я засыпаю, я думаю о тебе. Каждую ночь. Не намеренно — просто думаю. Твоё лицо — последнее, что я вижу перед сном. Может — он замолчал. Сглотнул. — Может, ядро делает это само. Зовёт тебя. Через сон. Через расстояние.

Я стояла и слушала, как Аларик Вейнар — ледяная глыба, человек-скала — говорил мне, что думает обо мне каждую ночь. И голос его — обычно низкий, ровный, уверенный — был тихим. Хрупким. Как стекло, которое держишь в руках и боишься сжать слишком сильно.

— Нам нужно узнать больше, — сказала я. — Феррон прав. Библиотека. Секция магических связей. Мы должны понять, что это — откуда, почему, как работает.

— Вместе? — спросил он.

Я посмотрела на него. На тёмные глаза, в которых — на самом дне, за маской, за бронёй — горела надежда. Маленькая. Упрямая. Как лунник у ручья — невозможный, но живой.

— Вместе, — ответила я.

Мы провели в библиотеке два часа.

Третий этаж, за отделом артефактов — Феррон не ошибся. Секция магических связей оказалась маленькой — один шкаф, полтора десятка книг, — и пыльной. Такой пыльной, что первая книга, которую я сняла с полки, чихнула на меня облаком серых частиц.

— Чихнула? — Аларик поднял бровь.

— Магическая пыль, — я обтёрла обложку рукавом. — Или книга просто обижена, что её не читали двадцать лет.

Мы сели за стол — один на двоих, маленький, в углу секции, — и начали читать.

«Магическая связь ядер: теория и документированные случаи. Издание четвёртое, дополненное.» Автор — некий Тобиас Грей, профессор теоретической магии, год издания — сто сорок лет назад.

«Связь магических ядер — явление, документированное на протяжении всей истории магической цивилизации. Характеризуется устойчивым резонансом между двумя (реже — более) ядрами, проявляющимся в синхронизации магических частот, усилении совместной магической активности и формировании устойчивого энергетического канала между носителями.»

— Перевод, — пробормотала я. — Наши ядра настроены на одну волну.

Аларик перевернул страницу.

«Природа связи остаётся предметом дискуссий. Классическая теория (школа Мерритт, III век) утверждает, что связь формируется однократно и передаётся через последовательные воплощения магической сигнатуры — иными словами, связанные ядра находят друг друга в каждом поколении, независимо от обстоятельств рождения, воспитания или географии.»

— Находят друг друга, — повторил Аларик. Тихо. Как молитву.

«Связанные ядра демонстрируют ряд характерных признаков: 1) спонтанная синхронизация магических частот при физическом контакте; 2) общие или перекрёстные видения, содержащие фрагменты предыдущих воплощений; 3) способность одного носителя стабилизировать магический выброс другого; 4) усиление магического потенциала при совместной работе; 5) необъяснимая эмоциональная тяга, не обусловленная внешними факторами.»

Я читала список — пункт за пунктом — и каждый был как удар. Синхронизация — тук-тук, тук-тук, одно сердце. Видения — поле, дети, голос. Стабилизация — поцелуй, остановивший пятый уровень. Усиление — ещё не проверено, но я уже знала. Тяга — каждую ночь, каждый день, каждую секунду.

— Пять из пяти, — сказал Аларик. И в его голосе было что-то новое — не страх, не удивление. Облегчение. Как у человека, который годами считал себя сумасшедшим и наконец узнал, что здоров.

Мы читали дальше. Документированные случаи — немного, семь за четыреста лет. Каждый — описанный скупой, академически, без эмоций. Двое магов, нашедших друг друга в юно-

сти. Двое — в зрелости. Одна пара — разделённая войной, нашедшая друг друга через двадцать лет и два континента. Ядра вели их — через сны, через предчувствия, через ту самую «необъяснимую тягу», которую невозможно спутать ни с чем.

«Связь ядер не может быть создана искусственно, разорвана внешним воздействием или подавлена магическими средствами. Она является фундаментальным свойством магической природы носителей и, по мнению автора, представляет собой одну из древнейших форм магического взаимодействия, предшествующую формальным школам и традициям.»

Я закрыла книгу. Аларик — свою.

Мы сидели за столом, плечо к плечу, в пыльной секции библиотеки, и молчали. За окном — ночь. Звёзды. Тишина.

— Столетия, — сказала я.

— Столетия, — подтвердил он.

— Мы находили друг друга. Раз за разом. Снова и снова.

— Да.

— И в этот раз ты ждал шесть лет. А я — не знала. Не помнила. Не чувствовала. Пока не приехала сюда.

— Пока я не взял тебя за руку в сарае, — сказал он.

Тишина. Длинная. Мягкая. Полная.

— Мне не страшно, — сказала я. И удивилась тому, что это было правдой. — А должно быть страшно — Феррон сказал, пятый уровень, я чуть не разнесла зал, — но мне не страшно. Потому что ты остановил это. Ты был рядом. И — я помолчала, — и я знаю, что ты будешь рядом. Не потому что обещал. Потому что ядро. Потому что столетия. Потому что мы.

Аларик повернулся ко мне. Его лицо — близко, в полумраке библиотеки, — было открытым. Без маски. Без брони. Просто — он. Двадцатилетний парень, который шесть лет видел во сне девочку с белыми волосами и наконец нашёл её.

— Мы, — повторил он. И это слово — маленькое, из двух букв, — звучало в его устах как клятва.

Он проводил меня до комнаты.

Мы шли по коридорам Академии — ночным, пустым, освещённым только мерцанием рун на стенах, — и молчали. Но молчание было другим — не тем неловким, напряжённым, которое бывает между людьми, не знающими, что сказать. Оно было тёплым. Полным. Как молчание двух людей, которым не нужны слова, потому что всё уже сказано.

Его рука — правая — шла рядом с моей. В сантиметре. Не касаясь. Но я чувствовала её — тепло, силу, присутствие. Как чувствуешь солнце сквозь закрытые веки.

У двери моей комнаты он остановился.

Я повернулась к нему. Он — ко мне.

Свет рун падал на его лицо — мягкий, голубой, — и в этом свете он был другим. Моложе. Тише. С теми ямочками на щеках, которые появлялись, когда он улыбался, и которых никто, кроме меня, не видел.

— Спокойной ночи, Лив, — сказал он. Тихо. Как говорят только одному человеку.

Он наклонился.

И поцеловал меня в щёку.

Не в губы — нет. В щёку. Нежно. Медленно. Так, как не целовал никого — я знала это, чувствовала это каждой клеткой. Его губы — тёплые, мягкие — коснулись моей кожи и задержались на секунду. На одну секунду. На целую вечность.

Потом он отстранился. Посмотрел на меня. Тёмные глаза — светящиеся, живые, полные чего-то, чему я наконец-то могла дать имя.

Не влюблённость.

Единение.

Он развернулся и ушёл. Шаги — ровные, тихие — удалились по коридору. Я стояла у двери, прижав ладонь к щеке — к тому месту, где его губы оставили тепло, — и смотрела ему вслед, пока он не исчез за поворотом.

Потом — выдохнула.

И вошла в комнату.

— НАКОНЕЦ-ТО!

Марго.

Она сидела на моей кровати — снова, опять, как будто моя кровать была её законной собственностью, — и вокруг неё, вместо рулонов ткани, лежали готовые платья.

Два. Именно те, что она обещала. Тёмно-синее — повседневное, с серебряной окантовкой по вороту и манжетам, приталенное, с юбкой чуть ниже колена. И серебристое — то самое, вечернее, из шёлка, который я видела днём, — длинное, с открытыми плечами, с тонким поясом, мерцающее в свете магического светильника, как лунная дорожка на воде.

Марго вскочила.

— Готово! — она раскинула руки, как фокусник после трюка. — Оба! За один вечер! Не спрашивай как — магия, талант и три чашки кофе из запасов Эгнис. Мерь!

— Марго, я—

— Мерь, Лив! Потом разговоры!

Но я не мерила. Я стояла у двери — с рукой на щеке, с горящими губами, с сердцем, которое стучало так громко, что заполняло комнату, — и смотрела на Марго.

Она замерла. Руки — опущены. Глаза — считывающие.

— Лив, — сказала она медленно. — Что случилось?

— Он поцеловал меня.

Тишина.

Одна секунда. Две. Три. Четыре. Пять.

Потом Марго взвизгнула.

Не крикнула — взвизгнула, высоко, пронзительно, так, что магический светильник мигнул, а из-за стены послышался глухой стук — кто-то из соседей уронил что-то от неожиданности.

— ПОЦЕЛОВАЛ?! — она схватила меня за плечи. — КАК?! КОГДА?! ГДЕ?! В ГУБЫ?! Лив, если ты сейчас скажешь «в щёку».

— В губы, — сказала я. — В тренировочном зале. Во время выброса. И потом в щёку. У двери. Только что.

— В губы, — повторила Марго шёпотом. Как будто я сказала ей, что нашла Святой Грааль в кладовой Эгнис. — И в щёку. Два поцелуя. За один вечер. Аларик. Вейнар. — Она села на кровать. Медленно. Как человек, у которого подкосились ноги. — Рассказывай. Всё. С самого начала. Ни одной детали не пропускай, или я умру.

Я села рядом. И — рассказала.

Всё. Тренировку. Выброс. Свет — белый, ослепительный, разрушительный. Его руки на моём лице. Поцелуй — отчаянный, инстинктивный, спасительный. Феррона — в дверях, с гранитным лицом и словами, которые перевернули мир. Связь ядер. Столетия. Половины целого. Библиотеку — пыльную, тихую, с книгами, которые чихают. И его глаза — тёмные, открытые, светящиеся — когда он сказал мы.

Марго слушала. Молча. Не перебивая — что для неё было подвигом масштаба, достойного летописи. Её карие глаза — обычно дерзкие, весёлые — были широкими. Влажными. Нежными.

Когда я закончила, она молчала ещё минуту. Потом — обняла меня.

Крепко. Молча. Так, как обнимают не подружку, а сестру.

— Лив, — прошептала она мне в плечо. — Это я даже не знаю, что сказать. Это невозможно. Это прекрасно. Это — она отстранилась, и в её глазах стояли слёзы, которые она яростно моргала, пытаясь загнать обратно. — Это ты. Конечно, это ты. Кто ещё мог бы заставить Аларика Вейнара чувствовать?

— Марго

— Нет! — она подняла палец. Слёзы были побеждены — глаза снова горели. — Нет, подожди. У меня есть одно условие.

— Условие?

— Когда вы поженитесь — а вы поженитесь, не спорь, ваши ядра уже решили это за вас столетия назад, — я хочу быть приглашена. На свадьбу. На первый ряд. В платье, которое я сама сошью. Серебристое. С блёстками.

— Марго!

— И на крестины! — она не останавливалась, глаза сияли, руки — в стороны, как у проповедника. — Когда у вас родятся дети — а у вас родятся невероятные дети, с его скулами и твоими глазами, — я буду крёстной. Крёстной, Лив! Это не обсуждается!

— Мы поцеловались! — я рассмеялась — громко, свободно, от живота, так, что слёзы — мои, не Маргошины — потекли по щекам. — Один раз! В экстренной ситуации! А ты уже планируешь крестины!

— Один раз пока, — Марго подняла палец. — Пока, Лив. Дай мне полгода, и вы будете—

— Марго!

Мы смеялись. Обе. Сидя на узкой кровати, среди готовых платьев и обрывков ниток, в маленькой каменной комнате на вершине чёрной скалы, — и смех наш заполнял пространство, как свет, как тепло, как жизнь.

Потом — мы мерили платья.

Тёмно-синее село идеально — Марго знала своё дело. Ткань обнимала фигуру — мягко, без натяжения, — и серебряная окантовка мерцала при движении. Я посмотрела в зеркало — и увидела другую девушку. Не ту бледную, растрёпанную кошку, которая приехала в Академию меньше двух недель назад. Другую. С прямой спиной. С блестящими глазами. С чем-то — чем-то — в лице, чего раньше не было.

— Ну? — Марго стояла за моим плечом, скрестив руки, с видом мастера, любующегося шедевром.

— Красиво, — сказала я. Тихо. Честно.

— Красиво? — она фыркнула. — Красиво?! Лив, ты сногшибательна. Если Вейнар увидит тебя в этом — а он увидит — ему придётся вспоминать, как дышать. И я хочу при этом присутствовать.

Серебристое платье было — другим. Я надела его, и Марго замолчала. Просто — замолчала. Стояла и смотрела.

Шёлк — лёгкий, прохладный, как вода — лился по телу, огибая плечи, талию, бёдра, и с каждым движением менял оттенок — от серебра к голубому, от голубого к белому. Открытые плечи. Тонкий пояс. Юбка — длинная, до пола, с разрезом, через который мелькала нога при шаге.

Я посмотрела в зеркало.

И впервые — впервые в жизни — увидела то, что видели другие.

Не бледную девочку. Не приютскую сироту. Не перепуганную новенькую.

Себя.

Белые волосы — серебряные в этом платье, как грива Прайма. Голубые глаза — горящие, яркие, невозможные. И что-то — в повороте головы, в линии плеч, в том, как свет ложился на кожу, — что-то, что было не красотой, нет. Чем-то глубже. Чем-то, что шло изнутри.

— Лив, — прошептала Марго. — Ты ты. Просто ты.

Я развернулась к ней.

— Подожди, — сказала я. — Подожди здесь. Минуту.

Я подошла к столу. Взяла блокнот — тот самый, распухший, исписанный формулами и рисунками. Открыла на чистой странице. Взяла карандаш — магический, от Мэтта, с серебряным наконечником, — и повернулась к Марго.

— Сядь, — попросила я. — Пожалуйста. И не двигайся.

— Что ты—

— Сядь.

Она села. На кровать. Скрестив ноги, сложив руки на коленях. Карие глаза — вопросительные, любопытные, живые.

Я рисовала.

Быстро. Точно. Как рисовала лунник — не думая, не анализируя, позволяя руке чувствовать. Карандаш скользил по бумаге, и серебряный наконечник оставлял линии, которые мерцали — едва заметно, как утренний свет на воде.

Лицо. Круглое, с россыпью веснушек на носу и щеках. Тёмные волосы, стянутые в хвост, с выбившимися прядями у висков. Губы — чуть приоткрытые, в полуулыбке. И глаза.

Глаза я рисовала дольше всего.

Карие. Тёплые. С той искрой — дерзкой, живой, неукротимой, — которая делала Марго — Марго. Не просто красивой. Настоящей.

Когда я закончила, карандаш вспыхнул. Мягко, золотисто — не голубым, как с лунником, а золотым. Цветом Маргошиных искр. И рисунок — ожил. Не буквально — лицо на бумаге не двигалось, не моргало. Но глаза — нарисованные глаза — сияли. Тем самым светом, который я видела в них каждый день — тёплым, дерзким, добрым.

Я протянула рисунок Марго.

Она взяла. Посмотрела.

И — замолчала. Надолго. Так надолго, что я испугалась — может, не понравилось, может, я что-то не так—

— Лив, — сказала она наконец. И голос — Маргошин голос, всегда громкий, всегда уверенный, всегда больше, чем комната, — был тихим. Хрупким. Как стекло. — Это это я?

— Это ты.

— Мои глаза они светятся.

— Они всегда светятся, Марго. Ты просто не видишь. А я — вижу.

Она подняла на меня взгляд. И в этих глазах — карих, тёплых, с золотыми искрами — стояли слёзы. Настоящие. Не те, которые она моргала и загоняла обратно. Настоящие.

— Ты, — прошептала она, — невозможный человек, Лив Рейн. Невозможный.

Она обняла меня. Снова. Крепко. И я обняла её в ответ — в серебряном платье, с магическим карандашом в руке, с камнем в кармане, пульсирующим ровно, спокойно, счастливо.

— Спасибо, — сказала Марго. — За рисунок. За за то, что ты есть. — Она отстранилась. Вытерла глаза тыльной стороной ладони. И — ухмыльнулась. По-маргошину. Широко. Дерзко. Ярко. — А теперь — снимай платье. Аккуратно. Это шёлк, а не мешковина. И если ты помнёшь его перед первым настоящим свиданием с Вейнаром, я тебя убью.

Я рассмеялась.

Позже — когда Марго ушла, унося с собой рисунок (прижатый к груди, как реликвию), и комната снова стала тихой, пустой, моей, — я лежала в кровати и смотрела в потолок.

На подоконнике — медальон. Мамина улыбка. Папино почти-улыбка.

На столе — тетрадь с рисунком двух лошадей. Чёрная и серебряная.

В шкафу — два новых платья. Тёмно-синее и серебряное.

В кармане — голубой камень.

На губах — память.

Я коснулась пальцами рта. Потом — щеки. Там, где его губы оставили тепло, которое не остывало.

Столетия, — подумала я. Мы находили друг друга через столетия. Снова и снова. Через войны и расстояния, через жизни и смерти. И нашли опять — здесь, на вершине чёрной скалы, в академии для магов, в сарае под дождём.

Не отпускай, — сказал голос в видении.

Не отпущу, — подумала я.

Гул внутри пульсировал. Ровно. Тепло. И рядом с ним — как эхо, как отражение, как второй голос в песне — пульсировал его.

Два ритма.

Одно целое.

Лив

Голос. Тихий. Далёкий. Знакомый.

Я улыбнулась.

— Слышу, — прошептала я. — Слышу тебя, Аларик. Спокойной ночи.

Камень в кармане вспыхнул голубым — на секунду, — и погас.

А где-то в другом крыле Академии — я знала, знала, не думая, не гадая, знала — тёмноглазый мальчишка лежал в своей кровати, и на его губах была улыбка, и его ядро — тёмное, глубокое, родное — стучало в такт моему

Я закрыла глаза.

И уснула. Без страха. Без сомнений.

Глава 9 Разлука

Меня разбудили в шесть утра.

Не звонок — звонок прозвучал бы позже, мягко, как обычно.

Был стук в дверь моей комнаты. Резкий, короткий, официальный — такой, какой бывает только в одном случае: когда тебя вызывают.

Я открыла глаза. Подскочила на кровати. Голубой камень на тумбочке — я положила его туда перед сном — пульсировал чуть быстрее обычного.

— Госпожа Рейн, — голос из-за двери. Ровный, безэмоциональный, незнакомый. — Вас ожидает ректор. Немедленно.

Я выпуталась из одеяла, натянула форму — впопыхах, криво, заправила рубашку только наполовину, — провела рукой по волосам и открыла дверь.

В коридоре стоял один из тех молчаливых людей в серой форме, что привезли меня в Академию. Без маски — с молодым, ничем не примечательным лицом, на котором не было ни любопытства, ни сочувствия, ни вообще ничего. Профессиональная пустота.

— Сюда, госпожа Рейн.

Мы пошли. По коридору северного крыла. Вниз по винтовой лестнице. Через галерею с горгульями (которых, конечно, никогда не было, но я всё ещё проверяла). И — в кабинет ректора.

Дверь была приоткрыта.

Я вошла.

И увидела, что я не одна.

Аларик уже был там.

Он сидел в одном из двух кресел перед столом ректора — собранный, прямой, в безупречной форме, с лицом-маской, которая, я знала, скрывала бурю. Когда я вошла, он повернул голову — и наши взгляды встретились. На долю секунды. Не дольше.

Но в эту долю секунды я прочитала всё: он тоже не знал, зачем нас вызвали. Он тоже спал, когда постучали. Он тоже шёл по утренним коридорам, гадая, что теперь будет.

— Госпожа Рейн, — голос ректора Кроу. Тёплый, низкий, чуть хрипловатый — каким я запомнила его с первого дня. — Садитесь.

Я села. Во второе кресло. Между мной и Алариком — деревянный подлокотник и метр воздуха, который казался мне раскалённым.

Ректор не сразу заговорил. Он сидел за своим массивным столом, заваленным бумагами и свитками, и смотрел на нас — не строго, не сердито. Внимательно. Так, как смотрят на интересную загадку, к которой давно подступали и наконец нашли ключ.

Камин потрескивал. За узким окном — серое предрассветное небо.

— Профессор Феррон, — сказал он наконец, — сообщил мне о вчерашнем инциденте в тренировочном зале.

Я замерла. Аларик — рядом — тоже.

— Не нужно, — ректор поднял ладонь, заметив, как мы напряглись. Никто никого не обвиняет. Феррон представил мне детальный отчёт — профессиональный, магически грамотный, без эмоциональной интерпретации. Я благодарен ему за это. — Пауза. — Магический выброс пятого уровня. Прекращённый посредством контактного резонанса связанных ядер. — Ещё пауза, и в его серых глазах мелькнуло что-то — не насмешка, нет, ирония, мягкая, направленная не на нас. — За тридцать один год работы я не писал подобных отчётов. Поздравляю.

— Господин ректор, — начал Аларик. Голос — ровный, контролируемый, вежливый. — Я понимаю, что моё поведение —

— Господин Вейнар, — ректор перебил его, и в его голосе впервые проскользнула усталая нежность, какую я слышала у Брана, когда тот разговаривал со старыми лошадьми, — прекратите. Я не вызвал вас, чтобы отчитывать. Если бы я хотел вас отчитать, я бы вызвал вас в три часа ночи, и это было бы значительно неприятнее. — Он сложил пальцы домиком на столе. — Я вызвал вас, чтобы решить практический вопрос. Точнее — несколько вопросов.

Мы оба молчали. Слушали.

— Первое. Связь ядер. — Ректор посмотрел на меня. Потом на Аларика. Потом — снова на меня. — Это не дисциплинарная проблема. Это магическое явление, редкое, документированное и — что важно — не подлежащее коррекции. Феррон в отчёте указал, что вы оба уже осведомлены о природе вашей связи. Это так?

— Да, — ответили мы. Одновременно. Не сговариваясь. Не глядя друг на друга.

Ректор едва заметно кивнул. Как будто этот ответ — и его одновременность — подтвердили что-то, что он и так знал.

— Хорошо. Второе. Безопасность. Феррон рекомендует — и я с ним согласен — чтобы практические занятия госпожи Рейн по магии впредь проводились в присутствии господина Вейнара. Не вместо профессоров — вместе с ними. Ваше присутствие, господин Вейнар, действует как стабилизатор. Это означает, что вы будете присутствовать на занятиях с Ферроном. Возможно, с Данарой — если будут практические эксперименты повышенной сложности. И на дополнительных вечерних занятиях с госпожой Рейн.

Аларик кивнул. Коротко.

— Я уже запросил у магического хранилища новые защитные руны — седьмого порядка, специально для парных магических резонансов. Их установят в тренировочном зале к завтрашнему вечеру. — Ректор сделал пометку в свитке зачарованным пером, которое двигалось само. — До тех пор — никаких практических занятий по магии. Ни по одиночке, ни вместе.

— Понятно, — сказала я.

— Третье, — ректор поднял глаза. — И, признаю, деликатное. — Он посмотрел на меня. — Госпожа Рейн, вы живёте в северном крыле. Господин Вейнар — в западном. Это значительное расстояние, особенно учитывая, что Лавиретти имеет привычку перестраиваться по ночам.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. Я знала, к чему он ведёт.

— В свете вчерашнего, — продолжал ректор, абсолютно невозмутимо, как будто обсуждал расписание занятий, — я считаю разумным разместить вас ближе. В западном крыле, в соседней с господином Вейнаром комнате. Это позволит — в случае повторного критического выброса — мгновенный контакт-стабилизацию. До того, как пострадают стены, мебель и невинные первокурсники.

Аларик не шевельнулся. Я видела это краем глаза — он сидел так же прямо, так же неподвижно, как и минуту назад. Но его правая рука — та, что лежала на подлокотнике, — на секунду сжалась в кулак и снова расслабилась.

— Господин ректор, — сказала я. И мой голос прозвучал на удивление спокойно. — Я согласна.

Ректор посмотрел на меня. Серые глаза — внимательные, без тени осуждения или одобрения, профессиональные.

— Без возражений?

— Я не вижу причин для возражений, — ответила я. — Вы правы. Расстояние — фактор риска. Если меня разместят ближе, и это поможет избежать — я подобрала слово, — повторения, то это разумно.

Уголок рта ректора чуть дрогнул. Едва заметно.

— Госпожа Рейн, — сказал он, — за тридцать один год работы я редко встречал семнадцатилетних — простите, восемнадцатилетних — студенток, способных говорить со мной языком логистики. Это освежает.

— Благодарю, — я наклонила голову.

— Господин Вейнар? — ректор перевёл взгляд.

— Согласен, — сказал Аларик. Ровно. Без видимых эмоций. Но я услышала — в самом нижнем регистре, в той ноте, которую никто, кроме меня, не услышал бы, — облегчение.

— Прекрасно. Госпожа Рейн, ваши вещи перенесут сегодня к полудню. Новая комната — двести семь. Господин Вейнар, ваша — двести восемь. — Ректор сделал ещё одну пометку. — И теперь — четвёртое. Самое интересное.

Он отложил перо. Откинулся в кресле. Сложил руки на животе.

— Госпожа Рейн. Вы знаете, сколько уровней магического выброса существует в принятой классификации?

— Шесть, — ответила я. Тут же. Это была одна из первых вещей, которые я выучила у Хейз.

— Верно. А какой максимальный уровень изучается в Академии Лавиретти?

— Четвёртый, — я моргнула. — Феррон сказал, что пятый и шестой — это уровни, которые — я замолчала, потому что не могла вспомнить точную формулировку.

— Которые в современной магической практике встречаются настолько редко, — закончил ректор, — что их преподавание не имеет прикладного смысла. Последний задокументированный пятый уровень был зафиксирован сорок семь лет назад. Шестой — двести двенадцать. — Пауза. — Вчера вы продемонстрировали пятый. На второй неделе обучения. Без специальной подготовки. Без целенаправленного усилия. Спонтанно.

Тишина. Я слышала, как трещит фитиль в светильнике на стене.

— Господин ректор, — сказала я тихо, — это потому что я связана с Алариком? Из-за усиления?

— Нет, — он покачал головой. — Усиление от связанного ядра — реально, но оно работает только при совместном действии. Вчера вы потеряли контроль одна. Господин Вейнар лишь остановил вас. Сила, которая прорвалась через ваши каналы, — ваша. Целиком.

— Тогда

— Тогда, госпожа Рейн, мы стоим перед двумя возможностями. — Ректор поднял два пальца. — Первая: ваше магическое ядро — аномалия. Случайное генетическое отклонение, наделившее вас способностями, выходящими за пределы стандартной классификации. Это случается. Раз в пятьдесят-сто лет.

— А вторая?

Он опустил пальцы.

— Вторая, — сказал он, — ваше ядро не аномалия. Ваше ядро — закономерность. И ответ на вопрос, какая именно закономерность, лежит в вашем происхождении.

Я задержала дыхание.

— Госпожа Рейн, — ректор наклонился вперёд, — я не буду вам лгать. Когда инспектор Вэйс доставила вас в Академию, в ваших документах был ряд особенностей. Дата подбрасывания в приют. Состояние, в котором вас нашли. Предметы, обнаруженные при вас. — Пауза. — Шкатулка.

— Папа писал мне о ней, — выпалила я. — Он прислал перерисовку символов. Я не могу прочесть.

— Принесите её мне, — сказал ректор. — Сегодня же. До ужина. У меня есть знакомые в архиве Министерства, которые специализируются на древних магических алфавитах. Если символы что-то означают — мы узнаем.

— Спасибо, — я выдохнула. И не сразу поняла, что это прозвучало почти как мольба.

— Не благодарите. Это часть моей работы. — Он откинулся обратно в кресле. — А теперь — оба. Усерднее занимайтесь. Госпожа Рейн, вам необходимо определить полный потенциал вашего дара — не для турниров, не для оценок, а для собственной безопасности. То, что вы не контролируете, рано или поздно начнёт контролировать вас. Господин Вейнар — вы знаете эту дисциплину лучше меня. Помогайте.

— Да, — снова — одновременно, не сговариваясь.

— Свободны.

Мы встали. Аларик пропустил меня вперёд — мелкий жест, привычный для него, но сегодня я ощутила его кожей, как тепло. Мы вышли из кабинета. Дверь закрылась за нами с мягким щелчком.

В коридоре — пустом, утреннем, с косыми лучами рассвета — мы остановились.

Аларик повернулся ко мне.

— Лив.

— Да?

— Соседняя комната, — он смотрел на меня, и в его тёмных глазах было что-то — тихое, тёплое, боящееся показать себя слишком явно. — Это

— Это разумное решение, — закончила я. Ровно. Спокойно. Со всем достоинством Оливии Рейн, которое я носила в себе как доспех. — С точки зрения логистики.

Уголок его рта дрогнул.

— Логистики.

— Логистики.

Мы стояли в пустом коридоре, и за окном поднималось солнце, и где-то далеко звонил утренний колокол, и я была взрослой, рассудительной, логистической — и одновременно мне было восемнадцать, и сердце моё колотилось так, что я слышала его в висках.

— Я провожу тебя на завтрак, — сказал Аларик.

— Хорошо.

И мы пошли.

К полудню я была переселена.

Двое незнакомых студентов — старшекурсников, насколько я могла судить по броши на лацкане — перенесли мои вещи: сумку, тетради, книги, два новых платья от Марго, аккуратно завернутые в бумагу. Письмо в котором, папа прислал только символы.

Я держала в руках сложенный листок с папиным рисунком и думала: вот это надо отнести. Это. И эту мысль — простую, ясную — я повторила про себя дважды, чтобы не забыть.

Новая комната оказалась — такой же. Чуть больше. Окно — пошире. Те же серые стены, та же узкая кровать, тот же шкаф, тот же стол. Но из окна был виден не туман, а сад — настоящий, с деревьями и тропинками. И где-то за стеной — в комнате двести восемь — был он.

Я расставила вещи. Повесила медальон с портретом мамы и папы на новый подоконник. Положила голубой камень рядом. Поставила тетрадь на стол. Шарф Маргошин — на спинку стула.

На обед я пришла в большой зал с привычным внутренним напряжением — что-то должно было случиться, я знала, потому что в Академии слухи распространялись быстрее, чем огонь по сухой траве, а к этому моменту вся Академия знала о вчерашнем выбросе пятого уровня, о переселении, о связи ядер. Майкл, скорее всего, уже составил статистическую таблицу.

Я не ошиблась.

Когда я вошла, зал — на секунду — запнулся. Не замолчал, нет. Просто на одно мгновение голоса стали тише, головы повернулись чуть быстрее обычного, вилки задержались на полпути ко ртам.

Я шла к нашему столу с прямой спиной. Тёмно-синее платье — то самое, повседневное от Марго — лежало на плечах легко, привычно. Сегодня, — решила я ещё утром, — никакой формы. Сегодня — я.

Марго увидела меня первой и просияла.

— Лив! — она помахала. — Платье! Ты надела платье!

— Я надела платье, — подтвердила я. — Не делай из этого исторического события.

— Это историческое событие. — Она оценивающе посмотрела. — И — для протокола — ты выглядишь великолепно. Половина зала пыталась не пялиться. Половина даже преуспела.

Я села. Майкл, не отрываясь от книги, кивнул в знак приветствия. Мэтт — Мэтт — посмотрел на меня. И его взгляд изменился. Не в плохом смысле. Просто — стал внимательнее. С той ноткой, которую я научилась читать у него и которую, я надеялась, никогда не придётся.

— С новосельем, Лив, — сказал он. И улыбка была настоящей. Кривоватой, привычной, золотой.

— Спасибо, Мэтт.

Я начала есть. Суп — сегодня овощной, с морковью и капустой, без грибов — был горячим и вкусным. Я была голодна — после утреннего вызова к ректору и переезда так и не успела позавтракать как следует.

И тогда — двери зала открылись.

Я не подняла глаз. Я чувствовала шаги. Ровные, уверенные, тяжёлые. Те самые, которые я узнала бы из миллиона.

Аларик не пошёл к своему столу.

Он подошёл к нашему.

Зал замолчал. По-настоящему. Не запнулся — замолчал. Сто с лишним человек прекратили есть, говорить, дышать. Линда Кейт — за столом в дальнем углу — выронила вилку. Звук от падения был оглушительным.

Аларик остановился у нашего стола. Посмотрел на меня. На Мэтта. На Марго. На Майкла.

— Можно? — спросил он. Просто. Вежливо. Указал на свободное место рядом со мной.

Марго издала звук, который сложно описать словами. Что-то среднее между писком и кашлем. Майкл закрыл книгу — снова — и поправил очки. Мэтт молча кивнул.

Аларик сел.

Рядом со мной. На скамью, на которой обычно никто не сидел — потому что между мной и стенкой было ровно достаточно места для одного человека. Достаточно близко, чтобы я чувствовала тепло его плеча. Не касающегося — но почти.

Зал смотрел.

— Тирс, — Аларик кивнул Марго.

— Эстер. Корвин.

— Вейнар, — выдавила Марго.

— Вейнар, — кивнул Майкл, очевидно решив, что молчание было бы невежливо.

— Вейнар, — Мэтт. Без улыбки, но без враждебности. Ровно.

Аларик взял хлеб. Намазал маслом. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, мозоли от поводов, тонкий шрам поперёк костяшек, — и пыталась осмыслить, что Аларик Вейнар сидит за нашим столом, передо мной, и завтракает. То есть — обедает.

— Как ты? — спросил он тихо. Только для меня.

— Хорошо, — ответила я. — Переехала. Распаковалась. Шкатулку то есть, рисунок с символами — отнесу ректору после обеда.

— Хорошо.

И тут — резко, без предупреждения — за окнами зала мелькнула тень. Серебристая. Стремительная. Почтовая птица.

Я заметила её первой — потому что одна из птиц, влетевшая через высокое окно, направилась прямо к нашему столу. К Аларику.

Она опустилась на край стола. Маленький свиток, привязанный к её лапе, был запечатан красным воском с гербом — двумя пересечёнными мечами и розой между ними. Я не знала, чей это герб. Но Аларик знал. Я увидела это по тому, как он замер.

Он отвязал свиток. Сломал печать. Развернул. Прочитал.

Я смотрела на его лицо. Маска была на месте — конечно, маска была всегда — но я видела, как под ней что-то сдвигается. Что-то плохое. Не катастрофическое — нет, иначе он не сохранял бы это спокойствие. Но — серьёзное.

Он сложил свиток. Положил в карман.

— Лив, — сказал он. Тихо. Серьёзно. — Мне нужно уехать.

— Что случилось?

— Семейные дела. Брат. — Пауза. — Лиам. Младший. Он учится в Академии Сторрин — это на восточном побережье. У него проблемы. Не магические — другого рода. Мне нужно поехать туда. Возможно, привезти его сюда.

— Когда? — я не узнала свой голос — тонкий, чужой.

— Сейчас. Сегодня. Карета будет через два часа.

— Надолго?

— Не знаю. Неделю. Может, две.

Две недели. Я кивнула. Молча. Потому что говорить было — нечего. Семья. Брат. Это было важнее всего — важнее тренировок, важнее уроков, важнее связи ядер и пятых уровней и переселения в соседнюю комнату. Конечно он должен был ехать.

— Я не успею провести тренировку завтра. И послезавтра. И — он замолчал.

— Я понимаю.

— Ты можешь — он поколебался. И вот это было странно — Аларик Вейнар колеблется. — Прайм. И Грейв. Бран присмотрит, конечно, но Грейв не подпускает к себе никого, кроме меня. Если бы ты могла — каждый день. Не тренировки. Просто — присутствие. Чистка. Прогулка по тропе. Чтобы он не чувствовал себя

— Брошенным, — закончила я.

Аларик посмотрел на меня. И в этих тёмных глазах — за маской, за бронёй, за всем — была благодарность. Глубокая, тихая.

— Да.

— Я буду каждый день, — сказала я. — Утром и вечером. С Праймом и с Грейвом. Обещаю.

— Спасибо.

Он встал.

И — не глядя на сто с лишним человек, которые смотрели на нас, как на представление в театре, — наклонился.

И поцеловал меня в щёку.

Нежно. Медленно. Как тогда у двери моей комнаты. Так, как не целовали публично никого и никогда в этой Академии — я знала это, чувствовала это в той тишине, которая накрыла зал.

— Береги себя, — прошептал он мне в кожу. — Я вернусь.

— Береги себя, — прошептала я в ответ.

Он отстранился. Кивнул Мэтту, Марго, Майклу. Развернулся. И ушёл — длинными ровными шагами, не оглядываясь, не реагируя на шквал шёпота, который поднялся за его спиной, как ветер за уходящим кораблём.

Зал — взорвался. Не громко. Десятками шепотов, сотнями обрывков фраз: «Он её поцеловал», «При всех», «Уехал», «Куда?», «Линда выглядит так, будто её ударили», «Что вообще происходит?»

Я сидела с горящей щекой и смотрела на свой суп. Который снова — снова — был холодным.

Марго наклонилась ко мне.

— Лив, — выдохнула она. — Лив. Он. Поцеловал. Тебя. При всех.

— Я заметила, Марго.

— Он никогда не делает ничего при всех. Аларик Вейнар — самый закрытый человек на этой планете. А он только что —

— Марго, — Мэтт. Тихо. — Дай ей съесть суп.

Марго замолчала. Посмотрела на Мэтта. И — поняла. Я видела, как поняла, потому что её взгляд смягчился, и она положила свою руку на мою.

— Доедай, — сказала она. — А вечером — расскажешь.

Я кивнула.

Две недели.

Две долгие, тягучие, странные недели.

Я жила в ритме, который сама себе выстроила — снова. Пять утра — конюшня. Прайм встречал меня каждый раз тёплым ткнувшимся в плечо лбом. Грейв — чёрный, огромный, недоверчивый Грейв — первые три дня не подпускал меня к себе. Стоял в дальнем углу стойла, опустив голову, и смотрел на меня одним тёмным глазом — обвиняюще, тоскливо.

— Я знаю, — говорила я ему. — Я знаю, ты скучаешь. Я тоже.

На четвёртый день он подошёл сам. Опустил тяжёлую голову мне на плечо. Простоял так минут пять. Я не двигалась — почти не дышала. Серебряная грива щекотала мне щёку.

— Хороший мальчик, — прошептала я. — Хороший. Он скоро вернётся.

С того дня Грейв принимал меня. Не как Прайм — там было узнавание с первой секунды. У Грейва была вынужденная терпимость, которая постепенно превращалась в привычку, а потом — доверие. Я чистила его щёткой — медленно, тщательно, по всему чёрному боку, — и он стоял, прикрыв глаза, и время от времени фыркал, как будто говорил: ладно, женщина, ты сойдёшь.

Прогулки. Каждое утро — с Праймом. Каждый вечер — Грейвом. Иногда — вместе, на одной тропе, я на Прайме, веду в поводу Грейва. Со стороны это, наверное, выглядело смешно — маленькая блондинка между двумя огромными мракоходцами, — но Бран только качал головой:

— Не каждый день увидишь, чтобы Грейв слушался кого-то, кроме хозяина. Он тебя признал. Это редкость.

— Я за хозяина, — поправляла я. — Временно.

— Временно, — соглашался Бран. И в его глазах было что-то — мудрое, спокойное, знающее, — чего я не могла прочесть.

Занятия. Усердные. Изнурительные.

Без Аларика практические по магии были приостановлены — ректор не отменил своего распоряжения, и Феррон даже на индивидуальных занятиях ограничивался теорией. Но это означало, что я тонула в книгах. Энциклопедия от Майкла — с пометкой :лунник на странице 847, читала. Книги по связи ядер — все шесть, которые мы с Алариком взяли из пыльной секции. Старые трактаты на архаичном диалекте — читала слово за словом, у Майкла, который согласился консультировать в обмен на «возможность взглянуть в архив, который ты получишь от ректора».

— У тебя нет совести, Майкл.

— Это распространённое заблуждение, — отвечал он. — У меня есть совесть. Просто она оптимизирована.

Хейз — была беспощадна, как всегда, но в её серых глазах я теперь чаще видела ту кремнёвую искру. Феррон — на теоретических занятиях расспрашивал меня о чувствах во время выброса с такой точностью, как будто записывал научный труд. Может, и записывал. Данара — изобрела для меня индивидуальный курс по «магической ботанике повышенной сложности», который начинался словами: «А теперь забудьте всё, чему вас учили о ботанике».

Рисунок с символами.

Я отнесла его ректору в тот же вечер, когда мы с Алариком ушли из его кабинета. Ректор посмотрел. Внимательно. Долго. Потом — поднял глаза.

— Госпожа Рейн, — сказал он, — я не специалист, но позвольте задать вопрос. Эти символы вам что-нибудь напоминают?

— Нет.

— Совсем ничего?

Я посмотрела ещё раз. На странные знаки — спирали, треугольники, переплетённые линии. Незнакомые. Совсем неизвестные.

И — вдруг — да.

Один знак. В верхнем правом углу. Спираль, окружённая шестью точками. Я видела его раньше.

На стебле лунника. В прожилках на листьях. Спираль из шести точек.

— Этот, — я показала. — Этот я видела. На лунниках, которые растут у ручья за пастбищем.

Ректор посмотрел. Долго. Потом отложил рисунок.

— Спасибо, госпожа Рейн. Я отправлю это в архив. И буду ждать ответа. Это может занять время — не дни, скорее недели.

— Я подожду.

— У вас, — сказал он, — терпения больше, чем у меня было в восемнадцать.

Я улыбнулась. Чуть. И ушла.

Слухи.

Слухи бушевали. Расцветали. Размножались, как сорняки. Я ловила их обрывки в коридорах, в большом зале, в библиотеке.

«Они помолвлены» — самый популярный. «Она заколдовала его» — второй по популярности, исходящий, от Линды. «Он привезёт её к своей семье на лето» — этот меня насмешил больше всего. «Они уже тайно поженились» — слышала от двух первокурсниц, проходя мимо. «Она его кузина и они не имеют права» — это была вершина абсурда.

Я не реагировала. Не подтверждала. Не опровергала. Слухи — как пыль; если не трогать, оседают сами.

Марго прибегала ко мне каждый вечер с новой версией. Я слушала, смеялась, и мы шли в библиотеку или в её комнату, где она показывала эскизы новых платьев. Она шила без устали — для меня, для себя, для какой-то старшекурсницы, которая попросила и заплатила.

— Я открою своё дело, — заявила она однажды. — После Академии. Магическая мода. Платья, которые меняют цвет под настроение. Туфли, которые не натирают. Шарфы, которые греют сами.

— У тебя получится.

— Конечно получится, — она фыркнула. — Я Тирс. Тирс не проигрывают.

Мэтт.

Мэтт остался Мэттом. Каждый день. С чаем, с булочками Эгнис, с историями про лошадей, с кривоватой улыбкой и золотыми искрами в карих глазах.

Но — что-то было иначе. Он не отдалился. Он был рядом — может, даже больше, чем раньше. Но в нём появилась тонкая, едва заметная печаль, которую он прятал за шутками, и я видела её, и от этого было больно.

Однажды — после долгого дня в библиотеке, когда я возвращалась в свою новую комнату, — он перехватил меня в коридоре.

— Лив.

— Мэтт.

Он смотрел на меня. Серьёзно. Без улыбки.

— Я хотел сказать — начал он. И замолчал. Потом снова:

— Я знаю, что между вами с Алариком — что-то настоящее. Связь ядер. Я слышал — все слышали. И я — он провёл рукой по волосам.

— Я просто хочу, чтобы ты знала: я твой друг. Был, есть и буду. Что бы ни случилось. Это не изменится. Ладно?

Я смотрела на него. На веснушки. На карие глаза. На лицо — открытое, болезненно честное.

— Мэтт, — сказала я. — Подойди.

Он подошёл. Я обняла его. Крепко.

— Ты — один из самых важных людей в моей жизни, — сказала я ему в плечо. — И это тоже не изменится. Обещаю.

Он постоял минуту. Просто — стоял. Потом — отстранился. Кивнул.

— Хорошо, — сказал он. И улыбнулся. И в этот раз улыбка достала до глаз. — Хорошо.

Он ушёл. Я смотрела ему вслед. И впервые за долгое время поняла, какая взрослая это работа — дружба. Какая трудная. Какая важная.

И всё это время — каждую секунду каждого дня — я скучала.

По Аларику. По его голосу. По его рукам, по тому, как он подносил флягу с водой после тренировок, по тому, как он говорил «ещё раз», когда я уставала.

Гул внутри пульсировал — ровно, спокойно, — но рядом с ним больше не было его гула. Эхо отсутствовало. И эта тишина — глубокая, странная, не-моя — болела чем-то новым. Чем-то, для чего у меня не было слов.

Камень в кармане. Он перестал вспыхивать. Стал — приглушённым, как уголёк, который теплится, но не горит. Я носила его с собой постоянно. Иногда — поздно вечером, когда комната была тиха, — я доставала его, клала на ладонь и просто смотрела.

— Возвращайся, — шептала я. Не уверена, кому — камню или ему.

Голос — Лив — больше не приходил по ночам. И это тоже было больно.

Он вернулся на четырнадцатый день.

Я была на конюшне. Утренняя чистка Прайма — обычная, ставшая ритуалом, успокаивающим. Серебряная грива под щёткой. Тёплый бок. Тихое фыркание.

И — резко — гул внутри вздрогнул.

Не громко. Не страшно. Радостно. Как будто внутри меня кто-то — кто долго спал — открыл глаза и улыбнулся.

Я замерла. Щётка остановилась.

— Он, — сказала я Прайму.

Прайм поднял голову. Уши — наостренные. Он тоже почувствовал.

Я бросила щётку. Выбежала из стойла — как была, в простом платье, с растрёпанными волосами, с пятном лошадиного пота на рукаве. Через двор. Мимо садовой стены. К главному входу Академии.

Карета стояла у лестницы. Чёрная, с гербом Вейнаров — двумя пересечёнными мечами и розой. Лошади — четвёрка вороных — фыркали и переминались. Кучер снимал багаж.

И — у кареты — он.

Аларик.

Он был — тот же. Высокий, прямой, в дорожной одежде — тёмной, простой, без формы. Тёмные волосы — чуть длиннее, чем я помнила, чуть растрёпанные дорогой. Лицо — уставшее. Но глаза — глаза искали. Меня.

И когда он увидел меня — выбегающую из-за угла, растрёпанную, в простом платье, с пятном на рукаве, — его лицо изменилось.

Маска — слетела. Полностью. За одну секунду. И под ней — он. Настоящий. С тем же огнём в тёмных глазах, который я помнила. С теми же ямочками, которые появились на щеках, когда он увидел меня.

— Лив, — он произнёс моё имя так, как будто оно было воздухом.

И — не задумываясь, не оглядываясь, не играя — он шагнул вперёд, обхватил меня за талию и поднял.

В воздух. На вытянутых руках. Как будто я ничего не весила.

И — поцеловал.

Не нежно. Не в щёку. По-настоящему. В губы. Страстно. Так, как целуют людей, по которым тосковали не две недели, а целую вечность. Так, как целуют, когда не остаётся сил приотворяться, что не любишь.

Я обхватила его шею руками. Запустила пальцы в его волосы — те самые, тёмные, тяжёлые. Прижалась к нему — всем телом, всей душой, всем гулом внутри, который наконец вернулся к своему эху.

Мир вокруг — исчез. Лестница, карета, лошади, академия, всё. Был только он. Его руки, держащие меня. Его губы на моих. Его сердце — стучащее так быстро, что я слышала его сквозь все слои одежды.

И — боже мой — мы стояли так на ступенях Академии. На главных ступенях. У всех на виду. Я слышала — где-то на периферии сознания — шум. Возгласы. Чей-то восторженный визг (Марго? Скорее всего, Марго). Чей-то возмущённый вздох (Линда? Возможно).

Но мне было плевать.

Аларик отстранился. Медленно. Опустил меня на землю — мягко, осторожно, не убирая рук с моей талии. Его лоб прижался к моему. Дыхание — рваное, тёплое — смешалось с моим.

— Я сучал, — выдохнул он. — Боги, Лив. Я не знал, что можно так сучать.

— Я тоже, — прошептала я. — Каждую секунду.

Я наконец смогла оторваться от его глаз — и посмотрела за его плечо.

У кареты стоял парень.

Не сильно младше Аларика — может, на год, может на два. Но совсем другой. Светлые — волосы цвета пшеницы, глаза — серые, как небо после дождя. Лицо — мягче, открытее, с веснушками на носу (вот это меня умилило). Высокий, но не такой высокий, как брат. Стройнее. С улыбкой, которая играла в уголках губ, как будто он постоянно собирался рассмеяться.

Он стоял, скрестив руки, и смотрел на нас с выражением откровенного восторга.

— Так, — сказал он. Голос — выше, чем у Аларика, мелодичнее, живее. — Я понимаю, почему ты так торопишься вернуться, брат.

Аларик повернул голову. Не отстраняясь от меня.

— Лив, — сказал он, — это Лиам. Мой младший брат. Лиам — это Оливия Рейн. Моя Лив.

Моя. Я почувствовала, как краска заливает щёки.

Лиам подошёл. Протянул руку — открытую, дружелюбную, не такую, как у Аларика — не торжественную, а лёгкую.

— Очень рад, — сказал он, и его улыбка была солнечной. — Аларик всю дорогу о вас говорил. Каждый день. Я уже знаю, что вы рисуете лунники, ездите на Прайме и не боитесь Грейва.

— Он подмигнул.

Я рассмеялась. Невозможно было не рассмеяться. Лиам Вейнар был — антитезой своего брата: Светом, где Аларик был тенью. Огонем, где Аларик был камнем.

— Очень рада, Лиам, — сказала я, пожимая его руку.

— Лиам поживёт в Академии какое-то время, — сказал Аларик. Его голос вернулся к привычной ровности, но рука на моей талии оставалась. — Пока не разрешится ситуация. Ректор уже в курсе.

Я не стала спрашивать, какая ситуация. Семейные дела. Когда захочет — расскажет.

И тут — Марго.

Она появилась из-за моего плеча с тем темпом, с каким Марго всегда появлялась — стремительно, целеустремлённо, неотвратимо.

— Лив! — она сжала мою руку. — Лив! Я видела с третьего этажа! Это было невероятно! Это было —

И тут она увидела Лиам.

И — замолчала.

Не запнулась. Замолчала. Окончательно. Её карие глаза — обычно дерзкие, быстрые, всегда в движении — расширились. Рот — приоткрылся. Рука, державшая мою, слабо разжалась.

Лиам посмотрел на неё. И тоже замолчал. Его солнечная улыбка — стала медленнее. Тише.

Они стояли — Марго и Лиам — и смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

Я почувствовала, как Аларик беззвучно усмехнулся за моей спиной.

— О, — пробормотал он мне на ухо. — Это интересно.

— Лиам, — сказала я. И мой голос был неприлично весёлым. — Это Марго Тирс. Моя лучшая подруга. Марго, это Лиам, младший брат Аларика.

— Очень — Лиам прокашлялся. — Очень рад.

— Я тоже, — Марго моргнула. Вернула себе самообладание. Почти. — Очень. Я я Марго.

— Марго, — повторил Лиам, как будто пробуя имя на вкус. И — улыбнулся. По-своему. Не как Аларик — нежно, скрытно. Открыто. — Какое красивое имя.

Марго покраснела.

— Спасибо, — пробормотала она.

Я встретила взглядом с Алариком. Он — поднял бровь. Я — подняла в ответ. Безмолвный разговор: ты это видишь? — я это вижу. Это — это так быстро? — кажется, да.

— Лиам, — сказал Аларик, прерывая момент с очевидной радостью брата, который наконец-то нашёл способ подразнить младшего, — нам нужно занести вещи. Я провожу тебя в комнату.

— Конечно, — Лиам с трудом оторвал взгляд от Марго. — Конечно. Веди, брат.

Аларик повернулся ко мне.

— Ужин? — спросил он. Тихо. — В большом зале. Сегодня.

— Конечно.

Он наклонился — снова — и поцеловал меня. Снова. На этот раз — короче, нежнее, как обещание. И — пошёл с Лиамом ко входу.

Лиам — оглянулся. На Марго. Дважды.

Когда они исчезли за дверью, Марго схватила меня за руку.

— Лив, — выдохнула она. — Лив. Кто. Это. Был.

— Лиам Вейнар. Младший брат Аларика.

— Он он боги, Лив, у него глаза. Серые. Как небо. Как —

— Знаю, Марго.

— И веснушки. У Вейнара. Веснушки.

— Знаю, Марго.

— И он на меня смотрел. Он смотрел на меня. Лив, скажи мне, что я не вообразила. Скажи мне, что он смотрел на меня.

— Он смотрел на тебя, Марго. Долго.

Марго схватила вторую мою руку. Сжала. Глаза — горящие.

— Лив, — прошептала она. — Я думаю, я пропала.

Я рассмеялась. От души. От живота. Запрокинув голову к небу.

И небо — серое, утреннее, обычное небо Лавиретти — было светлым. Каким-то новым. Каким-то своим.

Аларик вернулся.

И — мир снова стал целым.

Глава 10 Две реки

Аларик не дал мне и дня передышки.

На следующее утро после возвращения — в пять, в тумане, как всегда — он ждал меня на манеже. Прайм уже был оседлан. Грейв стоял рядом, привязанный к ограде, и жевал сено с видом короля, наблюдающего за подданными.

— Соревнования, — сказал Аларик вместо приветствия. — Через шесть недель. Межакадемический турнир по выездке. Четыре академии. Двенадцать участников. И ты — одна из них.

Я моргнула. Я только проснулась. Мой мозг ещё не перешёл в рабочий режим.

— Шесть недель, — повторила я. — Аларик, я учусь ездить на мراكоходе всего три недели.

— Двадцать два дня, — поправил он. — Я считал.

— Двадцать два дня. И ты хочешь, чтобы я выступила на турнире?

— Я хочу, чтобы ты победила на турнире, — ответил он. И — улыбнулся. Не тенью, не призраком — по-настоящему. Той самой улыбкой, с ямочками, которая появлялась всё чаще и от которой у меня каждый раз что-то сжималось под рёбрами. — Садись. У нас мало времени.

Я села в седло. Прайм — как всегда — принял меня мгновенно, без сопротивления, как вода принимает камень. Его серебряная грива качнулась в утреннем свете.

— Сегодня, — Аларик встал в центре манежа, скрестив руки, — принятие.

— Что?

— Боковое движение. Лошадь движется одновременно вперёд и вбок, скрещивая ноги. В выездке — один из базовых элементов. В хорошей выездке — один из самых красивых.

Он показал — жестами, голосом, всем телом. Как двигается корпус наездника. Как работает внутренний шенкель. Как просить, а не приказывать.

— Прайм знает этот элемент, — сказал он. — Он обучен. Твоя задача — не мешать ему. Дай команду. Держи баланс. Чувствуй его.

Я попробовала.

Первый раз — криво. Прайм начал движение, но я сместила вес не в ту сторону, и он сбился.

— Ещё раз, — сказал Аларик.

Второй — лучше. Прайм пошёл вбок, скрещивая ноги — длинные, сильные, — и я почувствовала ритм. Не тот, который я задавала. Тот, который задавал он. И — отпустила. Перестала думать. Перестала командовать. Просто — принимала все его движения.

Прайм потёк. Нет другого слова. Его тело — огромное, мощное, — двигалось вбок с грацией, которая была бы невозможна для обычной лошади. Ноги скрещивались — чётко, ритмично, как шаги в танце. Голова — слегка наклонена в сторону движения. Грива — серебряная волна, качающаяся в такт.

— Хорошо, — голос Аларика был ровным, но в нём — я слышала — была та нота, которая означала: лучше, чем я ожидал. — Теперь — в другую сторону.

Я развернула Прайма. Он пошёл — так же плавно, так же точно, — и на этот раз я не сбилась. Ни разу.

Аларик кивнул.

— Хорошо.

К концу первого занятия мы освоили принятие в обе стороны. К концу второго — смену ноги на галопе.

Это было — другое. Труднее. Красивее. Прайм на галопе менял ведущую ногу — не останавливаясь, не сбиваясь, в одном темпе, — и каждая смена была как щелчок пальцев:

чёткая, невесомая, идеальная. Моя задача — дать команду корпусом за полсекунды до смены. Не раньше, не позже.

Я ошиблась трижды. На четвёртый раз — попала.

Прайм сменил ногу — гладко, как вода, перетекающая из одного русла в другое, — и я засмеялась от восторга. В седле. На галопе. Как ребёнок.

Аларик стоял у ограды и смотрел на меня. И на его лице — обычно непроницаемом, контролируемом, закрытом — было выражение, которое я видела у Брана, когда старый конюх смотрел на особенно удачного жеребёнка.

Гордость.

На третьем занятии — полупируэт.

— Галоп на месте, — объяснял Аларик, стоя рядом с Праймом и положив ладонь на его шею. Прайм стоял неподвижно, слушая — наездника в седле и тренера на земле. — Задние ноги остаются практически на одной точке. Передние описывают полукруг. Ритм галопа — сохраняется. Баланс — Ошибка — и лошадь теряет координацию.

— Звучит невозможно, — сказала я.

— Звучит сложно, — поправил он. — Невозможного — не существует. — Пауза. — По крайней мере, для тебя.

Я посмотрела на него сверху вниз — из седла. На тёмные волосы, падающие на лоб. На тёмные глаза, в которых утренний туман отражался серебряными искрами.

— Это был комплимент, Вейнар?

— Это была констатация факта, Рейн.

Я усмехнулась. Собрала поводья. Подала команду.

Прайм закрутился.

Не грубо — не так, как кружится обычная лошадь. Он завертелся, как серебряный волчок, — задние ноги чеканили ритм на одной точке, передние летели по дуге, и его тело — мощное, стальное, — изгибалось с той невозможной гибкостью, которая отличала мракоходцев от всех остальных пород.

Полукруг. Сто восемьдесят градусов. Три темпа галопа.

Он остановился. Точно. Чисто. Как по линейке.

Тишина.

Потом — голос Аларика. Тихий. Потрясённый.

— С первого раза?

Я погладила Прайма по шее. Он фыркнул — довольно, чуть самодовольно.

— Мы друг друга понимаем, — сказала я.

На четвёртом занятии — пассаж.

Это было красивее всего.

Пассаж — укороченная, возвышенная рысь, при которой лошадь словно парит над землёй, каждый шаг — замедленный, пружинистый, с долгой фазой подвисания. Когда Аларик показал мне на Грейве — первый и единственный раз за эти дни он сел в седло — я замерла.

Грейв на пассаже был — ночным ветром. Чёрное тело, серебряная грива, каждый шаг — как удар сердца. Он двигался, и земля под ним, казалось, отступала, давая ему место, и воздух уплотнялся, держа его наверху на долю секунды дольше, чем позволяла гравитация.

— Теперь ты, — сказал Аларик, спешиваясь.

Я попросила Прайма.

Серебряный мракоходец поднялся — вверх, выше, выше — и пошёл. Каждый шаг — пружина. Каждый темп — полёт. Я сидела в седле и чувствовала, как земля уходит из-под копыт, и мир замирает, и единственное, что существует, — ритм Его и мой. Один на двоих.

Я слышала, как Бран — стоявший у конюшни, якобы чинивший уздечку, а на самом деле смотревший, — тихо присвистнул.

Аларик молчал. Долго. Потом — когда я остановила Прайма и он перешёл на шаг, и туман рассеялся, и солнце легло на манеж золотыми полосами, — сказал:

— Лив.

— Да?

— Ты готова.

Я посмотрела на него. На его лицо — серьёзное, горящее, — и поняла: он не шутит. Он не преувеличивает.

— За четыре занятия? — спросила я.

— За четыре занятия ты сделала то, на что у большинства уходят годы.

Принимание, смена ноги, полупируэт, пассаж — четыре ключевых элемента выездки высшего класса. И ты выполнила каждый с точностью, которую я видел — он замолчал. Подобрал слово. — Никогда Я никогда не видел такой точности у наездника с твоим стажем.

— Может, дело не во мне. Может, Прайм—

— Прайм — половина. Вторая половина — ты. — Он шагнул ближе. Положил ладонь на шею Прайма — рядом с моей рукой. — Вы — одно целое. Как Грейв и я.

Как — он не договорил, но его тёмные глаза сказали всё.

Как мы.

Дни потекли — быстро, ярко, полно.

Тренировки — каждое утро. Я и Прайм оттачивали элементы до автоматизма, до того состояния, когда тело действует само, а разум — свободен. Аларик стоял у ограды — строгий, требовательный, безжалостный в точности — и каждое его замечание было как огранка алмаза: убрать лишнее, оставить суть.

— Плечо, — говорил он. — Левое. Опустить на сантиметр.

Я опускала.

— Поводья. Мягче.

Я смягчала.

— Дыхание. Ровнее. Прайм дышит с тобой. Если ты задерживаешь — он задерживает.

Я выравнивала.

И постепенно — занятие за занятием — то, что было набором отдельных элементов, стало целым. Программой. Выступлением. Танцем — двух тел, двух разумов, двух сердец, движущихся как одно.

Магия — вместе.

После возвращения Аларика Феррон выполнил свою часть договора. Новые руны — седьмого порядка, тёмно-багровые, пульсирующие собственным ритмом — были установлены в тренировочном зале. Аларик присутствовал на каждом практическом занятии — стоял рядом, в контакте, и я чувствовала его ядро — тёмное, глубокое — как опору, как берег, как стену, о которую можно опереться.

С ним рядом — всё было иначе.

Русло — строилось быстрее. Чище. Каналы — наполнялись ровнее, без скачков и провалов. Сила текла — не рвалась, не хлестала, послушная, управляемая, и я направляла её — точно, как Аларик учил, как лошадь, как воду, как дыхание.

Феррон наблюдал. Записывал. Кивал — сухо, коротко. На четвёртом совместном занятии сказал:

— Рейн. Когда я сказал «забор с дырами» — я забираю свои слова обратно. Это уже не забор. Это — стена.

— Спасибо, профессор.

— Не благодарите. Работайте.

Хейз — на теории — задавала всё более сложные вопросы. И я — отвечала. Не всегда правильно, не всегда полно, но отвечала. Формулы, которые три недели назад были бессмыс-

ленным набором символов, теперь обретали смысл. Как язык, который учишь долго и мучительно, а потом — в одно мгновение — начинаешь понимать.

Данара — на алхимии — перестала предупреждать о взрывах. Потому что взрывов больше не было. Мои зелья — работали. Не идеально, но работали. А рисунки — те самые, в раздувшемся блокноте — стали такими точными, что Данара однажды попросила скопировать три страницы для учебного пособия.

— Безупречно, — сказала она. Уже привычно.

Я была лучшей на курсе.

Не сразу. Не в один день. Но — к концу второй недели после возвращения Аларика — это стало фактом. Контрольные — высшие баллы. Практические — без сбоев. Теория — Хейз перестала задерживать меня после занятий, потому что не было нужды.

Майкл — который знал всё, — однажды посмотрел на мои оценки и сказал:

— Статистически, Рейн, ты сейчас на уровне лучших студентов четвёртого курса. При том, что ты здесь — шесть недель. — Пауза. — Это не аномально.

— Спасибо, Майкл.

— Это не комплимент.

— Знаю. Рекомендация.

— Констатация. Но — да. Впечатляет.

Я улыбнулась. Он — почти — улыбнулся в ответ.

Но не всем это нравилось.

Мелочи — поначалу. Мелочи, на которые я не обращала внимания. Тетрадь, исчезнувшая со стола в библиотеке — я нашла её через час, в другом конце зала, с вырванными страницами. Чернильница, опрокинутая на мою сумку — случайно, как объяснил тот, кто сидел рядом, хотя я видела, как двигалась его рука. Слухи — новые, злые, — что я обманываю на контрольных, что Аларик помогает мне на экзаменах, что мои оценки — подделка.

Потом — крупнее

Мой блокнот — тот самый, с рисунками, с формулами, с месячной работой — оказался в луже во дворе. Мокрый. Испорченный. Магический карандаш от Мэтта — сломан пополам. Серебряный наконечник — снят.

Я стояла во дворе, держа в руках мокрые страницы, и чувствовала, как гул внутри рычит. Не пульсирует — рычит. Как зверь, которому сделали больно.

— Кто? — голос Аларика. За спиной. Тихий. Стальной.

Я обернулась. Он стоял — прямой, высокий, с лицом, на котором не было ничего, — и это ничего было страшнее любого гнева.

— Не знаю, — сказала я. — Но..

— Я знаю, — ответил он.

И ушёл.

Я не видела, что произошло. Не слышала. Но через два часа Зак Пирс — мелкий, быстроглазый, с нехорошим расчётливым блеском — сидел в кабинете ректора с белым лицом и трясущимися руками. А рядом с ним — двое старшекурсников, которых я видела мельком, но не знала по имени.

Аларик вернулся ко мне — в библиотеку, где я пыталась восстановить испорченные записи — с новым блокнотом. Кожаная обложка. Чистые страницы. И — магический карандаш. Новый. С серебряным наконечником, на котором была гравировка.

Я прочитала.

«Для невероятной.»

— Аларик, — начала я.

— Не нужно, — он положил блокнот передо мной. — Это больше не повторится. Гарантирую.

— Что ты сделал?

— То, что нужно.

— Что ты сделал, Аларик?

Он посмотрел на меня. Тёмные глаза — спокойные. Абсолютно спокойные. Как поверхность озера, под которым — бездна.

— Я объяснил, — сказал он.

— Доступно. Что ты — под моей защитой. Что Прайм — под моей защитой. Что твои вещи — под моей защитой. И что следующий, кто тронет что-либо из перечисленного, будет иметь дело лично со мной. — Пауза. — И с ректором. Которого я проинформировал обо всех инцидентах. Подробно.

— Зак?

— Пирс отстранён от занятий на неделю. Его сообщники — на две. Ректор вызвал их родителей. — Ещё одна пауза. — Он также намекнул, что следующее нарушение повлечёт отчисление.

Я смотрела на блокнот. На карандаш. На гравировку.

— Спасибо, — сказала я. Тихо. Серьёзно.

— Не за что, — ответил он. И добавил — ещё тише, почти шёпотом: — Никто. Никогда. Не тронет тебя. Я рядом.

Я не ответила. Просто — положила свою руку на его. На столе, в тишине библиотеки, между нами и остальным миром.

Гул — мой и его — совпал. Как всегда. Как каждый раз.

Мы были — вместе.

Не в том смысле, в каком шептались по углам. Не в том, в каком ухмылялись младшекурсницы и хмурилась Линда Кейт. Вместе — глубже. Связано.

Утро — конюшня. Вместе. Прайм и Грейв, бок о бок, по тропе через лес. Лунники у ручья — светились ярче, когда мы проезжали мимо, и Аларик однажды сказал: «Они реагируют на нас. На двоих. Одна ты зажигаешь их. Вместе — мы их раскаляем.»

Завтрак — в большом зале. За одним столом. Марго, Мэтт, Майкл — и Аларик. И Лиам, конечно, — но о нём позже.

Занятия — рядом. Он сидел в последнем ряду — как всегда, — но теперь я чувствовала его присутствие, как чувствуют тепло камина через всю комнату. И он чувствовал моё. Иногда — на лекциях — я ловила его взгляд. Одну секунду. Тёмные глаза, в которых горел тот свет, который видела только я. И я улыбалась. И он — почти — улыбался в ответ.

Вечер — тренировочный зал. Магия. Его ладонь — на моём плече, на руке, на спине — стабилизатор, якорь, берег. Моя сила — текущая через каналы, голубая, светлая — и его, тёмная, глубокая, рядом, внутри, переплетённая с моей, как два ручья, впадающих в одну реку.

И — коридоры. Ночные, пустые, освещённые рунами. Мы шли к своим комнатам — двести семь и двести восемь, Разговаривали: О магии. О лошадях. О книгах, которые я читала. О его семье — немного, осторожно, как ходят по тонкому льду. О моей — больше, свободнее, потому что мои родители были далеко, и говорить о них было легче, чем молчать.

— Я хочу, чтобы ты их увидел, — сказала я однажды. — Маму и папу. Когда когда всё это закончится.

— Когда закончится? — спросил он.

— Обучение. Разобраться с моим происхождением. Научиться контролировать

— Это не закончится, Лив, — он остановился у моей двери. Повернулся. Тёмные глаза — серьёзные. — Магия — не курс лечения. Она — часть тебя. Как дыхание. Как кровь. Ты не закончишь с ней. Ты вырастёшь в неё. — Пауза.

— И я хочу увидеть твоих родителей. Очень.

— Почему?

— Потому что они вырастили тебя. А значит — они хорошие люди.

Он наклонился. Поцеловал меня — нежно, в лоб, в то место, где начинались волосы. И — ушёл в свою комнату.

Я стояла у двери двести семь с горящим лбом и улыбкой, которую не могла согнать с лица.

Марго и Лиам. Они были — неизбежностью.

Я поняла это в первый же день, когда увидела, как Марго покраснела. Это было событие, сопоставимое по масштабу с извержением вулкана.

Лиам Вейнар — младший, светлый, солнечный — оказался всем, чем Аларик не был. Открытым, лёгким, шумным. Он смеялся — громко, заразительно, запрокидывая голову. Он шутил — много, иногда невпопад, иногда блестяще. Он заходил в столовую и зал менялся — не так, как менялся от Аларика, не замирал, а оживал. Как будто кто-то прибавлял громкость.

Он подошёл к Марго на второй день. Просто — подошёл, сел рядом, и сказал:

— Марго Тирс. Мне нравится, как звучит это имя. Можно я буду произносить его часто?

Марго — Марго, которая всегда знала, что сказать, которая не терялась никогда — посмотрела на него и выдала:

— Э да?

С этого момента Лиам был — везде, где была Марго. Он сидел рядом с ней на обедах. Провожал на занятия. Носил её сумку — не спрашивая, просто забирал из рук, и она позволяла, что было вторым чудом после покраснения.

Он помогал ей с учёбой — не как Майкл, сухо и энциклопедически, а по-своему. Терпеливо. Весело. Превращая каждую формулу в историю, каждое правило — в шутку.

— Смотри, — говорил он, сидя рядом с ней в библиотеке (я видела из-за стеллажа, не подслушивала — наблюдала, разница существенна). — Магический контур — это как выкройка для платья. Линии — разрезы. Узлы — швы. Если шов кривой — платье разваливается. Если ровный — сидит идеально.

— Ты сравнил магию с кройкой? — Марго уставилась на него.

— А почему нет? Ты — мастер кройки. Значит, ты уже понимаешь структуру. Осталось перенести.

Марго моргнула. Посмотрела на формулу. Потом — поняла!

— Боги, — выдохнула она. — Это работает. Лиам, это работает!

Он улыбнулся. Той самой солнечной улыбкой, от которой Марго каждый раз забывала, что собиралась сказать.

Они стали парой через десять дней. Не объявляли — не нужно было. Все видели. Все знали. Лиам держал её за руку в коридорах — открыто, не стесняясь, не прячась. Марго — сияла. Буквально. Её карие глаза — с теми самыми золотыми искрами — горели так ярко, что Майкл однажды сказал:

— Тирс, вам следует обратиться к целителю. Ваши глаза излучают аномальное количество света. Это может быть симптомом.

— Симптомом чего?

— Счастья — ответил Майкл невозмутимо. — Крайне заразное состояние. Рекомендую карантин.

Мэтт смеялся. Я смеялась. Даже Аларик — улыбнулся.

Лиам остался в Академии. Ректор принял его на третий курс — после тестирования, которое, по словам Майкла, было «стандартной процедурой, хотя фамилия Вейнар, возможно, ускорила процесс». Его комната была в том же западном крыле — через два коридора от Аларика и меня.

Он вписался мгновенно. Как будто всегда здесь был. С Мэттом — подружился за сутки: они оба любили лошадей, обоим было тесно в стенах, оба предпочитали действие теории. С

Майклом — нашёл общий язык через книги: Лиам читал не так много, как Майкл, но читал быстро и запоминал всё, что вызвало у Майкла редкое явление — уважение.

А потом — браслет.

Это случилось через три недели после приезда Лиама.

Вечер. Большой зал. Ужин. Мы сидели за нашим столом — нашим, уже по-настоящему нашим: Аларик, я, Марго, Лиам, Мэтт, Майкл. Шесть человек. Семья — не по крови, по выбору.

Лиам был — странным весь день. Тихим. Задумчивым. Он улыбался — но медленнее. Смеялся — но реже. Марго заметила. Я видела, как она бросала на него обеспокоенные взгляды, как трогала его за руку — ты в порядке? — и он кивал, и улыбался, и менял тему.

После ужина — когда зал начал пустеть, и люди расходились по комнатам — Лиам встал.

— Марго, — сказал он. И голос его был другим. Не весёлым. Не лёгким. Серьёзным.

Таким, какого я у него никогда не слышала. — Подожди.

Она замерла. Посмотрела на него — снизу вверх, с лицом, на котором — я видела — мелькнул страх.

Лиам достал из кармана что-то маленькое. Положил на стол. Перед Марго.

Браслет. Серебряный. Тонкий. Изящный. Не современный — старый, древний, с тем тусклым, благородным блеском, который бывает только у вещей, переживших столетия. На браслете — гравировка: две пересечённые линии, переплетённые, как ветви дерева, и между ними — роза. Герб Вейнаров.

Марго смотрела на браслет. Не дышала.

— Это семейная реликвия, — сказал Лиам. Голос — ровный, тихий.

— Моя прабабка носила его. И её мать до неё. И — до неё. — Он сглотнул.

— В нашей семье его дарят — он замолчал. Провёл рукой по волосам — тот же жест, что у Мэтта: нервничает. — Его дарят женщине, на которой собираешься жениться.

Тишина. Абсолютная. За столом — все замерли. Я — замерла. Аларик — рядом со мной — замер, и я почувствовала, как его рука нашла мою под столом и сжала.

— Я не прошу тебя сейчас, — продолжал Лиам. — Мы молоды. Мне восемнадцать. Тебе — девятнадцать. Мы знакомы три недели. Это — безумие. Я знаю. — Пауза. — Но я — Вейнар. И Вейнары не ждут, когда точно знают. А я — знаю.

Он взял браслет. Поднял. Протянул Марго.

— Это — обещание, — сказал он. — Не предложение — обещание. Что я буду рядом. Что когда придёт время — когда мы оба будем готовы — я попрошу тебя по-настоящему. С кольцом. С цветами. С коленом на полу. Со всем, что ты заслуживаешь. — Его глаза — серые, как небо после дождя — горели.

— А пока Если ты примешь

Марго смотрела на него. Лицо — белое. Глаза — огромные. Губы — дрожащие.

Потом — медленно как во сне — она протянула руку.

И Лиам надел браслет ей на запястье.

Серебро легло на кожу — холодное, тяжёлое, живое. Гравировка вспыхнула — едва заметно, мягким серебряным светом — и погасла.

Марго подняла руку. Посмотрела на браслет. Потом — на Лиама.

— Три недели, — прошептала она. — Три недели, Лиам Вейнар. Ты знаешь меня три недели.

— Достаточно, — ответил он. И улыбнулся.

Марго рассмеялась. Сквозь слёзы. Громко, звонко, по-Маргошину. И — бросилась ему на шею.

Мэтт присвистнул. Майкл закрыл книгу.

— Вейнары, — пробормотал он. — Статистически невозможная семья. Оба. Оба— с первого взгляда. Вероятность — ноль целых—

— Майкл,— сказала я.

— Да?

— Молчи!

Он замолчал. И — улыбнулся. По-настоящему. Впервые на моей памяти.

Аларик сидел рядом со мной. Его рука — по-прежнему в моей, под столом. Его тёмные глаза — мягкие, нежные, гордые— смотрели на младшего брата, обнимающего рыдающую от счастья Марго.

— Ты знал? — прошептала я.

— Он спрашивал моего разрешения, — ответил Аларик. Так же тихо. — Вчера. Я сказал — давно пора.

— Три недели, Аларик.

— Вейнары не ждут, — повторил он слова брата. И — посмотрел на меня. И в его взгляде — в этих тёмных, бездонных глазах — было обещание. Такое же. Тихое. Глубокое. Навсегда.

Я сжала его руку.

Одно целое.

Позже — когда зал опустел, и мы шли по коридору к нашим комнатам — Аларик и я, Лиам и Марго, — Марго вдруг остановилась.

— Лив, — сказала она. И подняла руку — ту, с браслетом. Серебро мерцало в свете рун. — Лив.Помнишь, я просила пригласить меня на свадьбу?

— Помню, — я улыбнулась. — И на крестины.

— Отмена. — Она сияла. — Теперь — ты приглашена на мою свадьбу. Первый ряд. В платье, я которое я сошью , серебристом.

Лиам рассмеялся. Аларик — улыбнулся

Я обняла Марго. Крепко.

— С удовольствием, — прошептала я ей в ухо.

Ночью — в комнате двести семь, в тишине, в темноте — я лежала и слушала.

Гул внутри — ровный, тёплый, полный. И рядом — за стеной, в комнате двести восемь — его гул. Совпадающий. Синхронный. Родной.

Камень на тумбочке — пульсировал голубым. Ярко. Счастливо.

Лив

Голос. Тихий. Близкий.Его.

— Слышу, — прошептала я. — Спокойной ночи, Аларик.

И — где-то за стеной — я почувствовала его улыбку.

Глава 11 Древняя кровь

Стук в дверь пришёл до рассвета. Я знала этот стук. Резкий, короткий, официальный — три удара, ровные, как метроном. Тот же, что разбудил меня перед первым визитом к ректору. Тот же, что не предвещал ничего лёгкого. Я открыла глаза. Комната двести семь — тёмная, тихая. За окном — ни рассвета, ни звёзд, только плотная, непрозрачная чернота, какая бывает в последний час перед утром. Голубой камень на тумбочке пульсировал — быстрее обычного. Тревожно. — Госпожа Рейн, — голос за дверью. Другой, не тот, что в прошлый раз, но с тем же казённым безразличием. — Ректор просит вас. Немедленно. Я встала. Оделась — в темноте, на ощупь, привычными движениями. Тёмно-синее платье от Марго — я носила его почти каждый день, и оно стало второй кожей, привычной, своей. Заплела волосы. Повесила медальон на шею. Секунду — одну секунду — я постояла у стены. У той стены, за которой была комната двести восемь. Его комната. Я положила ладонь на камень — холодный, шершавый — и прислушалась. Гул. Тихий. Ровный. Спящий. Аларик ещё не проснулся. Его ядро пульсировало медленно, сонно, как дыхание человека в глубоком сне. Не буди, — подумала я. — Пока не буди. Может, ничего страшного. Может, это просто. Но камень в кармане пульсировал быстро. И я знала — что просто не бывает, когда ректор вызывает до рассвета. Я убрала руку от стены. Вышла из комнаты. И пошла за посыльным. Кабинет ректора встретил меня запахом пепла. Не камина — камин горел, как всегда, ровно и тепло, — а другого пепла. Бумажного. На столе — обычно заваленном свитками и документами — было почти пусто. Только один лист. Один — в центре стола, освещённый тусклым магическим светильником. И ректор. Элиас Кроу сидел за столом, но — иначе, чем обычно. Не откинувшись в кресле. Не с домиком из пальцев. Он сидел наклонившись вперёд, опираясь локтями на стол, и его лицо — обычно спокойное, мудрое, с той усталой иронией, которую я научилась узнавать. Он поднял голову, когда я вошла. — Госпожа Рейн, — сказал он. — Садитесь. Я села. В то же кресло — потёртая кожа, высокая спинка. Кресло, в котором я сидела в свой первый день в Академии. В котором узнала о своём ядре, о пятом уровне, о том, что мои каналы — другие. Сколько раз можно переворачивать жизнь в одном кресле? — Я получил ответ, — сказал ректор. Просто. Без предисловий. Без пауз. — Из архива Министерства. По символам с вашей шкатулки. Я сжала подлокотники. Кожа скрипнула под пальцами. — Ответ оказался — он замолчал. Потёр переносицу. Жест — усталый, человеческий, которого я у него раньше не видела. — Сложнее, чем я предполагал. Значительно сложнее. Он взял лист со стола. Развернул к себе. Я видела — на обратной стороне — строки мелкого текста и рядом — перерисовки папиных символов, но уже с пометками, расшифровками, стрелками. — Символы на шкатулке, — начал он, — не принадлежат ни к одному из известных магических алфавитов, зарегистрированных в Министерстве. Ни к древнему диалекту, ни к руническому письму, ни к алхимической нотации. Архивист потратил одиннадцать дней, прежде чем нашёл частичное совпадение. — Пауза. — В закрытой секции. В документах, доступ к которым имеют семь человек во всём Министерстве. Я молчала. Ждала. Сердце стучало — громко, неровно, — и гул внутри шевелился, настороженный, как зверь, почуявший запах. — Символы, — продолжал ректор, — принадлежат к так называемому корневому письму. Это система знаков, которая использовалась — и, предположительно, используется до сих пор — верховными магами. — Верховными магами, — повторила я. Слова были пустыми. Я не понимала. — Госпожа Рейн, — ректор положил лист на стол и посмотрел на меня, — то, что я сейчас скажу, не является общедоступным знанием. Большинство магов — включая профессоров этой Академии — знают о верховных магах столько же, сколько обычные люди знают о магии: слухи, легенды, обрывки. Реальность — значительно сложнее. Он встал. Подошёл к книжному шкафу. Достал книгу — старую, в потрёпанном переплёте, без названия на обложке. Положил на стол. — Верховные маги, — сказал он, — это не должность. Не титул.

Не организация. Это род. Древний. Закрытый. Насчитывающий, по разным источникам, от двух до четырёх тысяч лет непрерывной истории. Он открыл книгу. Страницы — пожелтевшие, хрупкие, покрытые мелким текстом и рисунками — зашелестели под его пальцами. — Род верховных магов устроен по принципу жёсткой иерархии. Во главе — Совет, состоящий из глав семей. Семьи — это не семьи в обычном смысле. Это линии крови. Каждая линия несёт определённый тип магии — не приобретённый, а наследственный. Передающийся только по крови. Только внутри рода. — Как — я подобрала слово, — как породы? Ректор посмотрел на меня. Без осуждения. — Если угодно — да. Грубая аналогия, но верная. Верховные маги выведены. Не природой — собой. Столетиями браков внутри рода, тщательного отбора, контроля за наследованием. Их магический потенциал — значительно выше, чем у обычных магов. Их ядра — мощнее, глубже, с резонансными частотами, которые — он замолчал. Посмотрел на меня. — Которые обычные маги не способны достичь. Тишина. Камин потрескивал. Я слышала собственное дыхание — неровное, рваное. — Вы хотите сказать, — медленно произнесла я, — что я — Я хочу сказать, — ректор сел обратно, — что символы на вашей шкатулке — корневое письмо верховных магов. Что означает: человек, положивший шкатулку в вашу корзину — ваша мать, ваш отец, или кто-то, действовавший от их имени, — принадлежал к этому роду. Мир — сдвинулся. Не упал, не рухнул — сдвинулся, как картина на стене, которую задела плечом. Чуть-чуть. Но достаточно, чтобы всё стало криво. — Моя мать, — прошептала я. — Или отец. Были верховными магами? — Один из них — точно. — Ректор выдержал паузу. — Архивист смог расшифровать часть символов. Три из семи. Первый — знак рода. Конкретной семьи идентифицировать не удалось — знак повреждён, часть линий стёрта, возможно, намеренно. Второй — защитная печать. Запечатывающее заклинание, привязанное к крови конкретного человека. Шкатулку может открыть только тот, чья кровь совпадает с кровью того, кто её запечатал. — Моя, — сказала я. — Моя кровь. — Вероятнее всего — да. Если шкатулка была оставлена для вас — а всё указывает на это, — то печать привязана к вашей крови. — Ещё пауза. — Третий символ — самый важный. Архивист определил его как знак отречения. — Отречения? — Отречения от рода. Формального, ритуального разрыва кровных связей. Человек, нанёсший этот знак, отрёкся от своей семьи. Или — был отречён. Я сидела в кресле. Руки — на подлокотниках. Пальцы — белые от напряжения. И думала — медленно, мучительно, — о том, что это означает. Моя мать. Или мой отец. Верховный маг. Из древнего, закрытого рода с жёсткой иерархией. Отрёкся — или был отречён. И — оставил меня. Двухлетнюю. На пороге приюта. С шкатулкой, запечатанной кровью, и без единой записки. Почему? — Браки, — сказал ректор, как будто услышав мой невысказанный вопрос. Может, и услышал — гул внутри меня шевелился всё сильнее, и стены кабинета чувствовали это, я видела, как руны у камина мерцнули. — Браки и помолвки верховных магов заключаются рано. Иногда — при рождении. И — почти никогда — по любви. По статусу. По стратегии. По необходимости сохранить линию крови. Он помолчал. — Если ваша мать была членом такого рода, — продолжал он, — и если вы — внебрачный ребенок Слово ударило. Не больно — глухо. Как камень, упавший на дно колодца. Внебрачный. — то ваше существование было бы угрозой. Для рода. Для линии крови. Для системы. Внебрачный ребёнок верховного мага — скандал. Не просто семейный — политический. Браки заключаются по договору. Нарушение договора — нарушение иерархии. А иерархия для верховных магов — всё. — И поэтому — мой голос был тихим, хриплым, не моим, — поэтому она меня оставила? — Возможно — для вашей защиты, — сказал ректор. И в его голосе — впервые за весь разговор — была мягкость. — Госпожа Рейн, я не знаю вашу мать. Не знаю обстоятельств. Но — знак отречения. Она отреклась от рода. Или была отречена. И после этого — оставила вас там, где вас не найдут. В обычном приюте. Среди обычных людей. С шкатулкой, которую может открыть только ваша кровь. — Пауза. — Это не поступок человека, который бросает ребенка. Это поступок человека, который прячет. Прячет. Я закрыла глаза. И увидела — не видением, не магией, просто воображением — женщину. Безликую,

безымянную. Стоящую ночью на пороге каменного здания. С ребёнком — маленьким, бело-головым, с голубыми глазами. И шкатулкой — тёмной, запечатанной кровью. Зачем? Что ты положила внутрь? Что ты хотела, чтобы я нашла? И — кто ты? Я открыла глаза. Посмотрела на ректора. — Можно ли узнать больше? Он вздохнул. Потёр переносицу — снова тот усталый, человеческий жест. — Можно. Но — сложно. Верховные маги — закрытый род. Они не контактируют с Министерством, не подчиняются его юрисдикции, не регистрируют рождения и браки в общем реестре. Вся информация о них — фрагментарная. Устаревшая. Часто — намеренно искажённая. — Он помолчал. — Для того чтобы узнать больше — для того чтобы узнать, кто ваша мать, какой семье она принадлежала и почему отреклась, — нужно встретиться с ними. Лично. С верховными магами. — Встретиться, — повторила я. — Просто так? Прийти и спросить? — Не просто так. И не спросить. — Ректор посмотрел на меня, и в его серых глазах было что-то — предупреждение. — Верховные маги не принимают просителей. Они принимают равных. Или тех, кто может доказать своё право. — Пауза. — Шкатулка. Если вы откроете её — если сможете открыть — то, что внутри, может быть этим доказательством. Ключом. Правом на вопрос. — Но шкатулка — у моих родителей. В поместье. За сотни миль. — Я знаю. — Он кивнул. — И я уже написал вашим родителям. С просьбой доставить шкатулку в Академию. Через магическую курьерскую службу — защищённую. — Пауза. — Это займёт время, госпожа Рейн. Дни. Может, недели. И я хочу, чтобы вы понимали: то, что мы найдём — если найдём — может быть непростым. Непростым. Я сидела в кресле, и мир вокруг меня — стены, камин, книги, лицо ректора — плыл. Не как в тот день в столовой — не размывался, не терял форму. Просто — двигался. Медленно, неуловимо, как земля, которая вращается, и ты вдруг чувствуешь это вращение. Верховные маги. Древний род. Закрытая иерархия. Браки по принуждению. Внебрачный ребёнок. Отречение. Защита. Мать, которая спрятала меня. Отец, которого я не знаю. Кровь, которая течёт в моих венах — древняя, мощная, чужая. И — я. Лив Рейн. Девочка из приюта. Дочь земледельца. Ученица Академии. Кто я? Вопрос — старый, знакомый, мучительный — поднялся из того места, где я держала его столько времени, и ударил в грудь. Как кулак. Как волна. Как Гул взорвался. Не как в тренировочном зале. Не как в столовой. Тише. Но — глубже. Как будто не сила рвалась наружу, а земля проваливалась подо мной, и я падала — вниз, в темноту, в ту бездну, которая жила внутри и которую я старательно не трогала. Свечение — молочно-голубое — вспыхнуло на ладонях. Потом — на руках. Потом — везде. Под кожей, по венам, по всему телу, как жидкий свет, как расплавленное серебро. Воздух в кабинете загустел — я чувствовала это, как чувствуешь давление на глубине: уши, виски, грудь. Книжки на полках задрожали. Чернильница на столе ректора подпрыгнула. Светильник на стене мигнул — раз, другой — и погас. — Госпожа Рейн, — голос ректора. Ровный — почти ровный. — Дышите. Контроль. Русло. Вспомните. Я пыталась. Русло. Каналы. Берега. Но — всё было залито. Река стала океаном, и берега исчезли, и я тонула — в собственной силе, в собственном страхе, в вопросах, на которые не было ответов. Кто я? Кто моя мать? Почему она меня оставила? Что во мне такого, что нужно прятать? Свет усиливался. Стены кабинета — старые, толстые, пережившие четыреста лет — застонали. Руны у каминя вспыхнули багровым — защита, активирующаяся автоматически. Но — недостаточно. Я видела — сквозь пелену света — как трещина побежала по потолку. Тонкая, как волос. Но — трещина. — Рейн! — голос ректора. Уже не ровный. И тогда — дверь. Она не открылась — влетела внутрь. Обе створки — одновременно, с грохотом, от которого рама треснула. И на пороге — он. Аларик. Он был — не одет. Не в форме, не в рубашке — в чём спал: свободных штанах, босой, с голым торсом, с волосами, торчащими во все стороны, с лицом, на котором — паника. Чистая, неприкрытая, сырая паника. Маски — нет. Брони — нет. Просто-мужчина, который проснулся от того, что его ядро закричало, и бежал через всё крыло, через лестницы, через коридоры — босиком, без раздумий — потому что она была в опасности. — ЛИВ! — его голос — не крик, а вопль, рваный, хриплый, отчаянный. Он пересёк кабинет в три шага. Не обошёл стол — перешагнул

опрокинутый стул. Встал передо мной — между мной и ректором, между мной и миром — и схватил меня за руки. Его ладони — горячие, живые, знакомые — сомкнулись на моих. И — как в тренировочном зале, как в сарае, как каждый раз — его ядро встретило моё. Тёмное — к светлому. Глубокое — к яркому. Берег — к океану. Свет — остановился. Не погас — замер. Как волна, застывшая на гребне. Как дыхание, задержанное на полувздохе. — Лив, — его голос. Тихий теперь. Тихий. — Лив, я здесь. Слышишь? Я здесь. Я слышала. Сквозь гул, сквозь свет, сквозь бездну — слышала. Его голос. Его дыхание. Его сердце — быстрое, испуганное, живое — стучащее в такт моему. Одно целое — Дыши, — шептал он. Его лоб прижимался к моему. Его руки — на моих. Его ядро — внутри моего, переплетённое, вросшее, как корни двух деревьев под землёй. — Дыши, Лив. Я держу. Я держу. Я дышала. Вдох. Выдох. Вдох. И — медленно, как отлив, как рассвет, как боль, которая уходит, — свет начал гаснуть. Не резко — мягко. Как будто кто-то убавлял яркость, поворачивая невидимый регулятор. Голубое сияние втягивалось обратно под кожу — по рукам, по венам, — и каналы, которые были разорваны, залиты, уничтожены, — восстанавливались. Не сами — он восстанавливал. Его сила — тёмная, спокойная — текла по нашим сцепленным рукам и латала. Дыру за дырой. Трещину за трещиной. Свет погас. Тишина. Я сидела в кресле. Аларик стоял передо мной на коленях — на коленях, босой, с голым торсом, с мокрыми от пота волосами — и держал мои руки, и его ладони дрожали. Я посмотрела на него. На его лицо — бледное, измученное, с тёмными кругами, которых не было час назад. На его глаза — широко открытые, живые, полные того, что я больше не могла отрицать. — Аларик, — прошептала я. — Прости. Я — Не смей, — его голос. Хриплый. Надломленный. — Не смей извиняться. Никогда. Он поднял мою руку. Прижал к своим губам. Не поцелуй — просто прикосновение. Его дыхание — тёплое, рваное — на моих пальцах. За столом — ректор. Я забыла о нём. Совсем. И теперь — повернула голову — увидела. Элиас Кроу стоял у стены. Книга, которую он показывал, — на полу. Чернильница — опрокинута. Стул — перевернут. Трещина на потолке — длинная, от стены до стены, тонкая, но настоящая. Его лицо было — белым. Глаза — серые, спокойные, старые — смотрели на нас без страха. С пониманием. — Господин Вейнар, — сказал он. Голос — ровный. Профессиональный. Как будто двадцатилетний студент не вломился в его кабинет босиком и не предотвратил выброс, который мог разнести стену четырёхсотлетнего здания. — Благодарю вас. Аларик не обернулся. Не отпустил моих рук. — Не за что, — ответил он. Глухо. Сквозь зубы. — Нет, — ректор покачал головой. — Есть за что. Вы почувствовали выброс через два крыла и три этажа. Вы прибыли за — он посмотрел на часы на стене, которые каким-то чудом не пострадали, — сорок секунд. И вы остановили то, что мои защитные руны — четвёртого порядка, между прочим — не смогли сдержать. Он помолчал. — Связь ядер, — сказал он тихо. — Теперь я понимаю, почему Феррон запросил руны седьмого порядка. Аларик наконец повернул голову. Посмотрел на ректора. На трещину в потолке. На перевернутую мебель. — Что вы ей сказали? — его голос был тихим. Опасным. — Правду, — ответил ректор. Не защищаясь. Не оправдываясь. Просто — правду. — О её происхождении. О том, что мы выяснили. — Пауза. — Она имела право знать. Аларик молчал. Я чувствовала — через сцепленные руки — как его ядро гудит. Не спокойно. Защитно. Как зверь, стоящий между своим детёнышем и угрозой. — Аларик, — я сжала его пальцы. — Он прав. Я просила его узнать. Это моё решение. Он посмотрел на меня. Долго. Его тёмные глаза — всё ещё живые, всё ещё открытые, без маски, без брони — искали что-то в моём лице. Нашли. — Ты в порядке? — спросил он. Тихо. Только для меня. — Сейчас — да, — ответила я. — Потому что ты здесь. Его пальцы на моих — сжались. Потом — расслабились. Он встал с колен. Выпрямился. Повернулся к ректору. И — надел маску. Не целиком — трещина осталась, широкая, светлая, — но достаточно, чтобы голос снова стал ровным. — Что вы узнали? — спросил он. Ректор посмотрел на меня. Разрешаешь? Я кивнула. Он рассказал — коротко, сухо, без деталей. Верховные маги. Древний род. Символы. Возможное внебрачное происхождение. Защита. Аларик слушал. Молча. Неподвижно. Его лицо не менялось — но я чувство-

вала, через связь, через ядро, через ту нить, которая соединяла нас глубже слов, — как внутри него поднимается что-то. Не гнев. Не страх. Что-то третье. Решимость. Когда ректор закончил, Аларик кивнул. — Шкатулка, — сказал он. — Когда она будет здесь? — Дни. Может, недели. — Мы будем ждать. — Он посмотрел на меня. — Вместе. Ректор кивнул. Потом — медленно, как будто взвешивая каждое слово, — добавил: — Я продолжу поиски. Верховные маги — закрытый род, но не невидимый. У меня есть контакты. Люди, которые знают людей, которые — он не договорил. — Я обещаю вам, госпожа Рейн: я найду больше. О вашей матери. О вашей семье. О том, почему вас спрятали. — Спасибо, — сказала я. И — впервые за всё утро — мой голос был твёрдым. Не дрожащим, не хриплым. Твёрдым. — Спасибо, господин ректор. За всё. Он посмотрел на меня. Потом — на Аларика, стоящего рядом, босого, с голым торсом и лицом, на котором — за маской, за бронёй — горела та решимость, которая не гаснет. — Идите, — сказал он. — Оба. Отдохните. Занятия сегодня — отменены. Для вас обоих. — Пауза. — И, господин Вейнар? — Да? — Наденьте рубашку. Студенты ещё спят, но проснутся через час, и мне бы не хотелось дополнительных слухов. Мы шли по коридору. Утреннему, пустому, холодному. Аларик — босиком, в штанах и ничего больше. Я — в тёмно-синем платье, с руками, которые всё ещё чуть светились под кожей. Он держал мою руку. Крепко. Не отпуская. — Верховные маги, — сказал он. Тихо. Задумчиво. — Да. — Твоя мать — из древнего рода. С жёсткой иерархией. С браками по принуждению. — Он помолчал. — И она отреклась. Ради тебя. — Может быть. — Не может быть. Точно. — Он остановился. Повернулся ко мне. В утреннем свете — сером, предрассветном — его лицо было открытым. Настоящим. — Лив. Послушай. — Слушаю. — Кем бы ты ни была — кем бы ни была твоя мать, какой бы ни была твоя кровь, — ты — Лив. Дочь Виктории и Александра Рейн. Моя нев — он запнулся. И — тихо, осторожно, как произносят слово, которое боятся разбить, — моя Лив. И это не изменится. Что бы мы ни нашли в той шкатулке. Что бы ни сказали верховные маги. Ничто — не изменит этого. Я смотрела на него. На тёмные глаза — светящиеся. На ямочки на щеках — те самые, которые появлялись, когда он был настоящим. На его руку — держащую мою, тёплую, крепкую, непоколебимую. — Я знаю, — сказала я. — Я знаю, Аларик. Он наклонился. Поцеловал меня — в лоб. Мягко. Долго. Как обещание. И мы пошли дальше. По коридору. К нашим комнатам. Двести семь и двести восемь.

Глава 12 Запретные страницы

Мы сидели на крыльце конюшни — я и Аларик — в тот странный час между рассветом и утром, когда мир ещё не решил, каким ему быть.

Прайм и Грейв были на пастбище — две фигуры, серебряная и чёрная, медленно движущиеся по зелёному полю. Бран ушёл за кормом. Мы были одни.

Я рассказала ему всё.

Не только то, что сказал ректор — это он уже знал. Всё остальное. Про шкатулку — тёмную, деревянную, покрытую символами. Про то, как мама достала её из тайника в тот вечер, когда моя жизнь раскололась надвое. Про папины слова — «не сейчас, сначала Министерство». Про то, как я хотела открыть её — тогда, в гостиной, у камина, — и не смогла. Не позволили.

Про то, что шкатулка запечатана моей кровью.

Про то, что внутри — может быть — ответы на все вопросы, которые я задавала себе с сознательного возраста.

Кто я? Откуда? Почему?

Аларик слушал. Молча. Не перебивая. Его тёмные глаза — внимательные, сосредоточенные — не отрывались от моего лица. Он сидел рядом — близко, плечо к плечу, — и я чувствовала его тепло сквозь ткань, и его гул — ровный, глубокий — рядом с моим.

Когда я закончила, он молчал ещё минуту. Потом сказал:

— Три символа из семи. Ректор расшифровал три. Осталось четыре.

— Да.

— И для расшифровки нужна либо шкатулка— либо

— Либо другой источник, — закончила я. — Книги. Записи. Что-нибудь о корневом письме верховных магов.

Аларик посмотрел на меня. Потом — на Академию, тёмной громадой возвышавшуюся над территорией, за конюшней.

— Библиотека, — сказал он.

— Майкл говорил, что в библиотеке есть запретная секция. Третий этаж, за хранилищем артефактов. Закрытая. Доступ — только для профессоров и ректора.

— Майкл также говорил, — Аларик чуть повернул голову, и в уголке его рта мелькнуло что-то, похожее на азарт, — что он работает над тем, чтобы туда попасть.

— Ты предлагаешь—

— Я предлагаю не ждать.

Я посмотрела на него. На Аларика Вейнара— лучшего студента, человека, который никогда не нарушал правил. Который носил форму застёгнутой на все пуговицы. Который пять лет был образцом дисциплины.

— Ты предлагаешь проникнуть в запретную секцию, — произнесла я медленно.

— Я предлагаю найти ответы, — поправил он. — Метод — вторичен.

— Аларик Вейнар. Ломает правила.

— Аларик Вейнар, — ответил он, и его тёмные глаза горели, — делает то, что нужно. Для тебя.

Мы смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

— Когда? — спросила я.

— Сегодня ночью.

Мы готовились весь день.

Не вместе — это было бы слишком заметно. По отдельности. Каждый — своё.

Аларик — выяснил расписание ночных обходов. В Академии дежурили двое — обычно старшекурсник и первокурсник, назначенные профессорами. Маршрут менялся каждую

неделю, но — как сказал Аларик с той спокойной уверенностью, которая означала, что он уже всё узнал, — «сегодня дежурят Рэй Гаррет и первокурсница с южного крыла, маршрут — восточное и северное крылья, библиотеку обходят в полночь и в три часа».

— Откуда ты знаешь маршрут?

— Рэй мне сказал. Я попросил.

— Ты попросил своего друга рассказать тебе маршрут ночного обхода. Просто так.

— Не просто так. Я сказал, что хочу потренироваться в тренировочном зале после отбоя.

Он не задавал вопросов. Рэй никогда не задаёт вопросов.

Я — выяснила план библиотеки. У Майкла. Который — конечно — имел подробную карту всех трёх этажей, включая запретную секцию, составленную на основе «архитектурных планов, обнаруженных в подвале хранилища».

— Рейн, — сказал Майкл, протягивая мне аккуратно сложенный лист, — я не спрашиваю, зачем тебе план запретной секции. Потому что ответ — очевиден. И потому что я сам пытался туда попасть четырнадцать раз.

— Четырнадцать?

— Тринадцать — неудачно. Четырнадцатый — почти удачно. Меня поймал Феррон. На лестнице. В два часа ночи. Он сказал: «Эстер, если вы так отчаянно хотите в запретную секцию — сдайте выпускной экзамен на отлично, и я лично вас туда отведу». — Пауза. — Это было на втором курсе. С тех пор я жду.

— Спасибо, Майкл.

— Не за что. — Он поправил очки. — И, Рейн? Если вас поймают — я ничего не знаю.

— Разумеется.

Полночь.

Академия спала. Или — притворялась, что спит. Лавиретти никогда не спала по-настоящему — стены дышали, руны пульсировали, светящиеся линии на потолках мерцали голубым, как вены огромного спящего существа. Но люди — спали. Коридоры были пусты, двери — закрыты, и единственный звук — далёкий, приглушённый — был шагами дежурных, обходящих восточное крыло.

Я вышла из комнаты двести семь. Тихо. В тёмном платье — том самом, повседневном, от Марго, — с волосами, убранными под воротник. Без света. Без магии. Только — камень в кармане, пульсирующий тихо, ровно, направляюще.

Аларик ждал у лестницы. Тёмная рубашка, тёмные штаны, тёмные волосы — он сливался с тенью, как будто был её частью.

Мы не говорили. Не нужно было. Он посмотрел на меня — готова? — я кивнула — готова — и мы пошли.

Библиотека была в центральном крыле — три этажа, сотни стеллажей, тысячи книг. Днём — живая, гудящая голосами и шелестом страниц. Ночью — другая. Тихая. Настороженная. Как храм, из которого ушли прихожане, но бог — остался.

Мы вошли через боковую дверь — ту, которую Майкл отметил на карте крестиком и подписью: «Замок — декоративный. Не закрывается». Дверь действительно не была заперта. Она скрипнула — тихо, жалобно, — и мы проскользнули внутрь.

Первый этаж — обычный. Стеллажи, столы, стулья. Лунный свет — бледный, серебристый — падал через высокие окна, рисуя на полу прямоугольники. Я шла за Алариком — он знал дорогу лучше, двигался уверенно, бесшумно, как кошка — и думала: вот он. Аларик Вейнар. Ледяная глыба. Капитан сборной по выездке. Образец дисциплины. Крадёт по библиотеке в полночь, как вор.

Лестница на второй этаж. Потом — на третий. Здесь было темнее — окна узкие, свет едва проникал. Стеллажи — выше, плотнее, с книгами, которые пахли иначе. Не бумагой и чернилами — временем. Пылью столетий. Магией, впитавшейся в кожаные переплёты.

В конце третьего этажа — дверь. Не деревянная — железная. Тяжёлая, с рунической вязью по периметру, тускло мерцающей красным. Запертая. По-настоящему запертая.

Мы остановились.

— Руны, — прошептала я. — Защитные. Четвёртого порядка, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься, — Аларик рассматривал дверь. Его лицо в полумраке было сосредоточенным. Ни тени сомнения. Ни тени страха. Просто — задача, которую нужно решить. — Четвёртый порядок. Стандартная защита. Реагирует на чужую магию — если попытаться вскрыть заклинанием, руны активируют тревогу.

— И как мы—

— Не заклинанием.

Он положил ладонь на дверь. Не на руны — между ними. На голое железо. И — замер. Я смотрела. И чувствовала — через связь, через ядро — как его сила потекла. Не вспышкой. Не потоком. Просачиванием. Медленно, тихо, как вода сквозь песок. Его тёмная энергия — густая, глубокая — обтекала руны. Не касалась их. Не активировала. Просто — проходила мимо. Как река обтекает камень.

Замок щёлкнул.

Дверь — открылась. Тихо. Без тревоги. Без вспышки.

Я уставилась на Аларика.

— Как?

— Руны реагируют на магическое воздействие, — ответил он, убирая руку. — На попытку взломать. Но если не ломать — если обойти, как воду обходят в русле, — они не замечают. Феррон научил меня на втором курсе. — Пауза. — Он, правда, не знает, для чего я это использую.

Он толкнул дверь. Мы вошли.

Запретная секция библиотеки Академии Лавиретти была — маленькой.

Я ожидала — что? Огромный зал. Стеллажи до потолка. Тысячи книг. Драматический свет и зловещая музыка.

Вместо этого — комната. Небольшая, квадратная, с одним окном — зарешечённым. Четыре шкафа — застеклённых, с дверцами на замках. Стол — один, маленький, со стулом. И — запах. Тот же, что в кабинете ректора, — старая бумага, чернила, пепел. Но гуще. Древнее. Как будто сам воздух здесь пропитался временем и не хотел отпустить.

Книг было немного — может, пятьдесят. Но каждая — другая. Не учебники, не пособия. Рукописи. Свитки. Фолианты в переплётах из кожи — не обычной, а странной: тёмной, чешуйчатой, с тиснением, которое меняло рисунок, когда я смотрела под другим углом.

— Ищем что-нибудь о верховных магах, — сказала я. — О корневом письме. О родах. О символах.

Мы разделились. Аларик — левые шкафы, я — правые.

Стёкла шкафов не были заперты — очевидно, руны на двери считались достаточной защитой. Я открыла первый шкаф. Запах ударил — густой, пряный, от которого закружилась голова.

Книги. Древние. Некоторые — без названий, без авторов, только символы на корешках. Другие — с названиями на архаичном диалекте, который я уже могла читать — медленно, по слогам, но могла.

«Природа магического ядра: исследования рода Таллиэн» — нет.

«Артефакты крови: создание и разрушение» — нет. Хотя — интересно. Потом.

«Руническая защита: высшие порядки» — нет.

«Иерархия древних родов: записки наблюдателя» — возможно. Я вытащила. Отложила.

— Лив, — голос Аларика. Тихий. Напряжённый. — Иди сюда.

Я подошла.

Он стоял у нижнего шкафа — того, что ближе к полу, в тени, куда почти не доставал лунный свет. В его руках была книга.

Нет. Не книга. Книга.

Она была — старой. Настолько старой, что переплёт — тёмно-коричневый, потрескавшийся — казался не кожей, а корой. Как будто книгу вырезали из ствола дерева и отполировали столетиями прикосновений. На обложке — ни названия, ни автора. Только — символ.

Спираль. Окружённая шестью точками.

Тот самый.

Тот, что я видела на прожилках лунников. Тот, что был среди символов на шкатулке. Тот, что ректор назвал частью знака рода.

— Это он, — прошептала я. — Аларик, это он.

Он кивнул. Молча. Протянул мне книгу.

Я взяла. Тяжёлая — тяжелее, чем выглядела. И — тёплая. Не от рук Аларика — сама по себе. Как камень в кармане. Как Прайм под седлом. Живая.

Я открыла.

Страницы — не бумажные. Пергамент. Плотный, желтоватый, исписанный мелким текстом — корневым письмом. Те же спирали, треугольники, переплетённые линии, что на шкатулке. Но — больше. Целые страницы. Десятки страниц.

И — рисунки. Деревья — генеалогические, ветвистые, с именами на каждой ветке. Символы родов — каждый в круге, каждый — уникальный. Карты — территорий? Владений? Я не могла прочесть — но видела структуру. Порядок. Иерархию.

— Я не могу прочесть, — сказала я. Голос — разочарованный. — Корневое письмо. Мне нужно время. И—

— Забираем, — сказал Аларик.

Я посмотрела на него.

— Забираем книгу. Из запретной секции. Ту, которую не должны были видеть.

— Да.

— Аларик, если нас поймают—

— Не поймают, — он сказал это с той абсолютной уверенностью, которая была его. Не показной — настоящей. — Мы вернём её. Когда прочтём. Но сейчас — нам нужна эта книга. И я не собираюсь ждать, пока бюрократия Министерства разрешит тебе узнать, кто ты.

Я смотрела на него. На тёмные глаза — горящие в полумраке. На лицо — решительное. На руки — те самые, которые держали поводья Грейва, которые останавливали мои выбросы, которые обнимали меня, — готовые.

— Ладно, — сказала я. — Забираем.

Мы вышли тем же путём. Аларик закрыл дверь — тем же методом, обтекая руны, — и мы прошли через тёмную библиотеку, через боковую дверь, через коридоры — бесшумно, как два призрака.

Дежурных мы не встретили. Рэй и первокурсница, видимо, были в восточном крыле — далеко от нас.

У лестницы к нашим комнатам Аларик остановился.

— Ко мне, — сказал он. — В моей комнате — стол больше. И свет — лучше. И — он замялся. На секунду. — Я хочу быть рядом, когда ты будешь читать.

Я кивнула.

Комната двести восемь.

Я была здесь впервые.

И — остановилась на пороге.

Не потому что комната была особенной. Она была — такой же, как моя. Те же серые стены. Та же узкая кровать. Тот же стол у окна, тот же шкаф, тот же каменный умывальник.

Но — другая. Потому что она была его.

На столе — не книги и тетради, как у меня. Седло — маленькое, тренировочное, — которое он, видимо, ремонтировал. Инструменты — кожаные ремни, иглы, нитки. Рядом — флакон с маслом для кожи. Запах — его запах: кожа, лошадиный пот, что-то горьковатое, незнакомое, правильное.

На подоконнике — ничего. Ни фотографий, ни медальонов. Только — маленький камень. Тёмный, почти чёрный, с красноватыми прожилками. Его камень — слёзный, как мой голубой, только другой. Тёмный, как его ядро.

Стены — голые. Ни рисунков, ни плакатов. Только — на одной, у кровати, — лист бумаги. Приколотый булавкой.

Я подошла ближе. Посмотрела.

И — замерла.

Это был мой рисунок. Тот, первый — лунник у ручья. Тот, что я показала на занятии Данары. Тот, что был в моей тетради.

— Откуда — начала я.

— Данара, — ответил Аларик. Он стоял у двери, скрестив руки, и его лицо — в тусклом свете магического светильника — было мягким. — Я попросил копию. Она сделала. — Пауза. — Это единственное украшение, которое мне нужно.

Я смотрела на рисунок. На тонкий серебристый стебель. На спиральные листья. На звезду из пяти лепестков.

Он повесил мой рисунок у кровати. Единственное, что на стене. Он засыпает, глядя на него.

Что-то внутри меня — не гул, не магия, что-то человеческое, простое, древнее — жалось. Как кулак. Как сердце.

Я повернулась к нему. Он стоял — прямой, высокий, с тёмными глазами, которые смотрели на меня так, как смотрел всегда — терпеливо, глубоко, выжидающе. Как будто вся его жизнь была ожиданием этого момента.

Я подошла. Не быстро. Шаг за шагом. По каменному полу, мимо стола с седлом, мимо кровати, мимо всей его жизни — скромной, аскетичной, одинокой — до того дня, когда я вошла в эту Академию.

Я остановилась перед ним. В шаге.

Он не двигался. Не дышал. Его тёмные глаза — широко открытые, живые, перепуганные — смотрели на меня сверху вниз, и в них было всё — всё, что он прятал пять лет, что носил в себе шесть лет, что жило в его ядре столетиями.

Я подняла руки. Положила ладони на его лицо — как он делал, когда останавливал мои выбросы. Его скулы под моими пальцами. Его кожа — тёплая, чуть шершавая от щетины.

И — поцеловала его.

Сама.

Не он — я. Впервые.

Не отчаянно, как в тренировочном зале. Не нежно, как он целовал меня в щёку. По-другому. Медленно. Осознанно. Так, как целуют, когда выбирают. Когда не инстинкт, не выброс, не паника — а решение. Чистое, ясное, моё.

Его губы под моими — замерли. На секунду — одну бесконечную секунду — он был неподвижен. Как камень. Как скала. Как человек, который не верит.

А потом — ответил.

Его руки — те самые, сильные, с мозолями от поводьев — легли мне на талию. Притянули. Ближе. Его губы ожили — мягко, осторожно, как будто он боялся, что я исчезну, что это сон, что —

— Лив, — выдохнул он в мои губы. — Лив, я —

— Тише, — прошептала я. — Не надо слов.

— Надо, — его голос — ломкий, хриплый, дрожащий. — Надо, Лив. Потому что я — он отстранился. На сантиметр. Его лоб — к моему. Его дыхание — тёплое, рваное — на моих губах. — Потому что я люблю тебя.

Тишина.

Не пустая. Полная.

— Я люблю тебя, — повторил он. Тише. Увереннее. Как будто, произнеся это однажды, он понял, что может произнести снова. — Не потому что ядра. Не потому что связь. Не потому что столетия. Потому что — ты. Потому что ты рисуешь лунники и разговариваешь с лошадьми. Потому что ты не побоялась сказать мне «нет» перед всей Академией. Потому что ты — самый сильный человек, которого я встречал. И самый упрямый. И самый красивый. И я — люблю тебя. Каждую секунду. С того момента, когда ты соскользнула с Искры в мои руки в том чёртовом сарае.

Я в его объятьях — в комнате двести восемь, в полночь, с древней книгой на столе и лунниковым рисунком на стене, — и плакала. Не от горя. Не от страха. От того, что внутри — в том месте, где жил гул, где жило ядро, где жило всё — что-то расцвело. Как лунник. Как звезда. Как огонь, который ждал столетия, чтобы вспыхнуть.

— Я тоже, — прошептала я. И слова были мокрыми от слёз, и тёплыми от его дыхания, и настоящими — настолько настоящими, что стены комнаты двести восемь, кажется, вздрогнули. — Я тоже тебя люблю, Аларик. Люблю.

Он прижал меня к себе. Крепко. Так, как прижимают то, что боялись потерять и наконец — наконец — нашли. Его лицо — в моих волосах. Его руки — на моей спине. Его сердце — стучащее, быстрое, неровное, живое — под моей щекой.

И гул — мой и его — запел. Не тихо, не осторожно — полно. Как два голоса, которые наконец нашли свою песню.

Мы просидели до рассвета.

Не над книгой — хотя и над книгой тоже. Но сначала — просто сидели. На его кровати, плечо к плечу, рука в руке, в тишине, которая была полнее любых слов. Я — прижавшись к его боку, чувствуя его тепло, его дыхание, его присутствие. Он — обнимая меня одной рукой, второй — поглаживая мои волосы, медленно, ритмично, как гладят лошадь.

Потом — книга.

Мы открыли её на столе. Я — с карандашом. Он — с чистым блокнотом.

Корневое письмо. Страница за страницей. Я — медленно, по символу, по слогу — разбирала текст, используя то, что уже знала, и угадывая остальное по контексту. Аларик — записывал, систематизировал, структурировал. Его почерк — чёткий, ровный — ложился на бумагу строка за строкой.

К рассвету мы расшифровали — частично — три страницы. Из семидесяти.

Но эти три страницы содержали — генеалогическое древо. Одного из родов верховных магов. С именами. С датами. С символами.

И один из символов — в нижней ветви дерева, на самом краю, там, где ветка обрывалась, — был тем самым повреждённым знаком, который ректор не смог идентифицировать.

Обрыв. Пустота. Линия, ведущая в никуда.

Отречённая ветвь.

— Это она, — прошептала я. — Это линия моей матери. Здесь.

Аларик сжал мою руку.

— Мы найдём, — сказал он. — Обещаю.

Я вернулась в свою комнату на рассвете. Тихо. Через стену — его комната. Его тепло. Его гул. Рядом.

Я села на кровать. Прижала к груди камень — голубой, пульсирующий. Посмотрела на медальон с портретом мамы и папы.

Мама, папа. Я нашла кое-что. Я ещё не знаю, что именно. Но — нашла. И я не одна. Я больше не одна.

Я закрыла глаза.

И — только на секунду, на одну короткую секунду — позволила себе вспомнить. Его губы. Его голос. Его слова — я люблю тебя. Три слова, которые изменили всё. Которые были всем.

Потом — стук в дверь.

Я вздрогнула. Открыла глаза.

— Лив! — голос Марго. Приглушённый. Взволнованный. — Лив, открой! Быстро! У меня новости!

Я встала. Открыла дверь.

Марго стояла на пороге. В пижаме — розовой, с кружевом, которую она сшила себе на прошлой неделе. Волосы — распущены, тёмные, вьющиеся. Лицо — горящее. Глаза — огромные. И на её губах — улыбка, которую я не видела никогда. Не дерзкая, не весёлая, не яркая — сияющая. Как если бы кто-то зажёл внутри неё свечу и она не могла погаснуть.

И — на её руке — серебряный браслет. Тот самый. Реликвия Вейнаров. Но — рядом с ним — что-то ещё. Тонкое. Золотое. Кольцо.

— Марго, — сказала я. Медленно. Глядя на кольцо.

— Что—

— Закрой дверь, — прошептала она. — Закрой дверь, Лив. И сядь.

Я закрыла. Села на кровать. Марго — рядом. Её руки — дрожали. Не от страха — от чего-то другого. От того, что не помещалось внутри и рвалось наружу.

— Лив, — сказала она. И голос — Маргошин голос, всегда громкий, всегда уверенный — был тихим. Хрупким. Как стекло. Как первый лёд. Как счастье, которое боишься спугнуть. — Лив, я вышла замуж.

Тишина.

Одна секунда.

— Что? — произнесла я.

— Я вышла замуж, — повторила она. И — рассмеялась. Тихо, сквозь слёзы, которые уже текли по её щекам, прозрачные, счастливые. — За Лиама. Сегодня ночью. Тайно.

Я сидела. Смотрела на неё. На кольцо — тонкое, золотое, с крошечным камнем. На браслет — серебряный, с гербом Вейнаров. На её лицо — мокрое, сияющее, невозможное.

— Как? — это было единственное слово, которое я смогла произнести.

— Ректор, — сказала Марго. И вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Ректор Кроу. Он имеет право проводить магические брачные церемонии — это часть его полномочий, старый закон, никто не пользуется, но он есть. Лиам узнал. Конечно Лиам узнал — он Вейнар, они находят всё. — Она всхлипнула. — Он пришёл ко мне вчера вечером. С кольцом. Встал на колени. Сказал: «Марго Тирс, я обещал, что попрошу тебя по-настоящему, когда придёт время. Время пришло. Не потому что я готов — я буду готовиться всю жизнь. А потому что каждый день без тебя — потерянный. И я не хочу больше терять».

Она замолчала. Посмотрела на кольцо. Повернула его на пальце — медленно, как будто проверяя, что оно настоящее.

— Я сказала «да», — прошептала она. — Лив, я сказала да. И мы пошли к ректору. В полночь. В пижамах. Ректор открыл дверь, посмотрел на нас — на Лиама в штанах и рубашке навыпуск, на меня в этой пижаме, — и сказал: «Господин Вейнар, госпожа Тирс. Я полагаю, это не может подождать до утра?» И Лиам ответил: «Нет, господин ректор. Не можем».

— И ректор согласился?

— Он вздохнул. Долго. Потёр переносицу. Потом — улыбнулся. Лив, ректор Кроу улыбнулся. Я чуть не упала. — Она всхлипнула снова. — Он провёл церемонию. Простую. Короткую. Магическую — настоящую. Наши ядра соединились. Не как у вас с Алариком — по-другому. Не древняя связь — новая. Созданная здесь, сейчас, нами. — Она подняла руку. Браслет и кольцо — серебро и золото — мерцали рядом. — Я теперь Вейнар, Лив. Марго Вейнар. — Она рассмеялась. — Боги. Марго Вейнар. Звучит невозможно.

Я смотрела на неё. На мою подругу. На мою сестру — потому что чем, если не сестрой, была мне Марго Тирс? Нет — Марго Вейнар.

И — обняла её.

Крепко. Молча. Так, как обнимают людей, когда слова — любые слова — слишком малы для того, что чувствуешь.

— Лив, — прошептала Марго в моё плечо. — Скажи что-нибудь. Пожалуйста. Я умираю, когда ты молчишь.

Я отстранилась. Посмотрела ей в глаза — карие, с золотыми искрами, мокрые, сияющие.

— Ты обещала, — сказала я, — что я буду на твоей свадьбе. Первый ряд. В серебристом платье.

Марго моргнула. Потом — рассмеялась. Громко. По-Маргошину.

— Официальное торжество, — сказала она, вытирая слёзы, — через неделю. Ректор настоял — сказал, что тайная церемония — это магически достаточно, но социально — нет. Нужны свидетели, документы, праздник. — Она ухмыльнулась. — И торт. Эгнис уже в курсе. Она сказала: «Наконец-то. Я ждала с первого дня».

— Эгнис знала?

— Эгнис всегда знает. Это её суперсила. Не магия — интуиция.

Мы сидели на кровати — две девчонки в полутьме, в пижаме и в платье, с мокрыми глазами и улыбками, которые не помещались на лицах. За окном — рассвет. Серый, холодный, обычный. Но — другой. Потому что всё было другим.

— Лив, — Марго взяла мою руку. Сжала. — Я хочу, чтобы ты знала. Ты — первый человек, которому я рассказала. До Мэтта. До Майкла. До всех. — Пауза. — Потому что ты — моя лучшая подруга. Моя сестра. И без тебя — без того, что ты пришла в эту Академию, без того, что ты есть — ничего этого не было бы. Потому что Лиам приехал из-за Аларика. А Аларик изменился из-за тебя. А я встретила Лиаму из-за тебя. Всё — из-за тебя.

— Марго

— Не перебивай. Я ещё не закончила. — Она вздохнула. Глубоко. — Я хочу, чтобы ты была моим свидетелем. На официальной церемонии. Через неделю. Ты — и Аларик. Два свидетеля. Два Вейнара. — Она подмигнула. — Ну, один Вейнар и одна будущая Вейнар.

— Марго!

— Что? Я констатирую. Как Майкл. Только с лучшим вкусом.

Я рассмеялась. Громко. Свободно. Так, как смеялась в кухне Эгнис в свой первый день — только теплее. Полнее. Счастливее.

— С удовольствием, — сказала я. — Буду свидетелем. В серебристом платье. На первом ряду.

Марго сияла.

— Идеально, — сказала она. — А теперь — спать. Потому что через три часа — завтрак. И я должна выглядеть как невеста, а не как привидение.

Она встала. Пошла к двери. Остановилась. Обернулась.

— Лив?

— Да?

— Спасибо. За всё. За всё.

И — ушла.

Я легла. Натянула одеяло. Закрывает глаза.
Голубой камень на тумбочке — пульсировал. Ярко. Счастливо.
За стеной — комната двести восемь. Аларик. Его гул — ровный, тёплый, родной.
На столе — листок с расшифровкой. Три страницы из семидесяти.
— На губах память о его губах. О его словах — я люблю тебя.
В мире — Марго Вейнар. Звучит невозможно. Звучит правильно.
Лив
Голос. Тихий. Близкий. Его.
— Слышу, — прошептала я.-Я люблю тебя.
И — камень вспыхнул.
Ярче, чем когда-либо. Голубым. Чистым. Живым.
И за стеной — я почувствовала — тёмный камень на его подоконнике вспыхнул тоже.

Глава 13